

ХРОНИКИ ЛЕРОНА

18+

Артём Кившарь

Артём Кившарь
Хроники Лерона

«Автор»

2000

Кившарь А. А.

Хроники Лерона / А. А. Кившарь — «Автор», 2000

Всё неоднозначно! Развитие сюжета, ход событий и приключения персонажей в самом начале кажутся вполне простыми и закономерными, но постепенно возникает ощущение, что «что-то тут не так». Клубок, потянутый за ниточку, разматывается все быстрее. Из главы в главу открывается страшная правда об истинном устройстве Вселенной... Вместе с главным героем тебе предстоит поломать голову над многочисленными загадками, пережить любовь, предательство, сражения.

© Кившарь А. А., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Часть первая. Герцог Чистой Земли	6
Пролог. Судьба выделяет коленца	6
Глава I. Беглец	12
Глава II. Беглец. Недалекое прошлое или небольшая ретроспекция	15
Глава III. Туманные намеки	19
Глава IV. Старый друг лучше новых двух	23
Глава V. Ищут ли любви от любви?	28
Глава VI. Волк в овчарне	32
Глава VII. Версии	36
Глава VIII. Радости и горести	38
Глава IX. События в Тровере	44
Глава X. Момент истины	49
Глава XI. Вновь продолжается бой	55
Глава XII. Смерть пирует	61
Глава XIII. Откровение святого Толсона	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Артём Кившарь

Хроники Лерона

В оформлении обложки использована фотография автора David Revoу с <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Boromir.png> по лицензии CC-BY

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

Ф. Ницше

Часть первая. Герцог Чистой Земли

Пролог. Судьба выделяет коленца

Я вернулся. Меня встречал дождь, теплый летний дождь. Запах мокрого асфальта щеко-тал ноздри. Я стоял на площади и плакал. Слезы катились по щекам, слезы радости и слезы печали. Тяжелые капли били в лицо, смывая их, но я продолжал стоять на главной площади Города, который был мне до сих пор очень дорог, и поэтому слезы текли и текли. И поэтому слегка покалывало в груди.

Не знаю, сколько прошло времени, пока отхлынула эта волна ностальгии, но первое, что я понял, придя в себя, это то, что моя одежда насквозь промокла. Я поспешил в подземный переход, где выкурил сигарету, обдумывая свои дальнейшие действия. Восстановив в голове заранее продуманный план, я приступил к его осуществлению. На такси я добрался до торгового центра, где приобрел все необходимые вещи, и на такси же подъехал к гостинице. Администратор долго рассказывал о том, что мест уже нет, но если мне "очень надо", то можно найти раскладушку и подселить к кому-нибудь. Несколько зеленых купюр заставили его найти одноместный "люкс" и даже самому отнести туда мои чемоданы с покупками.

Мокрую одежду я выбросил в мусорное ведро, принял душ и заказал ужин в номер. Через полчаса, плотно набив желудок, я упал на кровать и сразу уснул.

... Я несся в огромном водовороте времени и пространства. Я летел сквозь пульсирующий тоннель, сплетенный из чьих-то жил, вен, нервов цвета смолы. Ужасные лица встречались мне в пути, они то плакали, то смеялись, искажаясь в гримасах боли и злобной радости. Запахи постепенно становились плотными и вязкими, липли к телу, просачивались через поры вовнутрь. Смена яркого света и полнейшего мрака, громоподобных ревов и мертвой тишины, сумасшедших скоростей и абсолютной неподвижности...

Я проснулся в холодном поту. Спокойно, Лерон, все нормально, ты в гостинице, в своем номере. Ты вернулся, чтобы завтра... Стоп, уже сегодня. Чтобы сегодня встретиться с Агентом. Он должен передать тебе ценную информацию, после чего ты должен уйти туда, откуда пришел. Встреча в ночном клубе. В 23⁰⁰ ты выйдешь покурить на улицу, где к тебе должен подойти Агент и спросить, когда ты в последний раз был в Городе, на что ты должен ответить, что довольно-таки долго здесь тебя не было. Агент должен задать очередной вопрос, уточняя твое "долго", закуривая при этом "Marlboro". Твоя заключительная фраза "Почти всю жизнь" и сигарета "Winston" должны развеять сомнения Агента.

Ночной клуб, расположенный на другом конце города, гостеприимно распахивал свои двери перед владельцами "Мерседесов", "БМВ", "Вольво" и других машин, а также перед сопровождающими их дамами и телохранителями. Вошел и я, заплатив при входе "полтинник", и сразу окунулся в феерию звуков, красок, запахов. Я сел за столик, на котором красовались бутылка шампанского и коробка конфет. Через пару минут подошли мои соседи – два мужика в костюмах от "Версаче" и женщина лет сорока, тоже неслабо прикинутая.

– Анатолий, – сказал один.

– Виктор, – сказал второй.

– Артем, – сказал я.

– А я Ирина, – промурлыкала женщина.

За знакомство распили шампанское. Тем временем "новые русские" и мажоры продолжали прибывать, заполняя столики, расставленные по периметру большого зала, в центре кото-

рого расположилась сцена, светящаяся огнями юпитеров, стробоскопов, лазеров и простых прожекторов.

Я заказал ужин, состоящий из салатов из рачьих шеек, бутербродов с красной икрой, осетрины, запеченной в грибном соусе, жареного картофеля, печени минтая, двух бутылок "Абсолюта", двух шампанского и одной вина, не говоря уже про приправы и напитки. Следуя правилам этикета, я сказал: "Угощаю" и раскроился на кругленькую по меркам Города сумму.

После того как мы выпили полбутылки водки, и разговор переключился с общих тем на тему новых наворотов в сотовых телефонах, на сцене появился конференсье, что-то долго бубнил себе под нос и в конце своей речи выкрикнул что-то типа: "Гай Гуй!". Откуда-то сверху выпрыгнули два парня, один в джинсах и с гитарой, другой в желтом комбинезоне и с микрофоном. Еще быстрее закрутились юпитеры и завертелись лазеры, и начался забой. Это был умопомрачительный рэв со вставками жестких гитарных рифов. Мы же, то есть я, Анатолий, Виктор и Ирина продолжали пить, причем Ирина, уже прикончив бутылку вина, положила мне на колено ладонь и что-то щебетала на ухо. Еще немного водочки и мне стало хорошо. Даже слишком. Я извинился, пообещал вскоре вернуться и встал из-за стола. Ирина вцепилась в мой пиджак и попросила, чтобы я потанцевал с ней. Обнадежив ее улыбкой, я выбежал в холл, где воздух был более свеж и не так давило на уши "злое техно".

– Артем! Ты?!

Я обернулся. Она была великолепна. Милое личико, обрамленное черными шелковистыми волосами, дорогое платье, облегающее ее хрупкую, но чертовски привлекательную фигурку.

– Привет, Анжела, – сказал я.

– Ну, здравствуй, Тёма, – улыбнулась она.

– Сколько лет, сколько зим, – меня качнуло вправо.

– Ты здесь сам? – поинтересовалась она.

– Сам, – меня качнуло влево. – А ты?

– Сама.

– Так может стоит провести вечер вместе? – меня повезло назад. Что я делаю?

– Не думаю, – последовал ответ.

– Я не пьян, если хочешь знать, – сказал я и икнул.

– Да уж. Ну ладно, пошли потанцуем.

Мы вошли в зал, я крутой-прекрутой, и она, милая-премилая. Протолкавшись к сцене, мы задержались в бешеном ритме танца. Я вспотел, но меня начало попускать, что было очень вовремя, так как большая стрелка на моих часах приближалась к "12", а малая уже почти находилась на "11". Пора смываться от Анжелы, подруги моей молодости, с которой я ни за что не расстался бы при других обстоятельствах. Да, но предварительно надо взять у нее телефончик.

– Анжел, – начал я, перекрикивая техно-напор "Гай-Гуя".

– Извини, Артем, но нам надо прощаться, – перебила она.

То, что лекарь прописал. Она избавила меня от объяснений и извинений. Я с надеждой спросил:

– Но мы еще увидимся?

– Может быть, – ответила Анжела, пробираясь к столикам.

– Тогда оставь номер своего телефона, – не отставал я.

Она кивнула, достала из сумочки листок бумаги, что-то черкнула на нем и выбежала в холл. Во время вспышек стробоскопов я прочел записку: "Позвони завтра". И номер. На моем лице расплылась глупая улыбка. А вот и мой столик.

– Ирина, а где ваши кавалеры? – спросил я.

Она подняла на меня взгляд. Потухшие глаза. Мятая прическа, размазанная губная и потекшая тушь. Она плакала, и мне стало жалко ее. Я посмотрел на часы. Без десяти. Я подвиг

нул к столу стул и налил себе и ей шампанского. Она с укором, даже с осуждением уставилась на бокал, надув губы. Прошло минуты две, когда она опять включилась и схватила меня за рукав:

– Скажи, ты хочешь меня? Скажи!

– Где Ваши друзья, Ирина?

– А, подонки, – процедила она сквозь зубы и добавила: – Альфонсы дешевые.

И опять, как бы спохватившись:

– А ты хочешь меня?

– Да.

– Поехали ко мне.

– Поехали. Сейчас я закажу такси и вернусь за тобой.

Обманешь.

– Ну что ты, Ир, – я вновь наполнил ее бокал шампанским и направился на улицу.

Город спал. Легкий ветерок играл листьями деревьев, и их тихий шелест приятно ласкал слух. Сверчок! Откуда он взялся в Городе? Ночь была теплой. Дневная жара давно уже спала, и было хорошо вот так стоять на ступеньках клуба и слушать сверчка, вдыхать запах городских цветов, смотреть на звезды. Город, я уже начал тебя забывать! А ты, как я посмотрю, еще помнишь меня. Ни ждал я, ни гадал, что встречу здесь сегодня увлечение своей молодости, Анжелику. Волна воспоминаний нахлынула на меня. Вот точно таким же вечером сидели мы с ней когда-то давным-давно в летнем кафе и пили шампанское. Она была моей сокурсницей по университету и хорошим другом по жизни, и мы иногда проводили с ней такие дружеские вечера. Но именно в тот раз хмель ударил мне в голову, и я решил немного поиграть. Осторожно я намекнул, что равнодушен к ней. Она улыбнулась. И меня понесло: какие красивые слова я говорил ей, какие литературные обороты употреблял! Она все это проглотила, повелась, как выражались мы тогда с друзьями. Теперь-то я знаю, почему она поверила. Потому что я говорил ей о своих чувствах чистую правду, думая, что лгу, играю. Я любил ее. Она любила меня. Мы с ней долго встречались, пока нас не разлучила судьба.

– Вышел подышать?

– Я думал, ты уже уехала, – это была Анжела. Черт, ну как же она не вовремя! Ровно одиннадцать. Где ты была раньше, почему именно сейчас пересеклись наши пути?

– Я думала, ты в зале.

– Как видишь, нет.

Пауза. Как я ненавижу такие моменты! Мимо шастали мужики в дорогих костюмах, и любой из них мог быть Агентом. А мне надо было отделаться от самой прекрасной девушки на свете. Да, ситуация. Мы стояли и молчали, бросая изредка друг на друга косые взгляды. Пауза затянулась. Я закурил. Она закурила.

– Поймать такси? – спросил я.

– Не надо, лучше принеси мне чего-нибудь выпить, – ответила она.

– Сейчас, докурю.

Я докурил, но даже не двинулся с места.

– Ну? – сказала она.

– Угу, – ответил я и остался стоять.

– Ждешь кого-то?

– Нет. Просто стою. А ты?

– И я. Так что там насчет выпивки?

Двадцать минут двенадцатого. Положение сложилось безвыходное. С одной стороны, мне необходимо было избавиться от нее, чтобы выполнить задание, с другой стороны отшивать я ее не хотел.

В полдвенадцатого из клуба вышла, покачиваясь из стороны в сторону и поправляя безнадежно растрепавшуюся прическу, Ирина.

– Ну куда ты пропал, Артем? Поехали ко мне. Где такси?

Она осмотрелась по сторонам. Не найдя поблизости машины с "шашечками", она обиженно сказала:

– Ты меня не хочешь.

Анжела улыбнулась и прошептала, как показалось мне, с некоторой грустью в голосе:

– Пока.

И все. Коротко и ясно. Мол, давай, едь со своей дамочкой отсюда ко всем чертям, убирайся, чтобы глаза мои тебя не видели. Ну и ладно. Плевал я на этого Агента!

– Пока. Поехали, Ирина.

Я вызвал такси, усадил в подъехавший через минуту автомобиль Ирину, сел сам и, прежде чем захлопнуть дверцу, с надеждой оглянулся назад. Анжела стояла на ступеньках, вертя головой во все стороны. Во все, но только не в мою. Что-то блеснуло у нее на щеках. Слезы? Не верю.

Машина летела по ночным улицам Города. Слева огни, справа огни. Я сидел и думал, что же делать дальше, где и как искать Агента, с которым все-таки необходимо встретиться, отбросив все сексуальные амбиции. Опять идти в клуб? Да, наверное, так и придется сделать.

У Ирины была довольно-таки приличная трехкомнатная квартира. Кожаная мягкая мебель, строгий гарнитур, видеосистема, музыкальный центр, повсюду ковры. Она сразу бросилась мне на шею, стоило нам распить бутылку вина из ее запасов. Я отстранил ее, объяснив, что хочу принять душ, да и ей не мешало бы вымыться. Она дала мне полотенце и попыталась уговорить меня заняться любовью прямо в ванной, но я был непоколебим.

Я уже намылил тело, когда появились Они. Их было семеро. Кони их громко фыркали, и их горячее дыхание обжигало меня с головы до ног, несмотря на то, что они были очень далеко. Мрачные силуэты всадников, расположившихся на вершине огромного кургана, и я, стоящий по колено в пепле и по уши в мыле у его подножия. Какая картина! Черное солнце вместо лампы, серая равнина вместо кафеля и одиноко возвышающийся курган. Каждый раз это происходит со мной внезапно и все время в самый неподходящий момент. Ирина будет ждать, когда же я выйду из ванной, а я, может быть, не выйду из нее никогда, потому что я находился не в ванной, а неизвестно где.

– Ты вернулся, Лерон?! Разве ты забыл, что мы запретили тебе возвращаться в Измерение Земля?

– Я уйду завтра.

– Ты уйдешь сейчас!

– Но я хочу хоть на сутки еще остаться в самом дорогом моем сердце Городе.

– Ты уйдешь сейчас!!!

– Может, как-нибудь договоримся? Вы уступите мне, а я в долгу не останусь.

Они замолчали. Звон в ушах. Меня потянуло вперед, и я не стал сопротивляться. Тоннель, так Тоннель. Вообще-то я люблю иметь с Ними дела. С Ними всегда можно договориться, причем Они никогда не кидают, а все, что пообещали, выполняют четко и сразу после того, как ты выполнишь Их поручение. Одно плохо – никогда не знаешь, что это за поручение. Они посылают тебя сквозь Тоннель, и в одном из Измерений ты, отчасти руководимый Ими, что проявляется как интуитивные ощущения, но больше все-таки предоставленный самому себе, должен выполнить задание. В принципе, конечно, невозможно в огромном Измерении, полагаясь лишь на интуицию и собственные силу и ум, сделать что-то конкретное, не зная, что именно. Но дело в том, что я раньше уже выполнял Их поручения типа "Пойди туда не знаю куда, принеси то не знаю что". Правда, на этот раз я надеялся, что не придется куда-то переноситься. Я думал, что отделаюсь, отдав Им Перстень Обсора, который является одной из Уте-

рянных Реликвий. Все равно я не знал, как им воспользоваться. Но я не успел предложить Им этот обмен, как оказался летящим сквозь Тоннель. Черт! Как это Им удалось выйти на меня, ведь я был надежно защищен от обнаружения? Ну ладно, нечего скулить и сожалеть – попал, так выкручивайся.

...Тоннель оборвался, и я упал на землю. Меня вырвало. Зеленое небо высилось над головой. Оно светилось, словно фосфор, на нем не было ни светил, ни облаков – ничего. Грозное в своей стационарности, оно, казалось, охраняло свою младшую сестру – землю, которая в отличие от небосвода ежесекундно изменяла свои очертания. Она плыла под ногами, местами вздуваясь, местами образовывая провалы. Она трескалась и сходилась, уплотнялась и разрыхлялась. Краски ее непрерывно переходили одна в другую.

Это место мне было знакомо. Я даже мог бы назвать его очень хорошо знакомым местом, хоть ни разу и не бывал здесь до этого. Это был Ад, о котором я много читал и слышал. Не тот, конечно, библейский Ад с чертями, подбрасывающими дрова под котлы с кипящей смолой, в которых варятся грешники, а настоящий Вселенский Ад.

Я не сразу обратил внимание на отдаленный гул за спиной, но усиление шума заставило меня недоуменно оглянуться. Сзади небо темнело, приобретая оттенок гнилого болота. Земля внезапно застыла, словно испугавшись чего-то. Невыносимый рев со страшной силой давил на уши. Мрак пожирал свет и вскоре окутал все пространство. Я корчился на мертвой земле, зажимая руками кровоточащие уши. Тьма выворачивала мое сознание. В тот момент, когда я уже попрощался с жизнью, рев внезапно оборвался, как будто лопнула струна на гигантской гитаре. Яркая вспышка света ударила по глазам. Когда успокоилась головная боль, и вернулось зрение, я поднял голову и сразу же с криком ужаса вскочил на ноги. Передо мной стояло порождение самого мрака, самое уродливое создание во Вселенной. Слизь стекала с него ручьями, и там, где она встречалась с землей, образовывались огромные ямы. Острое зловоние, исходившее от этого существа, пробираясь в легкие, душило меня кашлем. Высохшее лицо, морщинистое и покрытое бородавками, вызывало отвращение и тошноту.

– *Ты пришел за мечом?* – просипел монстр, еще больше загаживая атмосферу.

– *Да,* – ответил я, а потом задумался, за каким это мечом и вообще за мечом ли пришел я?

Вдруг щупальца урода рванулись ко мне и оплели тугим кольцом, но я успел освободить руку и со всей силы заехал чудовищу кулаком по голове. Кулак, встретив на своем пути слабое сопротивление черепной коробки, погрузился в желтые пульсирующие мозги. Не теряя времени, я перемешал все содержимое этого ужасного сосуда. Хватка щупалец ослабла, и, почувствовав это, я скользнул вниз и оказался на земле. Резко вскочив, я, сжимая кулаки, отчаянно кинулся на врага. Но когда я вот-вот должен был правым боковым окончательным размозжить его гнилую голову, монстр оказался позади меня и занес огромный хвост с костяными шипами для последнего удара. Я попытался отскочить в сторону, но споткнулся и растянулся во весь рост на странном покрове этой местности. Я уже ощутил дыхание смерти на своем лице, когда возле существа вспыхнул кроваво-красный шар. Казалось, что вся человеческая кровь, которая пролилась во всех Измерениях со времен их возникновения, находится внутри этой сферы. Я успел заметить на физиономии монстра недоумение и панический страх перед новым врагом, перед его неведомой силой. Затем существо рывкнуло что-то и другой шар, черный, как тень самой земли, возник между ним и красным шаром. Сначала сферы неподвижно висели в воздухе, затем между ними стали проскакивать искры и молнии то красного, то черного цвета. Менялась уже не только местность, но и небо, переливаясь всеми красками, существующими в природе. Все больше и больше красных молний било по черной сфере, постепенно сливаясь в одну. Черный шар сморщился, монстр извивался и корчился в судорогах. Внезапно раздался мощный взрыв, и на поле боя остались красная сфера, чудовище и я. Увеличиваясь в диаметре, кровавый шар поглотил захлебывающегося пеной урода и, рассекая воздух, со сверхзвуковой скоростью скрылся в высоте.

Передо мной лежал меч. Незвестный металл отливал серебром, эфес был богато украшен бриллиантами, но самым примечательным было то, что весь клинок был испещрен Основными Рунами, от которых веяло древностью и силой. Я нагнулся и взялся за эфес. Тьма. Тьма и меч. Тьма, меч и я. Меч и я. Единое целое.

Черный рассвет. Черное солнце, серая равнина и одиноко возвышающийся курган. На кургане всадники. Их семеро. Семеро Всадников Судьбы. У подножия кургана – я. Облаченный в доспехи, сжимающий меч.

– *Он взял Схайорел?!*

– *Ты взял Схайорел?!*

– *Я взял Схайорел!!!*

– *Он взял Схайорел!!!*

И опять я оказался в Тоннеле.

Глава I. Беглец

Город окутал туман. Липкий и густой, он проникал повсюду – сквозь щели в окнах и дверях, под одежду, в легкие. Казалось, что даже мозг увяз в его плотном теле, и от этого мысли становились вялыми и медленными. В сумерках казалось, что туман спускается с серых небес, стекает по скатам крыш и, струясь по стенам, падает на каменную мостовую, по которой стелется рваным грязным ковром. Город, надежно защищенный от врагов высокими стенами, не устоял, подвергнувшись атаке со стороны тумана. Непонятно, откуда он появился, ведь на несколько километров вокруг лежала лишь сухая степь.

По пустым улицам, раздвигая грудью желтую пелену, шел я. Хотя слово "шел" будет слишком большой лестью по отношению к тому способу, каким я передвигался. Перед очередным шагом я весь напрягался и в момент, когда напряжение достигало предела, выставлял вперед ногу. Час назад я вошел в Тровер, усталый, голодный и злой. На моем грязном, покрытом щетиной лице, красовался свежий порез. На левой щеке. Моя богатая в еще недалеком прошлом одежда была испачкана засохшей кровью и свисала лохмотьями. Сапоги, казалось, вот-вот развалятся. "Костюм" дополнял большой меч, пристегнутый у левого бедра, и круглый щит на спине. Таких бродяг, смахивающих на разбойников, если они появлялись у ворот города, не разбираясь, кто они и откуда, сразу хватали и отправляли на королевские рудники, за что получали по золотому. Так бы случилось и со мной, если бы я не отдал двум стражникам десять золотых. Я попросил их не говорить никому, что они меня видели, и вступил на улицы Тровера.

Поворот налево, около сотни шагов прямо, еще один поворот – и я оказался перед дверью, над которой висела доска с витиеватыми черными буквами на белом фоне, гласящими: "Грюнтерваль. Вкусная еда и отменная выпивка". Я, одной рукой опершись о косяк, другой толкнул массивную дверь, и на меня сразу нахлынула волна соблазнительных запахов, яркого света, приятного тепла и веселой музыки. Казалось, что какой-то волшебник смешал все это в большом зале кабака, как в огромной бочке, и, взбив смесь до пены, расплескал ее в воздухе. Я ощутил прилив новых сил и внес себя в помещение. Газовые фонари освещали десятка полтора столов с сидевшей за ними самой разношерстной публикой и стойку, за которой стояла полная женщина. В дальнем темном углу расположился небольшой оркестрик. Проковыляв к стойке, я кинул на нее несколько монет, и выдал:

– Ужин и одежду.

Затем я повернулся и, подав вперед корпус, повинувшись силе тяжести собственного тела, добрался до ближайшего свободного столика. Только пристально оглядев толпу, которая состояла из богатых ремесленников, купцов, лавочников и смазливых шлюх, я позволил себе отстегнуть меч и щит и расслабиться, развалившись на стуле в ожидании еды. Через несколько минут передо мной стояли жареная курица, яичница из десятка яиц, большой кусок хлеба и кувшин вина. Я жадно набросился на все это, и вскоре на моем столе рядом с пустой сковородой образовалась груда костей. Не успел я проглотить последнюю каплю вина, как ко мне подседа девушка недурственной наружности, и нежно проворковала:

– За десять дублонов и такой же ужин я проведу с тобой ночь, красавчик.

Ничего не говоря, я жестом подозвал хозяйку, сунул ей в пухлую ладошку еще несколько монет и указал на свою незваную гостью. Хозяйка понимающе кивнула. Когда моя соседка уже уплетала курицу, то и дело облизывая жирные пальцы, я спросил:

– Как тебя зовут, девочка?

– Я уже шесть лет как женщина. А зовут меня Семилианна, – чавкая, ответила проститутка, и, вытерев краем юбки губы, поднялась.

– Пошли.

Я тоже встал, сгреб в одну руку новую одежду и оружие, и вышел вслед за девушкой на улицу:

– Ну, води меня, Семилианна, в свой замок любви.

Она весело засмеялась и, взяв меня под руку, пошла в ту сторону, откуда я появился.

– А как тебя зовут, мальчик? – спросила она и залилась вновь.

– У меня сейчас нет имени, но если хочешь, то зови меня Бэн. Договорились?

– Да.

Наконец, мы подошли к небольшому, но вполне симпатичному двухэтажному домику. Семилианна достала из-за пазухи ключ, и мы оказались в маленькой прихожей. Я резко задвинул два мощных засова и сказал:

– Извини, но любви сегодня не будет. Если ты нагреешь мне воды и, пока я буду спать, никому не будешь открывать и никуда не уйдешь, то получишь утром пятьдесят дублонов...

– Пятьдесят золотых?! Ну, конечно, я согласна на твои условия, Бэн. Хотя я все-таки была бы не прочь переспать с тобой.

Я улыбнулся:

– В другой раз обязательно перспишь.

– Обещаешь?

– Даю слово.

Искупавшись и бросив в камин свои лохмотья, я поднялся по лестнице в верхнюю часть жилища, положил возле кровати меч и нырнул под одеяло.

Я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Снизу доносились глухие удары во входную дверь. Бросив признательный взгляд на девушку, не нарушившую договор, я быстро вскочил, оделся и схватил оружие. Вдвоем мы спустились на первый этаж, и я слегка подтолкнул Семилианну к двери, а сам укрылся в темной нише в стене.

– Кто там? – робко спросила девушка.

– Открывай, стерва! Мы знаем, что у тебя гость! — донесся с улицы хриплый голос. — Открывай, или мы сломаем дверь!

Семилианна вопросительно посмотрела на меня, я кивнул. Девушка отодвинула засовы и отскочила в сторону. В дом вбежали три воина, облаченных в доспехи королевской гвардии. В следующую секунду огромный меч, появившийся, словно из ниоткуда, отсек одному из них голову, которая упала на пол чуть раньше, чем туловище. Комнату залила кровь. Два оставшихся воина сначала отступили в замешательстве к выходу, а после с криками рванулись к нише. Тот, который бежал первым, налетел на острое и холодное лезвие. Я два раза провернул меч в его животе, а он, видимо так и не поняв, что произошло, рухнул замертво под ноги своему товарищу. Последний живой солдат, не долго думая, развернулся и выскочил на улицу. Я с ревом кинулся за ним, но как только переступил порог, то увидел перед собой отряд королевских воинов, состоящий из 20–30 человек. Их мечи зловеще поблескивали, отражая свет фонарей. "И как они втиснулись в этот переулочек?" – мелькнуло у меня в голове в тот момент, когда я во второй раз за вечер закрывал дверь дома Семилианны.

Лихорадочно соображая, что же предпринять, я совсем забыл о существовании девушки, а дверь уже трещала под напором мечей. Когда из-за шкафа вышла Семилианна, я чуть было не отсек ей голову, но вовремя опустил меч.

– Можно уйти через сточную канаву. Она проходит недалеко от моего дома, – шепнула она и, не дожидаясь ответа, опустила руки в лужу крови. Потянув за кольцо на полу, она открыла погреб и первая прыгнула вниз. Я не заставил себя долго ждать, и последовал за ней. Нащупав во мраке теплое тело женщины, я двинулся за Семилианной, которая отбросила от стены большую пустую бочку и вошла в узкий земляной тоннель. Метров через тридцать тоннель начал расширяться и мне в нос ударил острый запах испражнений. Мы упали на дно канавы и, по колено увязая в вонючей жидкости, побежали в сторону городской стены.

– Вылезай наверх! – крикнула девушка.

– Зачем?!

– Лезь наверх, если говорят, придурок! – и сама начала карабкаться по склону.

Мы неслись по ночному городу – женщина впереди, я сзади. Я боялся своих гулких шагов, своего громкого дыхания. Где-то вдалеке мелькали огни, слышались крики людей, лай собак. Вдруг возле какой-то лачуги, по самую крышу ушедшей в землю, мы остановились. Семилианна толкнула дверь и, когда мы оказались в хижине, повернула в замке ключ.

– Добро пожаловать в мое второе жилище, – хватая ртом воздух, сказала она.

– А выглядишь ты дерьмово, – улыбнувшись, пошутил я.

Она засмеялась своим чудесным смехом, но внезапно осеклась, столкнула меня с сундука, на который я успел усестись, и, открыв его, извлекла из него латы, мундиры и две пары сапог.

– Переодевайся.

Через минуту перед ней стоял солдат короля с моим лицом. Сама она тоже облачилась в доспехи, убрав под шлем длинные русые волосы. Спрятав испачканные одежду и обувь в сундук, мы вышли на улицу и направились к отряду гвардейцев, двигавшемуся по мостовой нам навстречу.

– Ну что?

– Да ничего. Как сквозь землю провалился.

– Вот скотина, опять ушел. Ну, дружок далеко не уйдет. Горожане уже знают, что в городе Мэтлок, и если встретят его, то сами убьют беглеца. Конечно, хотелось, чтобы награда досталась нам, а не какому-то сброду. Ладно, пошли, ребята, выпьем.

Отряд вскоре разбрелся по кабакам и трактирам. Но два солдата из отряда не свернули ни в одно из подобных заведений. Я и Семилианна вошли в какой-то богатый дом. Навстречу нам выбежали две девушки. Семилианна подняла забрало.

– Хозяйка?!

– Ах вы суки! В городе полно солдатъ, у них много денег, а вы сидите дома? Живо оделись и по кабакам!

– Извините, госпожа Семилианна! Мы мигом!

– Так ты королева трюверских проституток? – спросил я.

Девушки прыснули со смеху.

– Дуры, приготовьте ванну и быстро в город! И никому ни слова обо мне и моем госте, а также постарайтесь узнать, кто настучал на меня? Кстати, Дик и Генри на месте?

– Да, они каждый со своим отрядом стерегут бордель. Не сомневайтесь в них, госпожа, если Вас беспокоит то, что они не задержали Вас. Они же узнают Вас по походке, – сказали девушки и выскочили в смежную комнату, весело смеясь. Загремели кастрюли, захлопала вода, затарахтело корыто.

– Ну, что ж, искупаемся, а то это дерьмо у меня уже в мозгах, – сказала Семилианна, когда девушки выскользнули за порог, сообщив, что ванна готова, и, раздевшись сама, раздела и меня.

Когда мы сели в теплую мыльную воду, она добавила:

– К тому же, свои обещания следует выполнять, сэр Мэтлок, – и нежно обняла меня.

Она честно отработала свои пятьдесят золотых.

Глава II. Беглец. Недалекое прошлое или небольшая ретроспекция

Розовое яблоко солнца неторопливо выплывало из-за горизонта, заливая рубиновым светом бескрайнюю степь. Ветер, мягкий и теплый, гнал перед собой волны высокой травы. Повсюду царил терпкий запах степной растительности. Подхватываемый никогда не устающим ветром, он летел во все стороны на большие расстояния, и, лишь встречая на своем пути леса, города, моря, он постепенно уступал другим запахам, но не умирал совсем. И, даже находясь в непроходимой чащобе, меж каменных стен или на палубе корабля, наверняка можно было учуять слабый аромат степи, витавший в воздухе.

Я выехал из ворот Тровера. Мой белый конь и длинный белый плащ создавали жуткое впечатление, что в тумане, выносимом ветром из города, движется призрак. Если бы эту картину увидел кто-нибудь из людей, то волосы на голове у этого человека встали бы дыбом, а по телу пробежала бы мелкая дрожь. Я свернул с утоптанной веками дороги и поскакал в сторону солнца, уже показавшего свою спину из-за края земли.

Семилианна провела меня до ворот города, ее телохранители быстро и тихо избавились от стражи и, открыв ворота, пожелали мне удачи. Семилианна же, кинув короткое "Не забывай меня", быстро понеслась обратно в город. Еще долго в памяти у меня звучал стук копыт ее лошади о мостовую, еще долго я думал об этой прекрасной женщине, которая спасла меня от неминуемой гибели. Я вновь и вновь благодарил судьбу за то, что на моем пути возникла она, Семилианна.

Я летел по бесконечной равнине, а мысли роились у меня в голове. Я был вне закона, и я убегал. Беглец – это прозвище прочно закрепилось за мной, люди королевства знали меня уже не как Мэтлока, герцога Чистой Земли, а просто как беглеца.

... А началось все это с того, что, когда я после встречи с Всадниками Судьбы и посещения Вселенского Ада пришел в это Измерение, то обнаружил, что уже не являюсь хозяином своего замка и своих земель. Дело в том, что я уже когда-то жил в этом Море, причем жил довольно-таки долго. Тогда я еще обладал Силой, и благодаря своим способностям добился положения при дворе. Мне был присвоен титул герцога, когда я с небольшим отрядом бермандцев разгромил войско уродливых болотных тварей, наводивших ужас на полкоролевства, и мне были отданы во владение земли, на которых я преуспел в боевых действиях. Так я стал герцогом Чистой Земли и другом Скворта, короля Бермандии. Через несколько месяцев, заскучав от жизни без приключений и желая совершить какой-нибудь суперподвиг, я покинул это Измерение, никому ничего не сказав и оставив дела на управляющего. Так вот, когда Тоннель, в котором я оказался по воле Всадников, оборвался у стен моего замка, я сначала обрадовался. И как же я был удивлен и разочарован, когда, миновав мост и, войдя через дверцу в воротах, я не увидел за ними ни одного знакомого лица. Во дворе слонялись без дела какие-то подозрительные люди, повсюду царило запустение. Когда меня провели к Хозяину (так называли здесь нового властелина), то предо мной предстал гигант со злым колючим взглядом и длинной черной гривой. Он назвался Куртом Ирвингом, рассказал о том, что в последнее время болотные твари не дают покоя его крестьянам, и спросил, сколько я хочу получать в день за службу в качестве наемника. Я был уверен, что пока я отсутствовал, в этом Измерении не прошло и года. Поэтому такие большие перемены, происшедшие за такой малый срок, заставили меня призадуматься, стоит ли называть свое имя и предъявлять права на власть. И я решил согласиться на предложение Ирвинга, надеясь выяснить, куда же делась вся моя челядь и действительно ли так быстро оправились от поражения враги. Мне выделили пучок соломы вместо кровати и миску какой-то вонючей похлебки на ужин. Давясь, я все же заставил себя съесть эту баланду, так как последний раз ел еще в Измерении Земля в ночном клубе. Затем, выбрав во дворе,

заваленном всевозможным хламом, место почище, улегся на солому. Я долго лежал на спине, всматриваясь в расположение звезд в надежде найти ответы на многочисленные вопросы, но звезды молчали. Наконец, я заснул.

В течение десяти дней я наблюдал за всем происходящим в замке, но выяснить что-нибудь важное мне так и не удалось. Каждое утро начиналось с того, что, пробравшись через лабиринты грязи и испражнений к бочке с отвратительной похлебкой, я завтракал. На обед и ужин была та же самая баланда, так что я, и без того худощавый, начал терять в весе. Дни проходили в бесцельном блуждании по замку и в бессмысленных разговорах с другими наемниками. Каждый держался особняком, только при игре в карты они собирались группками по пять-шесть человек. Никто ничего не знал о происходящем, все они попали сюда случайно: забрели в поисках ночлега и пищи и остались из-за хороших денег, предложенных Хозяином за службу. Только непонятно, что это была за служба. Никто ничего не делал, но все получали неплохие деньги, и это всех устраивало. Всех, но не меня. Я предпринял несколько попыток подружиться с кем-нибудь, но каждый раз меня ждало разочарование. Стоило мне завести разговор и начать пытаться вызвать собеседника на откровения о прошлой его жизни, как он резко разворачивался и уходил. О болотных монстрах мне также ничего не удалось узнать, так как наш отряд, состоявший примерно из двухсот воинов, ни разу не выходил за пределы замка. Твари, по словам Ирвинга, наводили ужас на прилегающие к замку земли, а Хозяин не предпринял ни одной вылазки! И что самое интересное, то никого не интересовало, что же происходит, и как долго это будет длиться!

Ирвинга я видел только один раз, в день нашего знакомства. С тех пор он не появлялся. С каждым солдатом этой загадочной армии он поступил точно так же, как и со мной, а началось это безумие где-то с полгода назад. Варили еду и выдавали деньги несколько особо приближенных к Курту Ирвингу воинов. Раз в неделю в замок приходили проститутки и торгаши, и "бравые рубаки" спускали все свои деньги. Я, кстати, был свидетелем одной из безумных оргий, устраиваемых еженедельно. Ни в одной "порнухе" не видел я до этого столько грязи. Словно собаки, не прячась, не утруждая себя поисками укромных мест, эти горе-солдаты трахались со шлюхами прямо во дворе. Я сидел возле стены, закрыв глаза и, зажав руками уши, и думал, что эта "групповуха" не закончится никогда. Еще среди этих воинов, собравшихся здесь со всех помоек этого Мира, ходил слух, что с Куртом в замке живет его жена, молодая и очень красивая. И все. Все, что я смог узнать за десять дней, можно было рассказать меньше, чем за минуту.

И вот, решив, что толку здесь не будет, я через солдата, выдававшего деньги, передал Ирвингу, что хочу получить расчет. Ни ответа, ни привета. Я еще раз передал свою просьбу Хозяину. Та же самая история. Третий раз – и опять ничего. Короче, я смылся из замка через две недели после своего там появления, переодевшись в одежду убитой мной проститутки. В самом начале веселья она подошла ко мне и, задрав подол платья, продемонстрировала свои прелести. План возник у меня сразу. Я кивнул ей и поманил за собой. В темном углу я тихо отрезал ей голову, а после дождался, когда упал подвесной мост, чтобы выпустить усталых, но довольных шлюх, и выскользнул за пределы замка, затесавшись в толпу проституток. Интересно, как повела бы себя Семилианна, узнай она, что я так хладнокровно пожертвовал жизнью ее коллеги для своего спасения? Для нее я был Мэтлоком, вельможей, которого несправедливо унизил король, лишив титула и земель, а не Мэтлоком, забравшим жизни у десятка ни в чем не повинных людей, чтобы спасти свою шкуру. Что предприняла бы девушка, если бы узнала, что по пути в Акресс, резиденцию короля, я зарубил деревенского парня, чтобы переодеться из бабы в мужчину, избил женщину, забрав у нее последний кусок хлеба, чтобы хоть немного поесть, заколол двух торговцев скакунами, чтобы быстрее добраться до столицы. Еще четыре человека умерли, так как мне нужны были деньги. А одного я убил только за то, что он был чуть-чуть похож на одного из наемников Ирвинга, и я испугался, что меня преследуют. Стала

бы Семилианна спасти меня, знай она все это? Думаю, что нет. Но она не знала об этих моих "подвигах", не знали об этом и другие люди. Для большинства в Бермандии я был опальным герцогом, вызывающим жалость и сочувствие. Конечно, положительную роль сыграло и то, что в свое время я был хорошим правителем, а король в последние месяцы практически задушил народ налогами. Поэтому на весах, на которых с одной стороны был я, а с другой – король и Ирвинг, перевешивала все же моя чаша.

Добравшись до Акресса, я сразу бросился во дворец к королю. Скворт узнал меня, внимательно выслушал, улыбнулся и, пообещав все уладить, отправил отдыхать. Но он не спросил, где я пропадал целый год, ни разу не сказал "дружище", "герой" и "славный мой Мэтлок", что показалось мне странным, ведь в прошлом в разговорах со мной он вставлял эти словечки чуть ли ни в каждое предложение. Заподозрив неладное, я решил быть настороже. Помывшись, плотно набив желудок и надев дорогой костюм, я лег на огромную мягкую кровать в отведенных мне покоях и, преодолевая острое желание закрыть глаза, начал ждать. Время шло, ничего не происходило. Я, измученный и усталый, задремал. Робкий стук в дверь заставил меня вскочить с постели и схватить меч. Но это был друг, лейтенант Морроу. Он был моей правой рукой в той операции по уничтожению злобных тварей. Морроу заглянул под кровать, проткнул мечом шторы, проверил темные ниши, после чего мы пожали друг другу руки. Затем шепотом он поведал мне о том, что в данную минуту король и Курт Ирвинг совещаются, как лучше поступить со мной – бросить в темницу или убить. Морроу по счастливой для меня случайности в тот день был в отряде, охраняющем короля. Находясь в тронном зале, он слышал мой рассказ королю, его обещание помочь и обсуждение дальнейшей моей судьбы и, как только произошла смена караула, пришел предупредить меня. Я поблагодарил старого боевого товарища и собрался "рвать когти". Морроу, конечно, просил взять его с собой, но, трезво рассудив, что все-таки лучше иметь шпиона во дворце и что убежать одному мне будет легче, я отказал ему, все объяснив. Набив кошелек дублонами, лежавшими в потайном ящике ночного столика, захватив свой меч, прокравшись под покровом темноты в конюшню и оседлав коня, я вихрем вылетел из Акресса и помчался на север. Направление я выбрал не случайно. Чем дальше от столицы и замка Курта Ирвинга, расположенного на юге страны, тем больше шансов уйти от погони и не попасть в засаду, решил я. Мимо мелькали поля, деревни, а я все вонзал и вонзал шпоры в бока своего коня.

Лишь на вторые сутки бешеной скачки, я решился на ужин и ночлег в маленьком придорожном трактире. Людей было немного: три ремесленника, два торговца и несколько крестьян из ближних деревень. Я сидел за столиком в ожидании еды, опустив голову на грудь. Меня клонило в сон, мысли путались, и оттого я не сразу уловил движение в помещении. Я открыл глаза. Торговцы приближались ко мне, обнажив клинки, а ремесленники встали из-за стола и злобно ухмылялись. Не медля ни секунды, я вскочил на стол, выхватив при этом из ножен меч. Ремесленники кинулись ко мне, размахивая длинными кинжалами. Первый торговец упал с диким криком – он тоже попытался влезть на стол, но я успел отрубить ему обе руки. Но второй был уже рядом со мной и атаковал серией коротких выпадов, а сзади него выжидали подходящего для удара момента ремесленники. Один из них, слишком горячий, рванулся вперед, занеся кинжал, но я, отразив очередной удар торговца, продолжил движение своего меча, и тот, встретив на пути шею незадачливого убийцы, не задержался на ней, описав тем самым большую дугу. Затем, словно молния, я упал под ноги торговцу, и тот рухнул на пол. Пока он взбирался на стол, я оставил ремесленников без рук и они катались по деревянному настилу, заливая его кровью. Через несколько минут борьбы мне удалось отсечь торговцу часть тела от левого плеча до правой подмышки. Добив раненых, я оглядел помещение. Никого больше не было внутри трактира, кроме истерически рыдающей служанки и спокойно попивающих пиво крестьян. Тогда я осмотрел свое изможденное тело. О бое свидетельствовал неглубокий порез на левой щеке, тяжелое дыхание и мокрая от пота одежда.

Я поужинал и закурил. Я не мог понять, куда делись из замка мои слуги, как так быстро, по словам Ирвинга, оправились монстры из болот. Но еще больше меня выбивало из колеи то, что король благоволил Ирвингу, а я был в опале. Такая перемена, произошедшая с королем всего за какой-то год моего отсутствия, если учесть тот факт, что расстались мы со Сквортом как большие друзья, была непонятна мне. Я курил и обдумывал сложившуюся ситуацию, пытаюсь проникнуть вглубь всего этого, докопаться до причин происходящего, когда в трактир вошли пятеро гвардейцев. Они пристально разглядывали посетителей, а затем, остановив свои взгляды на мне, направились в мою сторону. Я не стал ждать, когда они подойдут, а резко вскочил и, разбив окно, выпрыгнул во двор. Мой конь, быстрее, быстрее отсюда, как можно быстрее, как можно дальше!

Конь еле держался, но нес меня вперед, повинаясь моей воле, а не своей. Они настигали меня. Я слышал громкое гиканье врагов за своей спиной. Я боялся, что вот-вот они догонят меня. Я свернул в лес, ветки хлестали меня по лицу и телу, одежда рвалась, но я не обращал на боль внимания. Конь упал. Кое как выбравшись из-под него, весь в крови, я побежал, слегка прихрамывая. Я уверен, что любой другой человек не вынес бы такой погони, но я, закаленный в жестоких боях, был вынослив, как мул, хоть и не обладал уже Силой. Я ловко маневрировал между черными стволами деревьев, которые, казалось, были заодно с преследователями. Я забыл о боли, забыл об усталости, мой мозг обращал внимание только на эти стволы, стеной вырастающие передо мной. Можно было подумать, что кто-то раз за разом натягивает сеть между землей и небом, стараясь, чтобы я в нее попался. Шум погони стих, а я все бежал и бежал. Моей задачей, моим желанием было уйти как можно дальше от королевских воинов, и я делал для этого все возможное и невозможное. Сумасшедший бег уже не зависел от моего разума, он был отображением моей сущности. Он поглотил все мысли, всю душу, всю плоть. Ничего больше не было, кроме свиста ветра, ужасных деревьев, бесконечно возникающих передо мной, и бега, которым был я, бега, который был мной.

Вдруг что-то изменилось. Постепенно сознание стало возвращаться ко мне, и я понял, что несусь по равнине, а лес уже давно кончился. Тогда я рухнул в траву. Отдышавшись и выхаркнув кровь изо рта, я встал. Шатаясь, я побрел дальше. Через несколько часов в желтом мареве тумана я смог смутно различить очертания башен Тровера и зашагал чуть-чуть быстрее. Уже в сумерках я вошел в город, в котором и состоялось мое знакомство с Семилианной.

... Я летел по бесконечной равнине, а мысли роились у меня в голове. Во мне кипела жажда мести королю и Курту Ирвингу, которые так жестоко обошлись со мной, Мэтлоком, герцогом Чистой Земли. Меня обуревало желание узнать, что же все-таки произошло здесь за время моего отсутствия, и я скакал и скакал навстречу кровавой заре.

Глава III. Туманные намеки

Я удалился от Тровера на приличное расстояние, но пейзаж не изменился нисколько: все та же доходящая до стремян шелковистая трава, все то же лазурно-голубое небо над головой и все тот же необъятный горизонт. Редкие белые островки цветов в огромном зеленом океане степи, редкие белые островки облаков в огромном синем океане неба – вот и все, что произошло за несколько часов моего путешествия.

Мой путь лежал в Аркол, королевство, являющееся восточным соседом Бермандии. Два государства давно уже враждовали между собой, и поэтому король Аркола всегда был не прочь насолить королю Бермандии любым способом, как впрочем, и наоборот. Предоставление мне политического убежища правителем Аркола вызовет у Скворта приступ бешенства, что в свою очередь вызовет у его противника радость и веселье. Так что в Арколе я чувствовал бы себя в большей безопасности, чем в Бермандии. У меня было только две проблемы. Первая заключалась в том, что за прошедший в этом Измерении год короли могли прийти к какому-нибудь нежелательному для меня в данный момент соглашению, и я попал бы "из огня да в полымя". Если же такого соглашения нет, то Скворт, несомненно, усилит охрану границы, так как, зная о моих способностях, он должен страшно бояться меня. Ему ведь неизвестно, что от моей бывлой Силы ничего не осталось, что теперь я привык полагаться только на самого себя, на свой опыт и свои знания.

Устав от бессмысленного из-за недостатка информации поиска ответов на мучающие меня вопросы, я попытался переключить свой мозг на что-нибудь другое. Я начал вспоминать, что же читал в книгах о причинах многовекового конфликта Бермандии и Аркола. Если я не ошибаюсь, то он был вызван тем, что лет пятьсот назад сын короля Бермандии обесчестил дочь короля Аркола, когда гостил при его дворе, за что был убит на дуэли братом принцессы. Спустя пару веков эта история почти забылась, и войны между монархами возникали в основном из-за того, что они не могли прийти к соглашению о границе между государствами: каждый старался сдвинуть ее так, чтобы ему принадлежала территория побольше. И, конечно, маловероятно, что вражда, длящаяся почти полтысячи лет, могла быть прекращена всего за год, но в свете недавних событий это не показалось бы мне таким уж странным.

– Эй, рыцарь! Позвольте составить Вам компанию! – оборвал мои размышления чей-то хриплый голос.

Я обернулся и увидел бледный силуэт сидящего на взмыленном коне человека, облаченного в белый плащ, спадающий волнами с его плеч до самой земли. Большой капюшон прятал от меня его лицо. Этот парень производил жуткое впечатление, и я подумал, что выглядел не лучше, когда вместе с ветром и туманом покидал Тровер. Расплывчатые из-за окружающей их легкой дымки загадочного происхождения очертания человека дернулись и подплыли ближе. Дымка слегка рассеялась, и я смог на мгновение заглянуть в отверстие капюшона. Туман! Там не было лица, а был густой и белый, как молоко, туман! Я схватился за рукоять меча, но незнакомец поднял руку, полностью скрытую рукавом (я был больше, чем уверен, что и там нет ничего, кроме тумана), и все мои мышцы оцепенели, я не мог пошевелить даже веками глаз.

– Ты один из нас, – услышал я, – Ты тоже Живущий-В-Тумане.

Незнакомец опустил руку, меня сильно дернуло, и я вновь почувствовал свое тело.

– Я странствующий рыцарь Мэтра Рашвик, моя родина – восточный Мекоссес, – процедил я, со злостью опуская меч в ножны, сознавая его бесполезность в данной ситуации и в очередной раз сожалея об утраченной Силе.

– Нет, нет, ты – Живущий-В-Тумане. Я учуял тебя еще в Тровере, где искал своих братьев. Я никогда не ошибаюсь, за год в разных местах Подлунного Мира я обнаружил уже четверых. И я не зря искал в Тровере. Ты пятый.

Я слушал этот бред, ожидая удара. Черт, я был незащищен перед этим призраком, как новорожденный котенок перед бульдогом-трехлеткой, а это самое ужасное для меня, когда я не могу повлиять на развитие событий, когда я не вижу выхода из опасного положения. Я сразу начинаю паниковать, суетиться, лихорадочно обдумывать варианты спасения, чувствуя одновременно боль отчаяния и безысходности, которая давит на меня со страшной силой. Я очень редко попадал в такие ситуации, когда от меня ничего не зависело – всего раза три-четыре за всю жизнь, и, наверное, поэтому так и не научился оставаться хладнокровным и спокойным в ожидании неизбежного. Так было и на этот раз. Я почувствовал, как сжалось сердце, как стучит в висках, мысли мои сплетались в клубки и рои, и мне не хватало воздуха. Неужели я так и умру в этом дальнем Измерении? А странный всадник продолжал вещать.

– Я сомневался до тех пор, пока ты не начал черпать у тумана Силу. Тогда мои сомнения переросли в уверенность, что ты – наш брат, и я помог тебе восстановиться, так как сам ты делал это медленно и неумело, словно в первый раз.

Я считал свою огромную выносливость одной из особенностей моего организма, а иногда, дивясь своей возможности переносить нечеловеческие нагрузки, я подумывал, а не остатки ли это былой Мощи, которой я некогда обладал. Но сейчас этот сгусток тумана был прав. Я вспомнил, что, вступив на улицы Тровера, ожидал, что окунусь в холод и промокну насквозь, но туман укутал меня, словно пуховое одеяло, а я, до предела вымученный событиями последних дней, вошедший в город, еле-еле переставляя ноги, смог потом сражаться с королевскими гвардейцами, бегать, как спринтер, и после всего этого еще и заниматься любовью с Семилианной. Было что-то в рассказе этого загадочного парня, что заставляло меня думать, что мне знакомы и Великий Отец, и Страна Миллиона Мелких Капель, и Живущие-В-Тумане. Очень смутно, на уровне подсознания, но знакомы.

– По приказу Великого Отца, мы, его дети, бродим по Мирам и ищем наших братьев, забывших или не знающих о том, кто они. Мы открываем им глаза, поднимаем на поверхность из глубин памяти их прошлое.

В сердцах я закричал:

– Но я помню, кто я и откуда! Я помню всю свою жизнь, день за днем в течение веков! Я помню свою мать, помню...

– А помнишь ли ты отца? Помнишь? – сказал тихо, почти прошептал Живущий-В-Тумане, и я осекся.

Я действительно не помнил отца. Меня воспитывала мать и многочисленные дяди и тети по материнской линии, я играл с братьями и сестрами, но мы были родными только по матери. Ни разу я не видел своего отца. Я, конечно, интересовался, спрашивал у мамы, где он и что с ним, кто он и когда я его увижу. Но никогда не получал ответов. Только однажды кто-то сказал мне, что он вроде бы один из Стихий. Когда я набрался опыта в обращении с Силой, то долго скитался по Измерениям, в надежде найти отца, но поиски были безрезультатны. И вот в Измерении Подлунный Мир, в которое я попал, повинувшись воле Всадников Судьбы, какой-то призрак говорит, что мой отец — Туман, что я — Живущий-В-Тумане, что у меня есть братья и сестры не только по матери, но и по отцу, что их очень много, что сейчас они должны все быть вместе, рядом со своим Великим Отцом, ибо грядет Великая Битва, и исчезнет Подлунный Мир, но Страна Миллиона Мелких Капель не будет разрушена, и что поэтому ходят такие, как он, пилигримы, по всем Мирам и ищут своих братьев и сестер, дабы уцелели они после Великой Битвы, так как Великий Отец любит всех детей своих и не хочет, чтобы погибли они. Похоже на параноидальный бред.

– ... Когда же туман Тровера отправился с ветром на юг, а ты на своем коне – на восток, я потерял тебя, и мне пришлось ждать некоторое время, пока ты не въехал в небольшое облачко тумана, скорее даже легкую дымку. Это очень редкое явление в сухом степном климате, мне очень повезло. Я почувствовал тебя и перешел по туману сюда.

– А почему, братишка, ты в Тровере не вступил в контакт со мной? – попытался подловить я незнакомца.

– Из-за бурных событий, развернувшихся в городе, которые, по всей видимости, были вызваны твоим появлением.

Ну, конечно, придурок, как бы ты сам вступал в контакт с тем, кто сначала думает о том, как бы поскорее набить желудок, потом о том, как было бы замечательно поспать минимум с сутки, а затем дерется на мечах, бегаёт по канализации и трахается в ванной? Я разрывался и не знал, что думать: с одной стороны все сходилось, и я верил Живущему-В-Тумане, с другой же было что-то такое, что сводило весь его рассказ на нет. Дело в том, что с самого рождения до момента полного овладения Силой я находился на глазах у матери в ее дворце. Я знал это наверняка. Но почему где-то в глубине сознания всплывали картинки, явно связанные с этим моим вторым детством, пусть бледные, но вполне реальные? А еще, сознавая, что история с Великой Битвой сильно смахивает на дешевый фэнтезийный рассказ, я не мог отделаться от мысли, что уже где-то встречался с упоминаниями о ней.

– А сейчас мы перейдем в Страну Миллиона Мелких Капель прямо во дворец Великого Отца, где ты предстанешь перед ним и своими братьями и сестрами, – сказал расплывчатый тип и потянул ко мне руки, являющимися ничем иным, как густым туманом.

Я отпрянул от него, опасаясь какой-нибудь выходки. Мышцы стали неметь, и вокруг меня возникла туманная дымка. Вдалеке, на самом горизонте, появились черные точки, которые спустя некоторое время превратились во всадников, бешено скачущих по направлению к нам. Я уже двигался с огромным трудом, туман все плотнее и плотнее окутывал меня, а Живущий-В-Тумане все тянул и тянул ко мне свои пустые рукава. Шло время, всадники приближались, загадочный незнакомец продолжал сдерживать меня каким-то неведомым способом, а я тщетно пытался вырваться из-под его власти. Внезапно та часть пейзажа, которую я мог обозревать, находясь в своем незавидном положении, начала покрываться огромными пузырями, которые лопались и появлялись вновь, и у меня все поплыло перед глазами. Это напомнило мне, как когда-то я смотрел в кинотеатре какой-то фильм, и в кинопроекторе загорелась пленка. Сейчас с вполне реальным пейзажем происходило почти то же самое, что тогда я увидел на экране: изображение пучилось, текло, линии наползали одна на другую. Я услышал смех. Это был смех Живущего-В-Тумане, смех радости и злорадства. Поделом же мне, бестолковому! Это же надо, купиться на такой бред, поверить незнакомому подозрительному типу, причем поверить не в какую-то безобидную ерунду, а в серьезные вещи, которые, окажись они правдой, сильно повлияли бы на мою жизнь и изменили бы мои представления о том, кто я и откуда! Вероятно, этот призрак каким-то образом вызвал у меня ложные воспоминания о детстве, а я, кретин, повелся, хотя прекрасно знал, что воспитывала меня мать, а не отец. Я отчаянно пытался освободиться из-под контроля Живущего-В-Тумане. Пот стекал с меня ручьями. Казалось, мышцы порвутся от напряжения, а череп взорвется от мысленных усилий мозга. Я почувствовал, что хватка Живущего-В-Тумане несколько ослабла, и, сконцентрировавшись до предела, рванулся изо всех сил, стараясь своим разумом подчинить себе разум врага. Мой противник взвыл, то ли от боли (в чем я сомневаюсь, так как я был Утратившим Мощь и, следовательно, ментальные способности мои были очень малы, если вообще они еще имелись), то ли от отчаяния, и отпустил меня.

Картинка приобрела четкость. Я летел вниз, кувыркаясь в воздухе. Метрах в двухстах подо мной находился лес, а легкое туманное облачко уносилось куда-то ввысь. Я падал, а в голове строка за строкой всплывала из глубин моей памяти песня, которую давным-давно пела мне, покачивая колыбель, мать:

Туманные ночи,
Туманные дни,
Ничего ты не хочешь,

Желанья украли они.
Откуда они приходят,
Уходят они куда,
Что в боли они находят,
Что ищут они всегда?
Они говорят, что в боли
Рождается красота.
У них железная воля,
У них есть цель одна,
Но цель их никто не знает,
Знают только они.
Пока же туман витает,
Они смелы и вольны.
Они не ведают смерти
И Силу черпают в обмане,
Древних демонов дети —
Живущие-В-Тумане.

Глава IV. Старый друг лучше новых двух

Я очнулся от холода. Была ночь. Я лежал на мокрой земле, ощущая, как она постепенно вытягивает из меня тепло. Когда я открыл глаза, то взору моему открылось черное небо. Не мерцали тусклым светом звезды, и большая желтая луна пряталась за огромными тучами. Казалось, что все мироздание развалилось на миллиард кусков и стремительно летит в бездну – в лесу бушевала буря. Стволы деревьев, согнутые как тугой лук, трещали, готовые в любое мгновение рухнуть на землю. Лопнувшие небеса низвергали дождевые потоки на стонущую почву.

Я попробовал подняться и сразу упал – резкая боль иглою пронзила все тело. Через минуту я повторил попытку, и ценой больших мучений она мне удалась. Опершись одной рукой о ствол какого-то дерева, другой я ощупал себя и обнаружил множество ссадин и ушибов. Ныла спина, подкашивались ноги, голова постоянно падала на грудь. Надо идти, идти куда-нибудь, все равно куда, лишь бы идти, лишь бы не замерзнуть.

Я брел сквозь лесную чащу. Ветер, злой и колючий, бил мне в лицо, но я, преодолевая его сопротивление и раздвигая сплошную пелену воды, исторгаемой небом, шел вперед, надеясь когда-нибудь выбраться из этого негостеприимного леса. Сколько же еще препятствий встретится мне, смогу ли я преодолеть их, пройти до конца путь, предначертанный Судьбою? Я, терпевший сотни лишений, десятки раз смотревший смерти в глаза, был вынужден вновь и вновь подвергаться ужасным, жестоким испытаниям. Иногда мне казалось, что нет ни малейшего шанса на успешное окончание моих приключений в этом Мире, каждый новый день пребывания, в котором приносил с собой новые трудности, по сравнению с которыми трудности предыдущего дня казались чем-то незначительным и легко преодолимым. Каждое утро я думал, увижу следующий рассвет или нет, каждую минуту я был готов сломаться, впасть в панику, предаться отчаянию. Но я держался. Надолго ли хватит моей решимости, если ничего не изменится, если я и дальше буду убегать, оставаясь лишь жалкой добычей в охоте Курта Ирвинга и Скворта? Не знаю. Я чувствовал себя волком, обложенным со всех сторон, но страстно жаждущим крови своих преследователей. Но что я мог сделать, если был один, совсем один в этом свихнувшемся Мире? У меня не было ни могущественных друзей, ни бывших возможностей, и, не имея этого, я не мог перепрыгнуть веревку с красными флажками и перегрызть горло врагу, хоть во мне и кипело такое желание. Но я верил в себя, верил, что все-таки отыщу способ отомстить обидчикам, и, сцепив зубы, я шел вперед.

К утру буря стала стихать. Солнце прорезало лучами темные тучи, ветер успокоился, и дыхание его стало теплым и ласковым. Через некоторое время тучи окончательно рассеялись, и дождь закончился. Лес сразу же взорвался тысячей звуков и запахов. Птицы пели хвалу солнцу и новому дню, и вместе с ними радовался и я. Я радовался свету, который струился сквозь листву, прогоняя мрак ночи назад, в те щели и трещины, в которых он привык прятаться в ясные погожие дни. Я радовался теплу, которое вместо холодных капель дождя теперь лилось с лучами светила с небес. Я радовался жизни, которая забурилась в лесу, заставляя и меня встряхнуть головой и отбросить мрачные мысли.

Я вышел на большую поляну. В центре ее расположился пригорок, на котором рос огромный раскидистый дуб. Развесив на его узловатых ветвях мокрую одежду, я насобирав ягод земляники, которыми изобиливал здесь лес, и, позавтракав, лег отдохнуть, завернувшись во влажный рваный плащ.

... Мне снилось, что я иду по коридорам дворца, стены, потолок и пол которого были сделаны из черного отполированного хрусталя. Мое отражение на секунду привлекло мое внимание, и я встретился взглядом с худощавым высоким молодым человеком. Его карие глаза пристально смотрели в мои, а полные губы улыбнулись в ответ на мою улыбку. Я нахмурил брови, и края его темных густых бровей тоже сошлись над переносицей. Когда же я продол-

жил свое продвижение в глубину коридоров, он тряхнул головой, откидывая за спину длинные черные волосы, и зашагал бок о бок со мной, не отставая и не перегоняя. Звук моих шагов, неоднократно отразившись от древних стен дворца, падал мне под ноги, чтобы через мгновение вновь выскочить из-под каблучков моих замшевых сапог и повторить свой замысловатый путь. Тьма окружала меня со всех сторон, но я видел в темноте. Пройдя очередной цикл поворотов, я оказался у массивной двери, инструктированной черным золотом. Подобрал одной рукой край красного плаща, другой сжимая рукоять Схайорела, я вошел в эту дверь. В противоположном конце зала, выточенного в гигантской черной жемчужине, на огромном троне, усеянном черными бриллиантами, сидела, облаченная в черный шелк, моя мать...

Я закричал и проснулся, дрожа всем телом. Мне было так страшно, как еще никогда не бывало. Я стучал зубами, не в силах прекратить произвольные движения челюстей, а по коже бегали мурашки. Меня трясло еще несколько минут, пока я не стал успокаиваться и приходиться в себя. Постепенно возвращаясь в нормальное состояние, я пытался понять, что же вызвало у меня приступ неопишуемого ужаса. Ведь ничего такого не было в моем сне. Я уже устал пытаться разгадывать загадки, которые, казалось, не имели отгадок, поэтому, сославшись на Зигмунда Фрейда, считавшего, что сновидения – это скрытые мысли и воспоминания, вызываемые событиями предшествующих суток, я решил, что мой страх – следствие того, что происходит со мной в последнее время, а также некоторых размышлений о затруднительном положении, в котором я оказался. Успокаивая себя подобным образом, я пообедал земляникой, сожалея об отсутствии сливок или сметаны, одел порядком подсевшие серые шерстяные брюки, алую атласную рубашу, высокие кожаные сапоги, пристегнул к поясу меч, накинул грязно-белый плащ, и двинулся в путь. Ориентируясь по мху, я шел на восток, надеясь, что все-таки доберусь до Аркола.

Солнце палило нещадно, жара стояла немилосердная. Сильно хотелось пить, во рту у меня пересохло. Выручала земляника, которой я набрал про запас довольно-таки много, завернув в кожаную куртку эти вкусные сочные ягоды. Я старался идти, не выходя за пределы теней, отбрасываемых деревьями, но все равно было очень душно и сильно хотелось пить. Я даже начал подумывать о дожде, хотя еще не совсем отошел от ночной бури, отобравшей у меня много сил, когда услышал справа журчание. Я бросился туда, не обращая внимания на ветви, царапающие мое лицо. Местами, прыгая с камешка на камешек, отражая лучи солнца в виде ярких бликов, среди деревьев струился глубокий и прозрачный ручей. Я упал на колени, и полностью опустив в воду голову, жадно глотал живительную влагу. Когда же, вволю напившись, я еще и вымылся, то испытал чувство, сравнимое разве только с оргазмом.

Я лежал у ручья и доедал ягоды, когда издали до меня донесся звук охотничьего рога. Неужели все то, о чем я думал ночью, сравнивая себя с загнанным зверем, обрело реальность, и я был настоящим объектом настоящей охоты с собаками, лай которых приближался, с егерями, наверное, уже окружившими меня, и с охотниками, горящими желанием быстрее настигнуть дичь и нанести ей последний удар? Что ж, если Скворт превратил погоню в настоящий спектакль, то я постараюсь как можно лучше сыграть свою роль, и если он запланировал все это как комедию, то я приложу максимум усилий, чтобы для него эта охота стала если не трагической, то, по крайней мере, драматической. Я надел куртку, обмотал вокруг левой руки плащ, создав тем самым некое подобие щита, а правой рукой вынул из ножен Схайорел и, крепко сжимая рукоять меча, занял позицию у толстого бука, прислонившись к нему спиной. Я уже отчетливо слышал громкие команды доезжачих, крики егерей, собачий лай, фырканье лошадей. Опять протрубил рог, теперь уже всего в нескольких сотнях шагов от меня. Я собрал всю свою волю, отбросив все мысли, кроме одной – как можно дороже продать свою жизнь, если уж мне было суждено сейчас с ней расстаться.

Сметая на своем пути кусты и молодые деревца, из чащи на прогалину, на которой я занимал оборону, вылетел огромный вепрь, а за ним показалась и свора охотничьих собак. Я

оступился, и, пытаясь сохранить равновесие, сделал несколько шагов вперед и вправо, осознавая, что теперь дикий кабан несется прямо на меня. Мне ничего не оставалось, как, подождав с полсекунды, когда зверь окажется ближе, сделать резкий выпад, вонзив клинок ему прямо в глаз, и отпрыгнуть в сторону, оставив меч в теле кабана. Ничего не видя перед собой обезумевшим от страха и боли уцелевшим глазом, он пробежал еще несколько шагов и упал, зарывшись рылом и клыками в землю. Тем временем поляна заполнилась собаками, ловчими, егерями. Я кинулся к вепрю, чтобы освободить свой меч, но три всадника оттеснили меня к деревьям. Я подумал, что если сейчас дам деру в лес, то собаки, пущенные по следу, разорвут меня в мелкие кусочки. Поэтому я стоял и смотрел на происходящее. Охотники перевернули уже мертвого зверя и, вытащив из него мой меч, бросали на меня, такого хрупкого с виду, недоуменные взгляды, в которых проскальзывали одновременно и уважение, и страх, и удивление.

– Что случилось? – услышал я из-за спин загонщиков и доезжачих голос, показавшийся мне очень знакомым.

Все расступились, и на красивом вороном коне на середину прогалины выехал высокий мужчина, слегка полноватый. Весь в атласе, парче и шелке он являл собой колоритный тип истинного феодала. Но в глаза прежде всего бросалась не его холеность, не богатство его одежды, а большой горбатый нос, за который в студенческие годы, проведенные мной в Измерении Земля, у него была кличка "Слон". Когда же он сделал резкое движение кистью правой руки, вправляя сустав, я перестал сомневаться, что передо мной Вячеслав Иванов, или просто Славик, мой давний закадычный друг.

– Эй, Слон! Это я, Длинный! – заорал я, что было мочи, задышавшись от радости.

Он быстро повернулся в мою сторону, слушая в пол-уха объяснявших ему происшедшее егерей, несколько мгновений пристально разглядывал меня, слегка прищутив глаза, затем лицо его расплылось в глупой улыбке ребенка, увидевшего клоуна, бесплатно раздающего мороженое и воздушные шарик. Он спрыгнул с коня и подбежал ко мне. Мы обнялись и заплакали.

– Привет, Артем! – сказал он.

– Привет, Славик! – сказал я.

* * *

Мы сидели за столом, уставленным всевозможными яствами, начиная от свежих помидоров и огурцов и заканчивая осетриной, икрой и раками. Мы пили водку и курили сигары. Он рассказывал мне, как стал королем Аркола. Оказывается, окончив университет, он женился на нашей однокурснице, которую он любил всем сердцем и в которой души не чаял. Я помнил ее. Она увлекалась психологией, а по вечерам читала Папюса. Звали ее Оксана Куницына. Она втянула в изучение магии Славика, кстати, обожавшего все сверхъестественное. Увлечение переросло в серьезные занятия и постепенно семейная пара овладела многими заклинаниями. Они разъезжали по всей Земле со своим шоу "Извне", сколотили на этом огромное состояние, продолжая черпать из древних манускриптов новые способы подчинения низших духов своей воле. Но однажды к ним явился, как выразился Славик "огненный демон с бездонными глазами", с которым он и Оксана не смогли совладать. Он бросил их в какой-то пульсирующий тоннель, грандиозный и ужасный, а когда они очнулись, то поняли, что оказались в другом Измерении. Они полностью лишились своих колдовских способностей, поэтому сначала было очень трудно, ведь они тут были никем, так как никого не знали и ничего не имели за душой, да еще и утратили свои тайные знания. Пришлось начинать с нуля. Через некоторое время Славик удалось подружиться с одним графом, который представил его с женой при дворе короля Аркола. Так началась его карьера в этом Мире. Обладая обширными познаниями в областях химии, физики, математики и многих других, Славик за восемнадцать лет, проведенных в Подлунном Мире, сумел достичь многого. К его мнению прислушивались советники короля,

военачальники нередко просили у него помощи в составлении планов наступления или обороны, придворные преклонялись перед его умом, король уважал, а враги боялись. Немудрено, что когда умер правитель Аркола, не оставив после себя наследника, и Славик не долго думая, взял власть в свои руки, у него не возникло серьезных проблем. Подавив пару-тройку мятежей, убрав самых недовольных, он короновал себя год назад, как раз тогда, когда я покинул Подлунный Мир.

Он заметно постарел. В его некогда черных, как смоль, волосах уже преобладала седина, на лице появились морщины. Я же почти не изменился, разве чуточку возмужал и взгляд мой приобрел твердость, поэтому я оказался в затруднительном положении, когда мне пришлось объяснять Славику причины своей молодости. Наплыв что-то про эликсир жизни, который мне случайно пришлось отведать во время путешествий по одному из многочисленных Измерений, мне удалось отбрехаться. Но мое вранье повлекло за собой следующий вопрос. Это был вопрос об Измерениях и способе путешествия сквозь них. Мысленно выругав себя за допущенный промах, я вкратце рассказал ему о строении мироздания, нагав при этом, что в иные Миры я мог проходить с помощью магии, которую якобы я тоже изучал после университета, и что, попав в Подлунный Мир, потерял магическое знание и поэтому останусь здесь навсегда. Так как в дни нашей дружбы Славик до фанатизма увлекался фэнтези, да и сам подвергся переносу из Мира в Мир, то он все понял, поверил и подлил в кружки водки. Сгорая от стыда и мучаясь угрызениями совести, я покраснел от того, что мне пришлось так нагло и бессовестно налгать другу. Но не мог я рассказать ему правду, не мог!

А Славик, удовлетворившись моими объяснениями, продолжил свой рассказ. Он уже очень редко вспоминал, кто он и откуда, теперь он был не Вячеслав Иванов, а Винсент Аркольский. Его жизнь была здесь, его дом был здесь, его родные и любимые им люди были здесь. Первый год жизни в новом для него Мире он провел очень тяжело. Каждый день он ждал чего-то, вскакивал и суетился при малейшем шуме, подолгу сидел, подперев руками голову. Он надеялся, что они с женой вырвутся отсюда. Надеялся, но не знал как, и поэтому все надежды оказались напрасными. Через год у него родился сын, и жить сразу стало легче и веселее. Появился смысл его существования, все свободное время он проводил со своим чадом. После того, как он сообщил мне, что Эстелла (Оксана) ждет второго ребенка и что Гор, его сын, последовав примеру Аркадия Гайдара, в свои семнадцать уже командует полком, расположенным на границе с Бермандией, с которой Аркол по прежнему находится в состоянии войны, мы закурили, и я вкратце рассказал ему о событиях, произошедших в моей жизни за последние три недели. Оказывается, его не интересовали внутренние дела Бермандии, не связанные с расположением армий Скворта и толщиной стен замков и городов. Поэтому он не знал, что я был объявлен вне закона. Я, конечно из личных соображений опустил в своем рассказе тот факт, что побывал на Земле, умолчал о том, что произошло там со мной, а начал с того, как я обнаружил, что в замке, принадлежавшем мне когда-то, хозяйничает Курт Ирвинг. Зачем забивать Славику голову историей о Вселенском Аде, Всадниках Судьбы и Схайореле, который ничем, кстати, не отличался от обычных хорошо сбалансированных мечей? Зачем я бился за право владеть ним с каким-то монстром в Аду, я, честно говоря, не понимал. Если бы я не выбросил все это из своего повествования, то мне пришлось бы объяснять Славе сложную картину мироздания, которую даже я представлял себе очень смутно, признаться, кто я и откуда, сказать, что мне надо было на Земле. А этого делать мне не хотелось. Поэтому Винсент Аркольский помимо рассказа о недавних событиях узнал только их предысторию, то есть, как я стал герцогом Чистой Земли, разгромив армию болотных тварей, и я считал, что так будет лучше и для него и для меня.

О переменах в Бермандии, в частности о том, что случилось с королем и о возвращении к активной деятельности чудовищ из болот, Славик ничего не слышал. А вот о Живущих-В-

Тумане, оказывается, он читал еще на Земле, что они обладают огромной ментальной силой, и являются одним из древнейших племен демонов.

Разгоряченные водкой и сигарами, мы орали: "Смерть Скворту! Смерть Бермандии! Пустить кровь Ирвингу!" и многое другое в том же духе, обильно перемежая фразы отборными матами.

Я не помню, как добрался в отведенные мне покои. Утром у меня сильно болела голова, и расстроился желудок. У меня всегда такое горькое похмелье после больших пьянок, поэтому я стараюсь пить поменьше, и напиваюсь, только если есть какой-нибудь значительный повод. Встречу со старым другом где-то в глубине Измерений я считал очень значительным поводом, чтобы порядочно нажраться, поэтому отходил я целый день, попивая крепкий чай, периодически доставляемый мне в комнату хорошенькой служанкой. Вечером я спустился в обеденный зал, где застал Винсента Аркольского, склонившегося над большой картой, расстеленной на столе. Винс что-то внимательно изучал на ней, медленно водя по бумаге указательным пальцем и бормоча под нос проклятия в адрес Бермандии. Он услышал мои шаги и поднял голову:

– Добрый вечер, дружище! Как твоё здоровье?

– Спасибо, Винсент, уже гораздо лучше. Если не секрет, то что ты хочешь увидеть на этой карте? – сказал я.

– Видишь ли, – он почесал затылок, – я хочу помочь тебе, а заодно раз и навсегда решить все проблемы с Бермандией. Короче говоря, я хочу наголову разбить гвардию Скворта и присоединить его земли к своим.

Я пожал ему руку и поблагодарил его. Как я был признателен этому пухлому королю, как я был рад, что уже не один, что у меня был могущественный, а главное, верный друг! Хватит убегать, хватит скрываться и бояться за свою жизнь! Теперь я могу отмстить врагам! Теперь я наконец-то узнаю, что случилось с моей челядью, почему Скворт предал меня, и какую цель преследовал Курт Ирвинг, обосновавшись в моем замке. Все узнаю, а если они не захотят открыть мне свои тайны, то я вырву их под пытками! Все! Пора из беглеца превратиться в преследователя!

Мы уселись за составление плана нападения. Винс пригласил на совет нескольких видных военачальников королевства, и мы долго обсуждали, какие укрепления у врага, как расположены его силы на территории Бермандии, какие у противника слабые стороны, где лучше нанести первый удар и многое другое. Если кто-то из военных считал, что сведения устарели или требуют проверки, то сразу же отдавался приказ, и десятки разведчиков мчались прочь, чтобы пересечь границу двух государств и узнать необходимые данные, добыть недостающую информацию. Поздней ночью разошлись полководцы, чтобы завтра встретиться вновь и продолжить обсуждение нашей стратегии.

А мы с Винсом опять нажрались водки.

Глава V. Ищут ли любви от любви?

Месяц прошел в подготовке задуманной нами кампании. Ежедневные военные советы, проведение учений в регулярных войсках, набор ополчения из крестьян и ремесленников, обучение новобранцев искусству ведения боя, разработка, изготовление и модернизация всевозможных катапульти, стенобитных орудий и передвижных башен, заготовка провианта – я с головой ушел во все это, позабыв про отдых и сон. Я отказался от водки и сигар, ел пишу, богатую калориями и в свободное от подготовки к войне время упражнялся с мечом, арбалетом и копьем. В результате этого я немного прибавил в весе, а мышцы мои приобрели еще большую твердость.

Винсент оказывал мне всестороннюю помощь. Его приказы и распоряжения летели во все концы Аркола, предлагаемые ним тактические ходы сразу же наносились на карты, так как были мудрыми и практически не имели изъянов. Так уж получилось, что с самого начала он все поставил так, что все считали главнокомандующим не его, а меня. Когда я спросил, в чем дело, он улыбнулся и сказал: "Это твоя война, ты и ве́ди ее. Я лишь поддерживаю многовековую традицию, враждуя с Бермандией. У меня нет ничего против нее, кроме, конечно, территориальных амбиций, а у тебя – личные счеты с Куртом и Сквортом. Поэтому я считаю, что ты больше заинтересован в победе, а значит, приложишь максимум усилий, чтобы одержать ее". И я прилагал. Я не сомневался, что в среде наших войск были бермандские шпионы и разведчики, как и аркольские – среди войск Скворта. Следовательно, в Бермандии знали, что мы готовимся к нападению, и, конечно, не сидели сложа руки, а подтягивали свои армии на северо-восток страны, где мы планировали нанести основной удар. Юго-восточный же регион государства остался почти без войск. По донесениям наших шпионов, там на всякий случай были оставлены немногочисленные гарнизоны, рассеянные по замкам и городам. Исходя из этого, я задумал следующее: в то время, когда Винсент во главе своих полков пересечет границу и вступит в бой, я с небольшим отрядом самых преданных и опытных воинов, оставленных в Арколе якобы в качестве резерва, должен быстро и тихо добраться до юго-западной границы Аркола и, ворвавшись на территорию Бермандии, двинуться навстречу войскам Винсента. Уничтожая по пути отряды врага, я должен был оказаться в районе ведения основных боевых действий примерно через две недели и нанести удар в тыл противника. Простой и разумный план.

Винсенту понравилась моя идея. Успех в этом предприятии был бы гарантирован, если бы враг ничего не знал об этом нашем ходе, поэтому подготовка к военной кампании велась так, словно мы собирались в лоб обрушиться на армии Скворта всей мощью Аркола. На самом же деле очень аккуратно и осторожно мы формировали отряд, необходимый для осуществления моего замысла.

И вот, наконец, наступил тот день, когда армии Винсента двинулись на Бермандию, хоть и не все было готово к этому. Но медлить было нельзя, так как Скворт мог опередить нас и атаковать Аркол. попрощавшись с Эстеллой, которая вначале была против этого похода и, считая меня виновным в том, что Винсент оставляет ее беременную ради войны, дулась на меня и почти не разговаривала, хотя позже смирилась, и стала радушной хозяйкой, Винсент вскочил в седло и, крепко сжав древко королевского штандарта, повел за собой свои войска. Через сутки выступили и мы. Гор Йовиркский, сын Винсента, находился в моем отряде. Это был высокий крепко сбитый молодой человек, чертами лица отдаленно напоминающий своего отца в молодости. Все три дня, которые мы потратили на то, чтобы добраться на юго-запад Аркола, он скакал рядом со мной, засыпая меня вопросами об Измерениях. Я пересказывал ему "Хроники Амбера" Желязны, кое-что добавляя из "Вечного Воителя" Муркока, выдавая их фантазии на тему строения Вселенной за истину и мысленно ругая Винсента за длинный язык. Парень внимательно слушал меня, порой округляя от удивления глаза, порой хмуря от

негодования брови. Он ловил каждое мое слово, стараясь, видимо, запомнить побольше из моего рассказа, не подозревая, что это всего лишь моя интерпретация красивых сказок одних из самых известных на Земле авторов, пишущих в стиле "фэнтези".

Утром четвертого дня мы пересекли границу Бермандии, вырезав отряд гвардейцев, оставленных охранять ее в этом месте, но вместо этого безмятежно спавших в казармах. В сумерках мы уже стояли возле стен принадлежавшего мне когда-то замка. После того, как я сообщил начальнику стражи, что Курт Ирвинг прислал подкрепление в связи с тем, что с востока на замок движется Мэтлок, скрипя и скрежеща проржавленными цепями, перед нами упал мост, вздымая клубы пыли. Когда она рассеялась, то все в замке снова принадлежало мне. Распорядившись сжечь трупы, я вошел в замок, гремя каблуками и держа наготове меч. Когда я миновал длинный коридор и начал подниматься по каменной лестнице наверх, ко мне навстречу выбежала красивая девушка, богато одетая.

– Что случилось?! – воскликнула она.

– Луиза?! – это была дочь моего управляющего, с которой у меня был небольшой романчик, она же считала мое влечение к ней чем-то серьезным и хотела стать герцогиней.

– Мэтлок?! Это ты?

Она уткнулась лицом мне в грудь и громко заплакала. Всклипывая и хватая ртом воздух, она сказала:

– Я думала, что это никогда не кончится! Но ты вернулся, ты пришел, чтобы спасти свою Луизу!

Дура.

– Ну, конечно, моя любимая, я пришел, чтобы спасти тебя от этого жестокого Курта Ирвинга. Мы поженимся и всегда будем вместе, – не стал я опровергать ее слова, заодно решив проверить одну догадку, промелькнувшую у меня в голове.

– Да, Мэтлок, да! Я знала, что когда-нибудь ты вернешься, чтобы вырвать меня из лап этого чудовища, этого Курта Ирвинга, чтобы отомстить ему за моего отца, за своих слуг!

Моя догадка оказалась верна – Луиза и есть та самая молодая и прелестная жена Ирвинга, о которой часто говорили во дворе замка, когда я две недели служил наемником.

– А что он сделал с моими слугами, Лу? – спросил я девушку, которая продолжала рыдать.

– Он убил их всех, а потом скормил собакам. Он заставил меня выйти замуж за него. Ты не представляешь, как я ненавижу его! Ты не представляешь, какая это была пытка, каждую ночь ложиться с ним в постель! Я хотела умереть!

– И что же тебе помешало? – задал я очередной вопрос, даже не пытаясь скрыть иронии. В данный момент я не считал себя бессердечным и черствым, нет. Просто я знал Луизу очень хорошо. Она была немного глуповата и считала, что главное в жизни – удачно выйти замуж. Конечно, я был посимпатичнее Курта, но, видимо рассудив, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, она все-таки стала его женой.

– Он сказал, что если я что-нибудь с собой сделаю, то он убьет моего отца. Я не хотела быть его женой, но на моих глазах он отрубил ему руку и обглодал ее! – ее плач превратился в истерику.

Я подонок. Скотина. Ублюдок. Я казнил себя за то, что сделал такие поспешные выводы в отношении девушки. Цинизм – одна из основных особенностей моего поведения, поэтому из-за меня часто страдают невинные люди. А я ничего не могу поделать с этим. Я не раз уже говорил себе: "Хватит быть циником", но продолжал вести себя нагло и пренебрежительно, зло и жестоко обижая своими словами многих людей.

Желая хоть как-то искупить свою вину перед Луизой, я нежно погладил ее по голове. Она прильнула ко мне. Я чувствовал ее прерывистое дыхание, ощущал, как вздымается ее упругая грудь. Я ласково поцеловал ее в губы. Девушка ответила на поцелуй, ответила страстно, а после

уже сама нашла мои губы. Сладкая пелена начала окутывать мой разум, и я поднял на руки Луизу и понес в спальную комнату.

– Повеселимся? – спросила она, закатив глазки.

... Я и Гор взламывали двери, расположенные по обеим сторонам сырого подземного коридора. За одними мы находили лишь заплесневелые стены да затхлый запах, за другими – человеческие скелеты со свисающими с них лоскутами истлевшей одежды, за третьими – груды разлагающейся плоти, заплывшие зловонным гноем. Мы искали Доната, отца несчастной Луизы. В темницах башен замка его не было, поэтому теперь мы обыскивали подземелье. Я очень сомневался, что Курт оставил моего управляющего в живых, но, чтобы утешить Луизу, верившую, что Курт сдержал слово и сейчас ее отец томится где-то в застенках замка, я взламывал дверь за дверью. Во времена своего правления в Чистой Земле я ни разу не спускался сюда, так как в этом не было необходимости. Я никогда не брал в плен своих врагов, если не нуждался в какой-нибудь информации, а всегда убивал их. Всех до единого.

Я уже сбился со счета. Какая это дверь – сороковая? Пятидесятая? А может быть сотая? Я поддел мечом поржавевший от сырости засов и надавил. Затрещало мокрое дерево, сопротивляясь, не отпуская гвозди, держащие задвижку, но вскоре оно сдалось, и она упала мне под ноги, громко звякнув. Я взял с пола фонарь и распахнул дверь. Глаза, уже привыкшие к темноте, различили, что к левой стене темницы прикован человек. Я поднял фонарь на уровень глаз. На толстых цепях, обмотанных вокруг его тела и вделанных в камень, тощий и еле-еле дышащий, висел Донат. Я аккуратно разрубил цепи и подхватил старика, ослабленные ноги которого сразу подкосились, как только он освободился от оков.

Радости Луизы не было предела. Она вся светилась счастьем, бегая вокруг отца, то и дело поправляя ему подушки, перину и одеяло. А Донат, высохший и совершенно обессиленный, лежал молча, иногда улыбаясь, иногда мрачняя. Говорил он с огромным трудом, поэтому ничего другого, кроме невнятного бормотания об огромной признательности по отношению ко мне, я в то утро так от него и не услышал. Через полчаса, выпив куриного бульона, он уснул, бережно прижав к груди покалеченную руку, предварительно продезинфицированную и перевязанную мной.

Замок я покидал в подавленном, если не сказать мрачном, настроении. Когда мы, пополнив запасы воды, мяса и хлеба, а также плотно пообедав, седлали коней, во двор выбежала Луиза.

– Можно, я поеду с тобой, Мэтлок? – спросила она, пряча глаза и нервно теребя складку красивого платья, плотно облегающего ее неповторимую фигуру.

Волна нежности, жалости и других теплых чувств нахлынула на меня. Может, это мой разум пытался искупить таким образом ту вину, которую я, наверное, буду чувствовать по отношению к этой девушке до конца своих дней? Я усомнился в ней, я посчитал ее низкой, я повел себя с ней, как с дешевой площадной девкой, а она, лишь повинуясь обстоятельствам, пошла на брак с Куртом Ирвингом, продолжая ждать меня, в душе надеясь, что рано или поздно я приду, освобожу ее и спасу отца. Я уже чуть было не разрешил ей присоединиться к отряду, но вовремя вспомнил, что все-таки мы отправляемся не на увеселительную прогулку. Я отказал ей, мотивируя это тем, что кто-то должен присматривать за Донатом и оставаться в замке за хозяйку, чтобы встретить меня, когда я вернусь. Я действительно считал своим долгом вернуться и взять Луизу в жены. Я думал, что этот день, проведенный с ней после года разлуки, помог понять мне, что я люблю ее, причем как душевную и милую девушку, а не просто как сексуального партнера. Год назад я покинул ее, даже не попрощавшись, и ничего не кольнуло у меня в груди. Теперь же сердце мое сжималось, когда я смотрел на то, как она стоит на мосту и плачет.

Мы скакали по грунтовой дороге. Солнце медленно, но верно погружалось в рощу, тянувшуюся далеко справа и почти параллельно большаку. Пыль, поднимаемая копытами

наших лошадей, клубилась у земли, и когда мы удалялись на довольно приличное расстояние, неспешно опускалась. Крестьяне провожали нас безразличными взглядами и вновь принимались за свои дела. По-видимому, слух о нас еще не достиг этих областей Бермандии, и на наш отряд, периодически останавливающийся обменять лошадей и перекусить в деревнях, никто не устраивал засад, хотя после таких "привалов" деревни оказывались ужасно разоренными. Мы неслись к Акрессу. Мы молчали, и каждый думал о чем-то своем.

Не знаю, что творилось в головах воинов, а мне не давало покоя множество вопросов, возникающих и возникающих передо мной, начиная с самого первого дня моего вынужденного появления в Подлунном Мире. А я знал ответ только на один, самый простой, самый легкий. Это вопрос о слугах из замка. Я уже давно догадывался, что они все мертвы. Луиза лишь подтвердила правильность моих предположений. Когда же я спросил ее о монстрах из многочисленных болот, находящихся на юге от замка, она сказала, что ничего о них не слышала с тех пор, как я одержал над ними победу. Жители деревень, встречающихся нам на пути, тоже ничего не знали об этих чудовищах. Зачем же тогда Курт солгал мне, что болотные твари вновь наводят ужас на южные районы Бермандии? Я не понимал. Не понимал я, что же случилось со Сквортом, который год назад был моим первым другом, а теперь ни с того, ни с сего стал первым врагом. Эти два вопроса влекли за собой еще один: почему, когда я был в руках у Курта Ирвинга в замке, а Скворт узнал меня, когда я явился к нему во дворец, со мной не расправились сразу, а медлили, тянули время? Еще одна загадка: что надо было от меня Живущему-В-Тумане? Задержать до прибытия гвардейцев Скворта (я не сомневался, что те всадники в степи были гвардейцами)? Тогда получалось, что Скворт и Живущий-В-Тумане – союзники. А может, демон действовал в одиночку, преследуя какие-то свои личные цели? Дальше следовала серия более крутых вопросов. Это вопрос о том, для чего, прежде чем отправить в Подлунный Мир, Всадники Судьбы послали меня в Ад за Схайорелом, мечом отличным, но обыкновенным? Это вопрос о кроваво-красной сфере, уничтожившей охранявшего меч монстра. И, наконец, вопрос самый главный и самый трудный: какое поручение Всадников Судьбы я должен выполнить, чтобы вернуться на Землю? А там мне необходимо найти Агента и получить от него ценную информацию, но это уже казалось чем-то очень далеким и нереальным. Сейчас важнее было найти ответы на вопросы насущные.

На ночлег мы остановились в небольшой деревеньке, расположенной примерно на половине пути от замка к столице Бермандии. Мы продвигались вглубь страны очень быстро, так как нам не надо было прятаться и бояться. Я невольно вспомнил те страшные три дня, потребовавшиеся мне, чтобы добраться от замка до Акресса, и меня передернуло. После ужина я лег на жесткую деревянную лавку и долго ворочался, пока сон не накрыл мой разум своим крылом. Мне снились лица убитых мной в те три дня людей. Они кружились вокруг меня в диком танце, и от них веяло мертвечиной и лютым холодом. Потом мне снилось, что я снова иду по коридорам Черного Дворца к его сердцу – Тронному Залу, и мое отражение следует за мной, легко преодолевая толщу черного хрусталя. Сновидение в точности повторяло приснившееся мне на земляничной поляне. Но когда я проснулся, весь в поту и снова дрожащий от страха, то уже знал, что вызвало такую реакцию: в тот миг, когда я вошел в зал и увидел свою мать, мое отражение отделилось от стены и занесло надо мной меч.

Утром мы помчались дальше. Врываясь в маленькие городки, сменявшие постепенно деревни, мы вырезали гарнизоны, оставленные для их охраны, и опять неслись вперед.

Поздно ночью мы вошли в Акресс.

Глава VI. Волк в овчарне

Я пронзил мечом очередного нападающего. Мы теснили королевских гвардейцев, не пожелавших сдать дворец без боя. Еще один, сраженный мной, рухнул нам под ноги. Реки крови струились по вымощенным мраморными плитками полам коридоров, ковры в комнатах пропитались до предела этой красной липкой жидкостью, и сапоги то скользили, словно я шел по льду, то увязали, словно я попал в маленькое болотце. Мы обрывали тяжелые пыльные шторы, сдирали со стен богатую драпировку, переворачивали диваны с резными ножками, опрокидывали кровати с парчовыми и шелковыми балдахинами, рубили топорами старинные шкафы и комоды, протыкали мечами красиво отделанные серебром деревянные сундуки. Ни один враг не должен был улизнуть от мести, и мы не пропустили ни одного места, где он мог прятаться. Освещая чадающими факелами темные ниши, мы выкуривали укрывающихся в них придворных и гвардейцев, которые умирали стоя на коленях и прося пощады. Но пощады не было никому. Мои воины, заразившиеся моей злостью, моей яростью, беспощадно убивали церемониймейстеров, фрейлин, лакеев, пажей. Словно вихрь, мы врывались в обеденные залы, спальные покои, рабочие кабинеты, круша все и вся. Как бешеная орда мы неслись по дворцу, сметая все на своем пути. Повсюду валялись трупы, обои были забрызганы мозгами и кровью, а мы, спотыкаясь об отрубленные головы, руки и ноги, переступая через кишки, через бьющиеся еще сердца, шли дальше. Мы гнали перед собой жалкие остатки отрядов королевской стражи. Дико крича, умирали солдаты Скворта, а мы бежали вперед, размахивая мечами и рыча от пьянящего запаха крови, повсюду витавшего во дворце. Если гвардейцам удавалось забаррикадировать какой-нибудь проход и занять оборону, мы, не останавливаясь ни на мгновение, словно смерч, в считанные секунды перелетали через баррикады и, буквально на куски разрывали несчастных воинов. От нас веяло смертью, мы обдавали своим дыханием все, что окружало нас, не обращая внимания на то, как роскошные и помпезные помещения дворца превращались в отвратительную помойку, грязную бойню. Мы уже не были простыми воинами, мы были берсерками. В кровавых сполохах факельных огней я видел ненависть на лицах своих соратников, некоторые были разъярены до такой степени, что на губах у них выступила пена. Одни сносили головы бермандским солдатам, заходясь в страшном хохоте, другие – оскалив зубы в злобной ухмылке, третьи – лишь нахмутив брови. Действительно, они переняли у меня жажду мести, мою ненависть. Они, как и я, выбросили из своих сердец жалость. Они шли за мной, и мы гнали перед собой трусливых бермандских псов, очищая коридор за коридором, комнату за комнатой. Их мертвые тела устилали пройденные нами этажи.

Ни одного высокого сановника я не встретил, хотя мы и заняли все четыре этажа дворца. Значит, опять я не узнаю ничего нового, и снова буду ломать голову над теми загадками, которые, как мне уже казалось, не имели отгадок. В последний раз, обойдя весь четвертый этаж и удостоверившись, что на нем нет ни одной живой души, кроме нас, я приказал своим все еще возбужденным резней воинам осмотреть нижние этажи и после, спустившись в город, заняться поисками чистой одежды, пищи и коней. Когда стихли их шаги, я сел в одно из уцелевших кресел, каждое из которых истинный ценитель старины посчитал бы выдающимся произведением искусства. У меня сильно болела голова, я сжал ее руками, отбросив в сторону меч. Давило в висках, а на затылок каждую секунду обрушивался огромный молот. Я застонал от боли. Настойчиво и упорно она продолжала сверлить мое сознание, и, уже не в силах сдерживаться, я закричал. Внезапно боль исчезла. Она оборвалась так же внезапно, как и возникла. Оборвалась, как только оборвался мой крик. Слева промелькнула какая-то тень. Не долго думая, я схватил Схайорел и бросился за тенью, но, свернув за угол, налетел на большое, почти в мой рост, зеркало. На меня смотрело мое отражение, такое же усталое и выдохшееся, как и я. Его одежда была испачкана кровью, лицо – грязным от копоти. Я долго смотрел на него, а оно –

на меня. Когда же, успокоившись, я решил идти догонять свой отряд и на прощание показал ему язык, то оно, зло плюнув в мою сторону, развернулось на каблуках и зашагало вглубь зеркального коридора. Плевок медленно стекал по внутренней поверхности зеркала, а мое отражение неторопливо удалялось, сжимая в левой руке меч. Наконец, оно скрылось за поворотом. Я смотрел в пустое зеркало и чувствовал, как волосы на моей голове встают дыбом. Это был не сон, это происходило наяву. Преодолевая острое желание побыстрее покинуть это место, я поднял Схайорел, и нанес по зеркалу удар. Оно бесшумно взорвалось, и брызги осколков рассыпались по коридору. Некоторые из них вонзились в мое лицо, руки, шею, и кровь тоненькими струйками потекла из маленьких ранок, но я, не обращая внимания на боль, шагнул в проем, образовавшийся внутри рамы, в которой крепилось зеркало.

Я очутился в небольшой пыльной комнатке. Кто-то метнулся к камину, пылающему в противоположной стене. Не медля ни секунды, я кинулся туда же и наткнулся на человечка, запутавшегося в складках своего плаща и растянувшегося на полу. Схватив его за шиворот и слегка приподняв над полом, я заглянул ему в лицо. Мне удалось разглядеть в полумраке маленькие хитрые глазки и тонкие плотно сжатые губы, высокий лоб и густые брови. Я посмотрел на пламя и увидел, что его языки лижут какие-то бумаги. Швырнув человечка об стену, я бросился к камину и, не раздумывая, сунул в огонь руку, выхватывая уже занявшиеся листы. Погасив их, я со злостью пнул под бок карлика носком сапога.

– Ах ты дерьмо собачье! – вырвалось у меня.

– Чтoб ты сдох, убудок! – процедил тот, за что опять получил сапогом, но уже по лицу. Сплюнув выбитые зубы и слизав с расквашенных губ кровь, он грязно выругался, но от высказываний в мой адрес воздержался.

Я осмотрел комнату. В центре стоял массивный, но небольшой дубовый столик, на котором лежали какие-то лисы, валялась целая куча кистей и гусиных перьев, обгорелых свечей. На углу стоял желтый подсвечник и лежала палитра с красками. У проема, который еще совсем недавно закрывало зеркало, ощерился корявыми ножками табурет. Стены комнаты украшали полуистертые и засаленные гобелены. Быстро обобрав их, я обнаружил под одним из них дверь, ведущую в другую комнату. Маленькая железная кровать составляла всю ее меблировку. Я также нашел кладовую с приличным запасом пищи, воды и вина, и комнату, служившую обособовавшемуся здесь карлику туалетом. Больше ничего интересного обнаружить не удалось, и я, вернувшись к предварительно связанному куском разрезанной шторы злобному недомерку, сгреб со стола бумаги и вышел из затхлой атмосферы комнатки в коридор, освещенный газовыми фонарями, таща за собой коротышку. Я уселся прямо на пол и принялся за изучение набросков. Это были вполне удачные попытки изобразить мое лицо. Если все это совместить и перенести на холст, добавив немного света и красок, то получился бы великолепный портрет. Но, отложив рисунки в сторону и взяв в руки те листы, что спас от огня, я испытал еще большее удивление. Это были небольшие гравюры, и то, что было изображено на них, вызвало у меня шок.

На первой картинке я, облаченный в тяжелые доспехи, сражался с болотными тварями. Вытащив меч из уже мертвого чудовища, я занес его над головой другого. Это было больше года назад, но я отчетливо помнил этот момент. Конечно, качество изображения оставляло желать лучшего, но я не мог ошибиться: осанка, поворот головы, выражение лица, манера держаться в седле – все принадлежало мне! Далее следовала гравюра, запечатлевшая тот миг, когда Скворт возлагал мне на голову герцогскую корону. Я стоял перед ним, опершись на одно колено, а король, улыбающийся, довольный, держал над моим челом золотой венец. Придворные, расположившиеся слева и справа от нас, с интересом наблюдали за происходящим. И здесь художник передал не совсем все точно, но дух, которым был пропитан рисунок, не оставлял сомнений, что изображено на нем именно то, что я подумал. Далее следовал лист, пожелтевший, но не успевший загореться. Я сидел верхом на белом коне, белый плащ скрывал мою фигуру,

а рядом был бледный силуэт всадника, смахивающего на призрака. Мы – я и Живущий-В-Тумане – разговаривали, а вокруг нас раскинулась бескрайняя степь. Остальные три гравюры сильно обгорели, но я все-таки смог на них кое-что разобрать. На одной я стоял на безопасном расстоянии от бешено пылающего дворца Скворта, и потому, как была запрокинута моя голова, можно было догадаться, что я смеюсь. Следующая запечатлела жуткую сцену – у ног, обутых в черные сапоги, лежало изуродованное и обезглавленное тело молодой женщины. Та часть гравюры, где по идее должна была находиться отрубленная голова, сгорела дотла. Невозможно также было различить, кто является хозяином сапог. Последний рисунок пострадал больше всех остальных, но среди осыпающегося пепла на небольшом кусочке бумаги все же были видны какие-то искры, молнии, тени.

– Что это такое? – спросил я карлика, сверлившего меня своими пороссячьими глазками, поднимаясь с пола и тыча ему в лицо гравюры.

– Пошел ты... – начал было он, но захлебнулся кровью, хлынувшей из его носа сразу после того, как я заехал ему кулаком в морду.

– Что это такое? – повторил я вопрос.

– Картинки, – попытался сострить он, но, получив удар под дых, сразу осекся.

– Что это такое?

Молчание. Я опять от души махнул ему по роже. Втянув голову в плечи, он весь как-то сразу поник, съежился и захныкал. Он сломался и сейчас выложит мне все, что знает, решил я. Но я ошибся. Поплакав с минуту и утерев плечом с лица кровь, сопли и слезы, он опять гордо задрал подбородок и заорал:

– Ничего я тебе не скажу, проклятый!

– Значит, сейчас ты умрешь, – спокойно сказал я, приставляя к его животу острие меча.

– Пусть я погибну, но ты ничего не узнаешь! – дрогнувшим голосом произнес человек.

Я слегка надавил на рукоять, и лезвие на сантиметр вошло в его тело. Вскрикнув, он опять заплакал и, отхаркивая изо рта комки запекшейся крови, согласился поведать мне то, что знал. Глотая сопли, он сказал, что зовут его Толсон, что он незаконнорожденный и полоумный сын Скворта, что тот прятал его в потайной комнатке, навещая раз в месяц. Я знал, что по законам Бермандии король, имеющий ребенка от женщины, с которой он не состоит в браке, должен отречься от престола. Не знаю, откуда это пошло, кто был матерью Толсона, почему он родился дураком и уродом, но мотивы, которыми руководствовался Скворт, поместив сына в тайник, были мне понятны – нежелание лишать жизни свое чадо, а себя – трона.

– Около года назад, – продолжал свой рассказ Толсон, а я отметил про себя, что не полгода, не два, а именно около года назад, – отец пришел ко мне злым, непохожим на самого себя. Он спрашивал меня о том, как далеко я смогу заглянуть вперед, что показалось мне очень странным. Ведь папа должен был знать, что я делаю это не специально, а выхватываю картинки будущего случайно. Это приходит как какое-то озарение, как взрыв, и тогда...

– Что было дальше? – грубо спросил я, предвидя, что Толсон собирается пуститься в пространные объяснения того, как к нему приходят пророческие видения.

– Так вот, я и сказал отцу, что каждый раз это приходит по-разному, и нет какого-нибудь определенного промежутка времени, который может перепрыгнуть мой разум, потому что все это происходит на бессознательном уровне. Папа удивился, чему в свою очередь, удивился я. Я поинтересовался у него, зачем спрашивать то, что он должен обо мне уже давно знать. Но он ничего не ответил, а показал мне две гравюры, сделанные мной задолго до того, как произошли события, изображенные на них. Вообще-то у меня много их. У меня есть гравюрка, на которой барон Ролод трахается с графиней Долорес, еще есть...

– Не отвлекайся, – опять оборвал я его рассказ, заметив, что его глазки мечтательно смотрят в потолок, а губы расплылись в глупой улыбке.

– Папа сказал, что Мэтлок, ну то есть ты, парень, исчез. Он сказал, что ты – злой демон, и я должен особое внимание уделять тем возникающим у меня в башке картинкам, на которых будешь ты. Вообще-то папа всегда держал меня в курсе всех дел королевства. А когда я был маленьким, он учил меня читать и писать, приносил много интересных книжек. Помню когда-то он...

– Толсон!

– Да, да, я продолжаю. Он сказал, что с помощью этих картинок сможет выследить тебя, когда ты вернешься. Еще он попросил меня нарисовать по гравюрам твой портрет. Я выполнил просьбу, и отец забрал его несколько месяцев назад. А еще он предупреждал меня, что если ты попытаешься завладеть моими гравюрами, каким-нибудь образом пронюхав про тайную комнату и меня, я должен их уничтожить и ничего тебе не рассказывать, а то ты убьешь меня сразу, как только все узнаешь. А я очень боюсь смерти. Ты сейчас зарежешь меня?

– Нет.

– Честно? – испуганно и с недоверием спросил Толсон.

– Честно. Скажи, а что было изображено на этих обгоревших рисунках? – спросил я.

– Тут ты отрубил какой-то бабе голову, а тут ты участвуешь в Великой Битве, – сказал человечек, полностью успокоившись (я уже давно развязал его).

– Больше ничего не знаешь?

– Папа приходил, как и прежде, каждый месяц, а я отдавал ему рисунки, предварительно сделав себе такие же. Мне показалась занятной эта история, и я ловил в своих мозгах все, что было связано с тобой. А еще я...

Дальше я уже не слушал. Я устал. Одна ночь, а столько событий, столько новых загадок, новых фактов! Но сейчас я не хотел обдумывать и анализировать все это. Я хотел поесть и поспать. Мой организм нуждался в отдыхе, не говоря уже про разум. Я собрал все листки, рассыпанные по полу, и, толкая впереди себя Толсона, добрал до лестницы. Уже спустившись по ней на первый этаж, я спросил карлика, как отец проникал к нему в комнату, на что тот снисходительно ответил:

– Через дверцу в туалете, конечно.

Мы вышли во двор. Светало. Переступая через трупы гвардейцев, мы двигались к Гору Йовирку, ждавшему меня все это время возле резных дворцовых ворот. Увидев Толсона, он присвистнул:

– Что это за гномик?

Я увидел, как Толсон обиженно надул губы, но не стал ничего говорить ни тому, ни другому. Я нуждался в пище и глубоком сне. Пообещав все рассказать потом, я узнал у Гора, что все готово к пиру в честь победы. Значит, сон придется отложить на несколько часов, ведь не мог же я, предводитель победивших воинов, не попировать со своими отважными ребятами. Посадив Толсона перед собой, я кивнул Гору, и мы пришпорили коней, которые, высекая из мостовой искры, помчались в город.

Когда через сутки мы покидали Акресс, я подумал, что пророчества должны сбываться, и поэтому приказал своим воинам поджечь дворец Скворта.

Я стоял на безопасном от бешено пылающего дворца расстоянии и, запрокинув голову, громко смеялся.

Глава VII. Версии

С холма, последней неровности, являющей собой как бы границу между юго-восточной территорией Бермандии, изобилующей горками и возвышенностями, и северо-восточными областями страны, равнинными и бедными влагой, были видны костры, дым от которых окутывал многочисленные палатки, разбитые вокруг огромного шатра. Это был лагерь Скворта. Мы добрались к конечной цели нашего путешествия на двое суток раньше намеченного срока, практически полностью осуществив мой план. Оставалось только нанести врагу неожиданный удар, когда Винсент пойдет послезавтра в обговоренную нами еще в Арколе и подготовленную в мельчайших деталях атаку. Я потерял четвертую часть отряда за последний переход, и теперь у меня было около двухсот воинов. После того, как мы покинули Акресс, нас было уже человек на пятьдесят меньше, но чем ближе подходили мы к району боевых действий, тем чаще нам встречались отдельные отряды гвардейцев и, следовательно, тем чаще нам приходилось сражаться. Мы несли потери, но умелая организация атак делала их почти незаметными на фоне тех потерь, которые несли королевские войска. Ни один враг не ушел от нас, а с Винсентом остался человек, одевающийся в мои цвета и моего телосложения, поэтому я был уверен, что Скворт еще ничего не знает о моих партизанских действиях у него в тылу. Я имел все основания полагать, что неожиданное нападение моего пусть небольшого, но опытного войска, может решить исход предстоящей битвы.

За время перехода от Акресса к военному лагерю противника я успел многое передумать, пытаясь собрать головоломку событий и фактов в единое целое. Решение уже начало смутно прорисовываться у меня в мозгу, но не хватало нескольких ниточек, которые связали бы все воедино.

Правда, головоломка включала в себя только самые злободневные вопросы, а о кроваво-красном шаре, Схайореле и Всадниках Судьбы я старался вообще не думать. Сопоставив кое-какие известные мне сведения, я пришел к некоторым выводам относительно происходящего.

Все определенно указывало на то, что год назад, сразу после моего исчезновения из Подлунного Мира, со Сквортом произошли какие-то сильные перемены. Из справедливого монарха он превратился в жадного и жестокого правителя. Это было ясно из разговоров бермандцев, к которым я прислушивался в трактирах и постоянных дворах, когда спасался от преследования. Толсон тоже в своем рассказе отметил странное поведение отца. А добавив ко всему этому, что из друга он резко стал моим врагом, я решил, что причина перемен, произошедших с королем – во мне. Он назвал меня демоном, что в принципе год назад было правдой. Значит, он где-то пронюхал о том, кто я на самом деле, и сильно испугался. Это объясняло повышенный интерес, проявленный к моей персоне, который выражался в заказе гравюр и портрета, а после – в настойчивой и долгой погоне. Еще я решил, что если Скворт раньше думал, что я вернулся с Силой, и поэтому побоялся сразу избавиться от меня, а, по словам Морроу, решил посоветоваться с Ирвингом, то теперь он знал, что Силы у меня нет. Ведь если бы я обладал Силой, то не убегал бы от его солдат через всю страну, а решил бы эту проблему, используя свое могущество. Ирвинг, видимо, тоже побоялся убить меня сразу, когда я заявился в замок, так как был предупрежден о моей Силе Сквортом. Рассказ же о болотных тварях, скорее всего, был ложью, оправдывающей в глазах прибывающих воинов выплату денег бездействующим наемникам, на самом деле собираемых для какой-то другой, несомненно, связанной со мной, цели. То, что мне так легко удалось выскользнуть из замка, а после – из дворца, я опять списал на счет своей, в данный момент мнимой, Силы. Живущий-В-Тумане был заодно со Сквортом, наверное, заключившим с ним союз, выбравшим из двух зол меньшее. Он прибег к его помощи, чтобы найти меня и задержать до прибытия своих гвардейцев. Наиболее веро-

ятно, что Скворт руководствовался при этом гравюрой Толсона, и, хоть Живущий-В-Тумане действительно был злым демоном, считал меня все же более опасным. Кстати, если до моей встречи с Живущим-В-Тумане Скворт, возможно и сомневался в том, что я лишился Силы, то после нее у него должны были пропасть все сомнения.

По-моему, вырисовывалась довольно-таки понятная картина. Правда, на этот холст следовало нанести еще несколько недостающих мазков. На предпоследней гравюре я убивал какую-то женщину. Зачем я это сделаю и кто она? На последней – участвовал в Великой Битве, про которую мне столько наговорил Живущий-В-Тумане. Тогда я посчитал это хитрой уловкой, но теперь, когда первые три предсказания сбылись, у меня не было причин думать, что последние два не сбудутся. Это означало, что не все в рассказе Живущего-В-Тумане – ложь.

Основной преградой, о которую разбивались все мои рассуждения, было мое отражение. Я считал его героем своего сна, а оно появилось в реальном мире. Толсон сказал, что ничего об этом не знает, и я верил ему. Может оно – плод моего разгоряченного битвой и головной болью воображения? С каждым днем я все больше и больше склонялся к этой мысли, тем не менее ощущая всем своим естеством какую-то смутную тревогу.

Мы ждали дня, когда должна начаться битва. Укрывшись в небольшой роще, спрятанной между холмов, мы отдыхали от почти сказочного рейда, совершенного нами меньше чем за две недели. Мы точили свое оружие: мечи, топоры и ножи, уже успевшие затупиться за это время. Я постоянно напоминал воинам, что от них требуется: как построиться для ведения боя, как перестраиваться при отступлении, какие маневры нужно использовать, чтобы противник понес как можно больший урон.

Толсон все время ходил угрюмый. Он был нашим заложником и стал бы нашей козырной картой в случае поражения. Мне было жаль этого смешного, немного дебиловатого парня, но война есть война. Если бы я отпустил его, то он сразу бы рванул к отцу и сдал бы ему нас, а убивать его не имело смысла – он мог нам еще пригодиться.

Глава VIII. Радости и горести

Наступило утро битвы. Как только восток заалел, в остывшем за ночь воздухе зазвучали крупная барабанная дробь, крики, металлический лязг. Я взобрался на холм и окинул взглядом бескрайнюю степь. Было прохладно, поэтому я поплотнее закутался в плащ и долго медитировал – лечь на холодную землю или нет. В лагере Скворта царила страшная суета, и, останься я стоять в полный рост, то никто бы меня не заметил. Но, решив лишний раз не рисковать, я, сжав зубы, все-таки улегся в траву и наблюдал, как бермандцы выстраиваются в стройные колонны. Боевые знамена трепетали на ветру. Я узнал, глядя на гербы, изображенные на них, что почти все знатные лорды королевства остались верны своему монарху и будут участвовать в сегодняшнем сражении. Справа медленно выплывало из-за горизонта солнце, освещая армию врага. Латы рыцарей ярко блестели в лучах светила, отливая розовым. Шло время, возня в стане противника стала стихать, а Винсент все еще не нападал на это огромное войско. Я продрог уже до мозга костей и подумал, что если уцелею в кровавой сече, то насморк мне гарантирован. Я немного волновался, но страха не было. Мои воины ждали сигнала по другую сторону холма, до слуха доносилось фыркание их лошадей и легкое позвякивание оружия. Огромную армию Скворта и мой маленький отряд разделяли всего каких-то двести-триста метров, и если бы не было этой толщи земли между ними, то спрятаться нам было бы нигде. Но Скворт, уверенный, что с тыла ему ничего не угрожает, допустил ошибку, разбив лагерь под последним холмом, а не подальше в степи.

Винсент и не думал начинать сражение. Я уже начал психовать и обзывать его нехорошими словами, а потом достал из внутреннего кармана кожаной куртки припасенную для таких случаев сигару и впервые за полтора месяца закурил. Я хотел таким образом успокоить нервы, но так как сигара была очень крепкой, а я долго не курил, то заработал только сильное головокружение. В тот самый момент, когда я затушил сигару, северная линия горизонта порвалась, и огромная серая туча двинулась в мою сторону. Через некоторое время я понял, что это армия Винсента Аркольского. Я уже различал отдельных всадников, скакавших навстречу врагу, чтобы сшибиться с ним в кровавой битве, видел королевский штандарт, гордо возвышающийся над стягами лордов Аркола, улавливал слепящие солнечные блики на доспехах воинов. Армия наступала в полном беспорядке, без какой-либо системы, без какого-либо строя. Но это была еще одна часть нашего с Винсентом хитроумного плана. Когда аркольские войска подошли на достаточное расстояние, бермандцы засыпали их дождем стрел, но и лучники Винсента внесли в ряды врага небольшую неразбериху. Я лежал, затаив дыхание. Сейчас армии сойдутся еще ближе. Успеют аркольцы или нет? Я опять закурил. Щуря глаза от едкого дыма, я увидел, как быстро, в мгновение ока, построились в боевой порядок еще секунду назад хаотично двигавшиеся полки Винсента, как попятнулись, не ожидавшие такого маневра бермандцы, как, наконец, сошлись передовые отряды двух армий. И сразу же степь наполнилась звоном металла, воплями боли, криками ярости, ржанием лошадей, боевыми кличами. Я уже не лежал, а стоял, дрожа от нетерпения, чувствуя, как адреналин поступает в кровь, как повышается артериальное давление. А внизу творилось что-то страшное: люди гибли сотнями, кровь лилась рекой. Силы были равны, и две армии, как два потока разного цвета, смешались одна с другой. Я смотрел на Винсента, раздававшего налево и направо своим гигантским мечом смертельные удары, смотрел на своего двойника, который тоже сражался, как зверь. Смотрел на Курта, прорубающего себе дорогу к человеку, изображающему меня, смотрел на Скворта, старого, но еще сильного воина, который искал встречи с Винсентом. Я стоял на вершине и наблюдал, ожидая своего часа. Когда я увидел, что барон Ролод собирается ввести в бой резервные войска, то решил, что пора действовать. Быстро сбежав по склону к своему отряду, я с ходу вскочил в седло. Все сразу все поняли, и мы помчались, обгоняя ветер, в стан непри-

ягельских войск. Выхватывая из ножен мечи, мы в считанные доли секунды оказались на вершине холма. Рыча, свистя и улюлюкая, мы, словно лавина, скатились на равнину и, буквально, врубившись в запасные полки бермандцев. Схватка была недолгой. Гвардейцы пятились, завидя меня. Они кричали:

– Демон! Демон! – и падали, сраженные нами.

Я понял, в чем дело. Они думали, что я в самой гуще битвы, они видели, что я там, впереди, и вдруг я появился и в тылу. Они в панике разбегались передо мной, решив, что я раздвоился. Я подумал, что их подозрения не лишены смысла, вспомнив про свое отражение, но сразу отбросил эти мысли и еще энергичнее заработал Схайорелом. Барон Ролод упал, разрубленный мною пополам, и мы ворвались в кровавый танец уничтожающих друг друга армий, не переставая сечь врагов. И здесь солдаты Скворта в ужасе отступали передо мной. А мы с Винсентом не придали значения такому немаловажному и устрашающему фактору, как участие в битве двух Мэтлоков! Рядом со мной дрался Гор. Он, хоть еще и юный, но уже доблестный воин, наносил бермандцам сокрушительные удары, врезаясь в их ряды с упорством и силой, присущими его характеру. Привстав в стременах, он косил гвардейцев, как траву.

Казалось, что конца не будет этой резне, но когда солнце перевалило точку зенита и двинулось на запад, войска Скворта дрогнули и стали понемногу отступать. Я носился по равнине, усеянной трупами и почерневшей от крови, надеясь столкнуться либо с Куртом, либо со Сквортом, и сразиться с врагом. Но все меньше и меньше мне встречалось бермандцев. Отступление было быстрым и, видимо, продуманным заранее, поэтому я, наверное, не заметил, как Курт и Скворт проскочили мимо меня, вероятно тоже не заметив своего врага. Добивая замешкавшихся гвардейцев, мы с Гором летели в сторону штандарта Винсента, который мелькал уже совсем рядом.

Через несколько минут мы были уже с королем Аркола. Сняв с головы измятый шлем, он вытер стальным рукавом со лба пот и, улыбнувшись, сказал:

– Славная была сеча! Я рад приветствовать вас живыми и невредимыми, к тому же хочу поздравить с победой!

Мы стали биваком подальше в степи. Смеркалось. Попивая вино, я рассказал Винсенту о своих приключениях. Толсон, во время сражения находившийся под присмотром двух воинов из моего отряда, сидел возле костра и методично тыкал в него палкой, каждый раз удивленно наблюдая за тем, как очередной сноп искр взмывается ввысь. Винсент внимательно слушал мою историю, не забывая при этом периодически подливать мне и себе вина. Я поведал ему обо всем, опустив в рассказе странный сон и случай с отражением. И тут я подумал, что между моим сновидением и происшествием во дворце Скворта должна существовать какая-то непосредственная связь. Но какая? Плюс еще один вопрос. Сколько их уже у меня? Если принять мою версию относительно недавних событий за истинную, то все равно набегало с полдюжины. А если я ошибся в своих размышлениях и логических построениях? Тогда не меньше двух десятков. Да, весело.

– Ну, а теперь твоя очередь хвастаться подвигами, – сказал я Винсенту, когда закончил свое повествование.

Винс рассказывал о том, как он пересек границу и сразу вступил в бой с заградительными отрядами, как отбиваясь от дерзких и неожиданных нападений бермандцев, он углублялся вглубь страны, как неделю назад он дал большое сражение невдалеке от Тровера, не одержав при этом явной победы, но изучив тактику врага. Слова текли и текли, я одобрительно кивал головой, но думал совсем о другом. Я вспомнил Анжелу. Наверное, я никогда ее больше не увижу. Перед глазами стояло ее лицо, я снова и снова прокручивал в мозгу свой последний вечер на Земле, и мне вдруг стало очень грустно. Конечно, здесь была Луиза, и я женюсь на ней, как только рассчитаюсь с врагами. Меня уже засосал этот Мир, я знал, что останусь здесь навсегда, потому что я сразу, как только попал сюда, начал решать свои личные проблемы,

совершенно забыв о своем договоре с Всадниками Судьбы. Раньше я уже выполнял их поручения, получая в обмен то, что мне требовалось, но никогда это не затягивалось так надолго. Ну сутки, ну двое, ну максимум неделя. Здесь же я торчал уже больше двух месяцев, а чего-нибудь определенного пока не намечалось. Надо мной властвовало сейчас лишь желание отомстить за мою попорченную честь и униженное достоинство, и я считал, что это должно произойти очень скоро. А что я буду делать дальше? Всадники Судьбы уже, наверное, махнули на меня рукой, глядя из Центра Миров, как я, идя на поводу своих амбиций, копошусь в мелочных проблемах этого Измерения. Они, скорее всего, уже забыли обо мне, решив, что Утративший Мощь не помнит, кто он и откуда родом, что для меня важнее все то, в чем я погряз в Подлунном Море. Но если так, а я был уверен, что так оно и есть, то они глубоко заблуждаются и сделали большую ошибку. Я помнил. То, что я очень себялюбив, горд и никогда не прощаю обид, конечно, правда. Но, отомстив Скворту, я был бы очень даже не прочь вернуться на Землю и завершить там то, что должен. Но поздно, надо было с самого начала думать только о задании Всадников, а теперь я женюсь, и буду нянчить детей, влача жалкую жизнь средневекового феодала. Эти четыре слова, выуженные из земных книг, как нельзя лучше описывали мое будущее. Конечно, Луиза хорошая девушка, но во многом уступает Анжеле, и последнюю я люблю больше. Но с этим можно смириться. Ведь не встретить я Анжелу в ночном клубе, не ожили бы во мне угасшие были чувства, и сейчас Луиза была бы для меня самой прекрасной девушкой во всей Вселенной. Смириться нельзя с тем бездействием, на которое я буду обречен в этом Море. Я привык все время находиться в движении, прыгая из Измерения в Измерение, а здесь, в Подлунном Море, мне будет скучно и тесно.

– ...Он назвался Морроу, твоим другом, но я не поверил этому бермандскому шпиону и посадил в клетку на колесах, которую тягал за собой. Я решил, что если ты и Гор попадете в плен, то смогу попытаться произвести обмен. Но теперь я думаю, что ему надо отсечь голову, – рассказывал Винсент.

Эти слова вернули меня к действительности:

– Морроу здесь?! отведи меня к нему!

Тощий, как смерть, грязный и оборванный, в грубо и наспех сколоченной клетке сидел Морроу. Под глазами мешки, в глазах отчаяние. Когда он увидел меня, то вскочил с пола своей передвижной тюрьмы и, обеими руками схватившись за толстые сучковатые дубовые ветви, из которых были сделаны ее решетчатые стены, ждал, пока Винсент откроет замок, надежно охраняющий дверь клетки.

– Мэтлок, я благодарю Вас, – сказал он, спрыгивая на землю.

Мы пожали друг другу руки, Винсенту же вместо рукопожатия достался взгляд, полный негодования. Хмыкнув и повев плечами, король Аркола развернулся и пошел в сторону своей палатки, что-то бормоча себе под нос. Мы же с моим старым боевым товарищем сначала отправились к обозу, сопровождавшему все это время армию Винсента и снабжавшему его воинов одеждой и провиантом, где Морроу переоделся во все чистое, натянув, правда, белье на грязное тело, а после – к кострам, где он подкрепился куском жареного мяса и бутылкой вина. Я решил, что настало время порасспросить его.

– Ну, Морроу, расскажи мне теперь свою историю, – попросил я.

– Я начну с того момента, когда Вы сбежали из дворца, – начал было он.

– Нет, нет, – перебил его я. – Начни, пожалуйста, с событий годичной давности, которые так сильно повлияли на Скворта.

Я немного блефанул. Нет, я ни в чем не подозревал Морроу, ведь он спас меня от неминуемой смерти. Просто он мог забыть какие-нибудь мелочи, посчитать незначительными какие-либо факты, а теперь он знает, что мне известно кое-что, и постарается воспроизвести все как можно точнее, постарается вспомнить события до мельчайших подробностей, так как подумает, что даже один упущенный момент может вызвать у меня подозрение, что он что-то утаи-

вает. Конечно, я верил ему, и если бы он что-нибудь упустил в своем рассказе, то я не заподозрил бы его ни в чем, даже знай я подробно о том, что происходило в те дни. Но, осознавая, что его только что освободили из клетки, в которой он находился, так как его посчитали шпионом врагов, и, не ведая о том, что мне почти ничего не известно, он выложил мне все, что знал.

Оказывается, год назад Скворт, желая подлечить замучившую уже его подагру целебными грязями Южных Болот, вместе с небольшим отрядом телохранителей, среди которых был и Морроу, отправился из Акресса на юг страны. Они остановились в моем замке, где узнали, что я пропал, оставив на своем столе документ, согласно которому все дела на время своего отсутствия поручал вести управляющему Донату. Неделью гостил Скворт в замке, ожидая, что со дня на день я объявлюсь. Но меня все не было и не было, и тогда он начал расспрашивать челядь, при каких обстоятельствах я исчез. Никто ничего не знал, кроме того, что однажды, когда я лег спать, то утром в постели меня уже не было. Скворт сперва разволновался не на шутку, но потом успокоился, решив, что это какая-то прихоть новоявленного герцога, который еще несколько месяцев назад был простым наемником из Нулона, страны, являющейся северным соседом Бермандии (это была моя легенда). Скворт каждый день ездил на болота, где погружался по шею в грязь и проводил в таком положении по несколько часов. Каждый раз его сопровождала ровно половина отряда охранников. Однажды, когда Морроу был среди тех, кто остался дежурить в замке, Скворт вернулся с болот злым и раздраженным. Его все выводило из себя, он кричал на своих воинов, бил моих слуг. Он орал на моих людей, что они продали душу демону, что всех их надо казнить. Вечером, за ужином, он вроде бы немного отошел. Скворт шутил, смеялся над чужими шутками, не сводя при этом глаз с молодой и красивой дочери управляющего. Похотливый пес! На следующее утро, сопровождаемый телохранителями, он покинул замок, вежливо попрощавшись со всеми его обитателями и, мотивируя свой отъезд тем, что в Акрессе его ждут важные государственные дела. Вернувшись в столицу, он потихоньку начал поднимать налоги, увеличивая и их количество. По стране прокатилась волна облав, в результате чего лишились жизни сотни преступников, начиная от жестоких убийц и заканчивая мелкими воришками. Затем стали вешать и ни в чем не повинных людей, руководствуясь при этом лишь откровенно лживыми доносами. Скворт превратился в тирана. Все считали, что он немного тронулся, так как все свои действия он оправдывал тем, что страна должна быть готова к встрече с демоном, то есть со мной, а значит стране нужны деньги и железная дисциплина. Люди смеялись над ним, считая такие заявления о своем спасителе от болотных монстров, то есть обо мне, полнейшим бредом. Правда, делали они это тайно, опасаясь несправедливой кары. Меня все помнили, уважали, а некоторые даже считали богом, что, впрочем, было недалеко от истины. Потом появился Курт Ирвинг. Говорили, что Скворт заметил его на каком-то цирковом представлении и, пораженный его силой, ловкостью, мастерством, приблизил к себе. Больше полугода назад он подарил ему мои земли и мой титул, отправив жить в замок, где тот женился на дочери управляющего. Ходили слухи, что Ирвинг по приказу короля набирает там отряд воинов для борьбы с оправившимися после поражения тварями из болот.

Около двух месяцев назад король почему-то решил, что через несколько недель я должен объявиться. Скворт страшно боялся этого события, что было видно по его суетливым движениям и широко раскрытым глазам, но хорохорился и кричал, что даст мне "просрать". Он вызвал к себе Курта, и они постоянно обсуждали планы моего уничтожения. Но я появился в Подлунном Мире немного раньше предполагаемого врагами срока, когда они еще не были к этому готовы.

Когда я добрался до дворца, Курт развлекался в Акрессе. После того, как Скворт выслушал меня и отправил отдыхать, в город сразу был послан человек, который привел к Скворту Ирвинга, и они начали экстренное совещание. Морроу предупредил меня о ловушке, которая благодаря ему не успела захлопнуться. Парень остался во дворце и следил за всем происходящим. Он рассказал мне, как организовывались погони и засады, как разведчики сооб-

щали о моих передвижениях по стране в течение тех трех ужасных дней, как Скворт кричал на Ирвинга, обвиняя его в невнимательности и тупости. Еще бы, ведь он меня упустил, когда я был уже у него в руках, причем я ничего не знал о том, что Скворт предал нашу дружбу, и поэтому представлял из себя легкую добычу. Когда меня подхватил туман и понес с огромной скоростью на восток, о чем сообщил один из отрядов преследователей, то Скворт запаниковал. Потом, когда появились донесения шпионов о том, что я в Арколе и вместе с Винсом готовлюсь к войне, то подготовка началась и в Бермандии. С каждым днем Скворт чувствовал себя все уверенней и уверенней, а когда Морроу видел его в последний раз, перед тем, как переметнуться к аркольцам и ко мне, то король просто излучал собой счастье.

Новые факты подтверждали мою версию относительно происходящего. Я ошибся только насчет Живущего-В-Тумане. Если он и пошел на союз со Сквортом, то преследовал при этом свои цели. Выйдя на меня, он предал его. А как еще можно объяснить то, что он нес меня на восток, а не в Акресс – сердце Бермандии? Первоначальный испуг Скворта при моем появлении в Подлунном Море, а после – его растущую уверенность в себе я объяснял тем, что с каждым днем Скворт все больше и больше убеждался в том, что я не обладаю былым могуществом.

Морроу говорил и говорил, а я, завернувшись в меховой плащ, все думал и думал. Что движет этим человеком, ради моей жизни рисковавшим своей, бросившим карьеру ради старой дружбы? Я смотрел на его мужественное лицо с четкими и правильными чертами, думая о его верном сердце. Я вспомнил те дни, когда я был один в этом Море, и мне стало жутко. Неужели не было рядом со мной Винсента, Гора, Морроу, Луизы? Теперь меня окружали друзья, готовые пойти на край света, и от этого на душе становилось как-то спокойнее и теплее.

Завтра все должно решиться. Армия Бермандии почти разбита, и нам не составит особого труда уничтожить ее полностью. Тем самым я отомщу за себя и окончательно выясню все непонятные в этой истории моменты, а Винсент станет королем двух государств. Одна молниеносная атака – и остатки войск Скворта будут истреблены. Все это стало возможным, благодаря людям, окружающим меня – Морроу, Винсу, Гору, к которому я успел сильно привязаться за время нашего недавнего рейда почти через всю Бермандию.

Ночь была очень темной, и мне вспомнился дворец из черного хрусталя. Я долго ворочался, стараясь уснуть, а перед глазами стояла жуткая картина: мое отражение отделяется от стены и заносит надо мной меч. *Меч. Меч и тьма. Меч, тьма и я. Тьма и я. Я.* Я погружался в сон, и странные, загадочные образы стали возникать в голове. *Черный рассвет. Черное солнце встает над Миром, затмевая своей тьмой черные звезды. Я вижу море. Оно черное, так как не вода гигантскими волнами накрывает берег, а кровь, густая, пенящаяся на гребнях. Тишина. Не слышно грохота падающих волн. Мрак пожирает небо и землю.*

– Лерон. – шепчет он.

– Лерон! – кричит солнце.

– Лерон, – отзывается молчавшее до этого море...

– Мэтлок! Мэтлок, проснись!

Я вскочил, выхватив из ножен Схайорел.

– На нас напали! – перекрикивая шум битвы, орал мне на ухо Гор.

И тут я увидел тех, кого уже не ожидал увидеть в Подлунном Море никогда. Тысячи болотных монстров вонзали свои острые, как бритва, когти в тела еще не отошедших ото сна аркольцев и рвали их на части. Встав на мощные морщинистые задние лапы, они медленно шагали по степи, давя огромными ступнями людей. Их морды, напоминающие крокодилы, вертелись по сторонам. Они искали жертву, чтобы сомкнуть на ее горле сильные челюсти и выпить кровь, прокусить клыками череп и высосать мозг. В предрассветной дымке их фосфоресцирующая кожа светилась бледно-зеленым, их злобный вой летел к самым звездам, еще мерцающим в сером небе. Я взмахнул мечом, отсекая одному из чудовищ голову, и побежал к шатру Винсента. Кто-то схватился за край моего плаща, и я хотел было уже тыкнуть

назад мечом, но услышал хныканье, характерное лишь для Толсона, схватил его за шиворот и, перекинув через левое плечо, побежал дальше. Добравшись до палатки Винса, мы с Гором помогли ему разделаться с тремя тварями, и стали быстро седлать коней. Подлетел Морроу, весь в зеленой дымящейся крови чудовищ. Держа в каждой руке по короткому мечу, он отогнал монстров начавших скапливаться вокруг нашей группы. Вскочив в седла, мы неслись по степи, а болотные твари, опускаясь на четыре лапы, мчались за нами, не отставая. Слишком настырных мы убивали, но, переворачивая груды грунта и возникая у нас на пути, они вылезали из-под земли уже и впереди. Я не верил в реальность происходящего, я думал, что это продолжение моего сна. Удар мечом направо, взмах налево. Трупы болотных чудовищ падали среди трупов аркольских воинов, и их зеленая зловонная кровь смешивалась с красной человеческой. Страшная боль пронзила мою ногу, я отрубил лапу монстру, и она, застряв когтями в бедре, телепалась из стороны в сторону, заливая мои штаны вонючей жидкостью, била меня по колену, подпрыгивая с каждым прыжком моего коня. Это не сон, весь этот кошмар происходит наяву! Мне некогда было сбросить обрубок, я пробивался сквозь стену из тел чудовищ. Падал один монстр, на его месте возникал следующий...

Когда мы, наконец, вырвались из этого ада, и унеслись на достаточно большое расстояние от ужасных и омерзительных созданий, я осознал, что от огромной армии Винсента осталось всего четыре человека: сам Винс, его сын Гор, Морроу и я. Пятым был Толсон. И еще я понял одну вещь — Скворт вступил в союз с этими уродами.

Мы потерпели поражение, когда, казалось, победа была уже так близко.

Глава IX. События в Тровере

Стены города взметнулись к самому небу. Шпили башен касались облаков, а хрустальные дворцы сверкали на солнце так, что можно было ослепнуть. Барельефы, запечатлевшие историю города, украшали стены домов. Двери, окна, крыши были богато инкрустированы золотом и драгоценными камнями, а улицы – выложены розовым мрамором.

Вот уже около получаса я петлял по Троверу, тщетно пытаюсь отыскать публичный дом Семилианны. В этих оживленных богатых кварталах центра города я чувствовал себя скованно. Люди замечали, как я подгоняю коня, ерзая в седле, как неуверенно выбираю дорогу. Я заблудился в малознакомом городе, и мое небритое лицо со шрамом на левой щеке могли видеть то на одной улице, то на другой. Могли видеть, значит, могли и доложить обо мне куда следует. Меня такая перспектива, конечно же, не прельщала, и, несмотря на то, что я переоделся и изменил прическу, я желал побыстрее найти бордель. Костюм купца из Восточного Мекоссеса и волосы, заплетенные в косу, доходящую до середины спины, – таков был мой новый имидж. Высокие замшевые сапоги, шерстяные бриджи, шелковую рубаху, отороченный мехом кафтан и бархатный берет с пером я нашел в том же самом сундуке, из которого Семилианна извлекла когда-то два мундира солдат короля.

Хижину, в которой мы когда-то с ней прятались, я отыскал без проблем. Сразу после того, как мы прокрались за городские ворота, подрезав по пути пару стражников, я направил коня к лачуге. Продав с горем пополам коней Винсента, Гора, Морроу и Толсона, а моего, спрятав в безлюдной загаженной подворотне, мы просидели в землянке двое суток, опасаясь выходить на улицу. Я надеялся, что Семилианна сама нагрянет туда. Но запас хлеба, приобретенного за жалкие гроши, полученные нами за скакунов, закончился, а девушки не было. Тогда я открыл сундук, переоделся и, усевшись на своего измученного и голодного коня, отправился на поиски борделя, оставив своих друзей дожидаться в хижине.

Как только я свернул в переулок, то сразу блеск, роскошь и великолепие сменились серостью, убогостью и нищетой. Повсюду были лужи грязи и целые кучи испражнений. Запах, то затхлый, то зловонный, проникал в ноздри, и мне стоило больших трудов сдерживать себя и не вырвать на заплесневелый, покрытый зеленой бахромой кирпич стен, на груды полуистлевшего тряпья. Кварталы бедняков разительно отличались от кварталов знати.

Переборов очередной приступ тошноты, я внимательно осмотрелся по сторонам. Перекресток двух улиц показался мне знакомым, и я двинулся направо. Я почувствовал себя свободнее, пропало напряжение, в моих движениях появилась уверенность. Я вспомнил дорогу, и теперь летел по вечернему городу, торопясь скорее увидеть Семилианну. Кружась в лабиринте переулков, подворотен и улиц, я спешил обнять королеву трOVERских проституток, которая полтора месяца назад спасла меня от верной смерти. Еще поворот, и я оказался как раз напротив вывески "Страстная куртизанка". Спрыгнув с потного коня, я открыл дверь большого богатого дома. Навстречу мне вышла смазливая девчонка лет семнадцати и, сделав легкий реверанс, спросила:

– Чего изволите?

– Мне надо поговорить с твоей госпожой, милочка, – ответил я, улыбнувшись ее жеманным манерам.

– А разве я тебе не нравлюсь, дружок? – прощепетала юная распутница. – Тем более госпожа уже давно никого не принимает.

– Солнце, позови Семилианну, – продолжая улыбаться, сказал я.

– Как хочешь, – с напускной обидой во взгляде и в голосе бросила она, и, шурша юбкой и вихляя бедрами, скрылась в боковой комнате.

Через несколько минут оттуда вышла Семилианна. Некоторое время она, прищурясь, смотрела на меня, не узнавая, но после лицо ее прояснилось, и она бросилась мне на шею. Зацеловав меня до полусмерти, измазав при этом кармином, она потащила меня за собой по лестнице наверх. Когда мы оказались в маленькой комнатке с большой кроватью, девушка стала раздевать меня, отрывая пуговицы с мясом, при этом встав на носочки и слюнявя мне ухо. Нимфоманка прямо какая-то!

– Семилианна, что ты делаешь?! – задал я глупый вопрос.

– Я соскучилась за тобой, Мэтлок, – выдохнула она, сдирая с меня рубашку.

– Но не до такой же степени, милая!

– Я поклялась себе после той ночи, что больше ни один мужчина, кроме тебя не прикаснется ко мне!

Понятно. Изголодавшаяся женщина, если не сказать поглубже. Я обреченно стягивал сапоги, сидя на кровати, а она кусала мне мочку левого уха и повторяла одну и ту же фразу:

– Я люблю тебя, Мэтлок!

* * *

Я лежал под измятой простыней, одной рукой приобняв прижавшуюся ко мне Семилианну, а другой то подносил ко рту вонючую сигару, то сбивал с нее пепел прямо на пол. Выпуская клубы едкого дыма, я рассказывал девушке о своих приключениях, приукрашивая историю вымышленными подвигами, преувеличивая масштабы сражений и выдумывая дополнительные опасности к тем, которым подвергся за прошедшие полтора месяца. Она слушала, округлив глаза, охая в наиболее страшных местах моего повествования и кивками подтверждая те из них, к которым я ничего не добавлял от себя, а пересказывал все, как было на самом деле. Конечно, ничего о Луизе, снах и отражении в зеркале она от меня не узнала.

– ...И когда мы вырвались из кольца болотных чудовищ, то я предложил всем оставшимся в живых отправиться в Тровер и переждать трудные времена. Я знал, что в Тровере у меня есть любимая девушка, которая поможет мне и моим друзьям. Они в данный момент сидят в твоей лачуге и ждут меня, – закончил я свой рассказ, поперхнувшись дымом при словах "любимая девушка".

Семилианна поведала мне обо всех слухах, ходивших по Троверу, которые касались Скворта, Ирвинга, меня и войны, но ничего нового я от нее не узнал. Затушив сигару о ножку кровати, я поднялся и, облачившись в пострадавшую от страсти девушки одежду, присел на край постели, закурил по новой. Кашляя и сплевывая, я смотрел, как одевается Семилианна. Она была чуть ниже среднего роста, стройное тело белым пятном плавало по темной комнате. Она собирала разбросанную одежду. Каждый раз, когда девушка наклонялась что-то поднять с пола, длинные русые волосы волнами падали ей на лицо, закрывая тонкий прямой носик, чувственные губки и красивые глазки. Раз за разом затыгиваясь, я думал, что смог бы полюбить это милое создание, если бы уже не любил Луизу и Анжелу.

А потом потекли дни, похожие один на другой. Мне, Винсу, Морроу, Гору и Толсону были отведены покои на подземном этаже борделя. Об этих тайных апартаментах знали только Семилианна и четыре девушки, которые приносили нам туда три раза в течение дня пищу и иногда оставались на ночь. Сначала всем нравилось такое времяпрепровождение. Мы отдыхали после проигранной нами изнурительной военной кампании, наши тела набирали вес, а мышцы лишались сил. Мы уже начали забывать, что привело нас в Тровер, и нам казалось, что всю жизнь мы вот так и слонялись бесцельно по комнатам в ожидании еды и женщин. За целый месяц, проведенный под землей, мы ни разу не выходили на улицу, не видели солнца, луны и звезд, не брали в руки меч или топор, не вспоминали о мести. Конечно, хорошо было окунуться в жизнь, лишенную забот, праздную и спокойную, после бурных событий уходящей

осени. Не надо было думать о спасении своей шкуры, о хлебе насущном и об одежде, не болела голова от многочисленных вариантов отмщения. Нам было тепло, нас окружали симпатичные женщины. Мы втянулись в череду однообразных будней сутенеров. Именно так представлял я в детстве жизнь мужчин, живущих на средства своих любовниц-проституток. Правда, Семилианна уже не зарабатывала телом, а жила со мной, как жена, оставаясь при этом хозяйкой публичного дома, который достался ей по наследству от бабушки. Я привык к ней и души в ней не чаял, но по истечении месяца сильно запил. Мне надоело бездействие, и я, наконец, начал интересоваться происходящим в городе и стране. Когда же Семилианна сообщила мне, что Тровер до сих пор полон гвардейцев, что на улицах можно встретить болотных тварей, что по-прежнему продолжаются облавы, я стал напиваться до потери способности к передвижению, и часто засыпал в собственной блевотине.

В борделе мы были в безопасности. Заведение пользовалось у королевских воинов огромной популярностью, поэтому надо было обладать большой проницательностью, чтобы заподозрить хозяйку в том, что она укрывает объявленных вне закона преступников под самым носом у разыскивающих их гвардейцев. А если бы публичный дом и решили проверить, если бы у какого-нибудь умного генерала и появилась такая мысль, то все равно враги не обнаружили бы потайную дверцу, ведущую на подземный этаж. Наверху же нас схватили бы мигом. Я благодарил судьбу за то, что никто не узнал меня тогда на улицах Тровера, что каким-то чудом нам с Семилианной удалось незамеченными пробраться через полгорода к хижине и вернуться в бордель уже вместе с моими друзьями. Осознавая, что здесь мне уже надоело, а появление в городе грозит крупными неприятностями, понимая безвыходность сложившегося положения, я и запил. Следующим за мной был Винсент, за ним последовали Морроу и Гор. Только один Толсон продолжал вести трезвый образ жизни. Вообще все это время он держался особняком, постоянно о чем-то думая, шепча себе в густые усы, которые он отпустил, неразборчивые фразы. Когда я однажды спросил его о Скворте, он заплакал и сказал, что теперь у него нет отца, и он вместе со мной будет бороться против уродливых монстров.

Бороться. Но как нам вырваться из Тровера? Мы были в ловушке, в которую попали по собственному желанию. Но не отступи мы после битвы в город, то были бы уже давным-давно мертвы. Все всё понимали, и не в силах что-либо изменить, продолжали упиваться водкой. Семилианна было исключила из нашего меню этот напиток, но я пригрозил ей, что выйду на улицы города, если она сейчас же не прикажет своим девкам принести в подземелье ящик водки.

Еще через неделю наши пьянки сменились меланхолическими настроениями. Болезненно-угнетенное состояние, тоска и отчаяние поглотили нас в свои пучины. Мрачные мысли стали возникать у меня. Я начал подозревать, что в городе все спокойно, что Семилианна лжет про облавы, чтобы удержать меня подле себя. Как следствие таких размышлений, у меня развилась мигрень. Головная боль не давала мне покоя, я стал нервным, неуравновешенным. Я постоянно рычал на несчастную девушку, пытающуюся всячески мне угодить, перенося в подсознании вину во всех наших бедах на нее. Безысходность страшным грузом давила мне на грудь, и по ночам я долго не мог заснуть, ворочаясь и обдумывая ситуацию, в которой оказался.

А потом пропал Винсент. Утром он не вышел к завтраку, и я пошел к нему в комнату, чтобы позвать его к столу. Его девушка сказала, что хотела вчера остаться с ним на ночь, но он отказался и спал один. Комната Винса была пуста. Неприбранная кровать, на столе бардак, вещи валяются, где попало, а его самого нет. Я заглянул под кровать, в шкаф, понял, что поступаю глупо, и толкнул дверь, ведущую в туалет. Не было его и в туалете. Мы обыскали все места, где он мог спрятаться. Безрезультатно. Только потом, когда девушка обнаружила, что у нее пропал ключ от дверцы, ведущей на верхние этажи, я понял, что Винс не выдержал и сбежал. Безумец! Наверное, его уже схватили, а вечером казнят. Нет, нет, он ни за что не дал бы схватить себя, он дрался бы до последнего, значит сейчас он мертв.

Слушая краем уха, как Семилианна ругает провинившуюся подружку Винсента, я бродил по комнате друга и вспоминал годы, проведенные на Земле. Я вспомнил, как он угодил под трамвай, отделавшись лишь повреждением связки, как он любил ловить раков, как он обожал поесть от души, как я называл его Толстым и Слоном, как целыми семестрами лежал он под пуховым одеялом и читал книжки, по черному прогуливая занятия, но потом все равно сдавал все зачеты и экзамены, как...

Я увидел на столе записку, наполовину скрытую забитой окурками пепельницей. Схватив листок, я, с трудом разбирая кривые буквы, прочел следующее:

"Дорогие мои друзья! Не в силах терпеть это заточенье, добровольное и поначалу приятное, но сейчас опостылевшее и тяготящее меня, я решил рискнуть. Украл ключ у Мариссы и переодевшись в один из ее нарядов, я попытаюсь выбраться из Тровера и достичь Аркола. Если мне это удастся, то я наберу новое войско и попытаюсь освободить вас. Молитесь за меня. Надеюсь, что еще увидимся, поэтому – до свидания!

Ваш Винсент"

Я всем показал записку, после прочтения которой я начал чуть-чуть верить в успех задуманного Винсом побега из города. Молиться я, конечно, не стал, но спать лег с легким сердцем и сразу провалился в сон.

... Черный хрусталь вокруг меня. Насколько хватает глаз, настолько я вижу этот черный коридор. Я иду сквозь толщу стекла, темного, как ночь, не отставая от человека, как две капли воды похожего на меня. Кто он? Укравший Воспоминания. Кто я? Утративший Прошлое. Мы заходим в гигантский зал, высверленный и выточенный в черной жемчужине. На троне сидит женщина, поражающая своей красотой. Но красота эта вызывает у меня не восхищение, а страх, дикий, животный ужас. Я стараюсь не смотреть в ее сторону, а отделяюсь от стены, покидаю свой хрустальный мир и заносу над головой двойника меч...

Я резко сел на кровати. Тяжело дыша, ощущая, как пот тоненькими струйками сбегает по моей спине, как прилипли к покрытому испариной лбу пряди волос, я смотрел во мрак комнаты, ничего не видя и ничего не соображая. Затем я тихонько поднялся с постели, снял с Семилианны, спящей со счастливой улыбкой на лице, ключ, который она носила на шнурке на шее, напялил ее платье, спрятав меч в складках пышной юбки, и вышел из комнаты.

Когда я оказался на улице, то долго смотрел на небо, усеянное яркими звездами, и вдыхал холодный ночной воздух. И вспомнилась мне та ночь, когда стоял я на ступенях ночного клуба на Земле, поджидая Агента. Сколько прошло с тех пор времени? Мне казалось, что целая вечность. Созвездия здесь были другие, а сами звезды казались ближе и крупнее, но так отчетливо я представил в голове ту ночь, что не удивился и не испугался, когда кто-то нежно обнял меня сзади.

Ангела? – спросил я. Тишина.

– Почему ты молчишь, Ангела?

Ни слова в ответ, только сильнее стали объятия. Мне стало жутко. Я попытался оглянуться через плечо, но мышцы мои словно оцепенели, я не мог пошевелить даже пальцем. Я уже испытывал когда-то такие ощущения, они были мне знакомы. Мышцы продолжали неметь, вокруг меня возникла туманная дымка. Живущий-В-Тумане! Я рванулся, чувствуя, как слабеет хватка призрачных рук, но передо мной возник еще один Живущий-В-Тумане. Он потянул ко мне пустые рукава, и туман потек из них, все плотнее и плотнее окутывая меня. Еще один появился слева. Все, это конец. "Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч!" – промелькнуло у меня в мозгу. Внезапный порыв ветра разорвал в клочья моих врагов и набросился на меня, но запутался в моих густых длинных волосах. Какая счастливая случайность, что подул ветерок! Переступив грязные маленькие облачка тумана, я двинулся вперед. Не успел

я отойти от борделя и на двести шагов, как услышал легкое позвякивание доспехов и чье-то перешептывание. Лихорадочно соображая, что же предпринять, я стоял посреди улицы, когда из-за поворота вышли несколько гвардейцев.

– Оп, красotka, ну-ка покажи нам титьки! – заорал один из них и побежал ко мне.

Я, не совсем понимая, что делаю, вытащил из-под юбки меч и выставил его острием к солдату. Недоумение на его лице сменилось гримасой боли, когда он, уже достаточно разогнавшийся, по инерции продолжающий двигаться, напоролся животом на холодный металл.

– Это Мэтлок! – пролетел над головами патрульных, чей то крик, и я увидел, как из темноты выезжает всадник. – Схватите его или убейте.

Ирвинг! Курт Ирвинг собственной персоной! Я решил принять бой, посчитав, что справлюсь с этой немногочисленной группой королевских псов, но из-за спины Ирвинга выскочили на освещенное пространство еще с десятков солдат. Я повернулся и побежал. Грохот их сапог летел за мной, возвращаясь к ним в виде моих проклятий. Путаясь в складках юбки и спотыкаясь, я несясь прочь от своих преследователей. Слетели башмаки. Я упал. Со злостью разорвав мешающую мне передвигаться юбку, я вскочил, и побежал дальше, но гвардейцы настигали меня, так как я потратил на эту возню на мостовой несколько драгоценных секунд. Что-то впилося мне в ногу, но я продолжал сумасшедший бег. Поворот, еще один. Я ужасно хромал, чувствуя, как из пятки вытекает кровь, а стекло все глубже и глубже вонзается в ступню. Ноги заплетались и подкашивались, перед глазами пошли разноцветные круги, мне было дурно, но, сцепив зубы, я мчался по городу. Я рухнул в черную бездну, когда в очередной раз споткнулся о выступающий булыжник.

Очнулся я на дне вонючей канавы, той самой сточной канавы, которая проходила невдалеке от еще одного борделя, принадлежащего Семилианне. Произвольно выбрав направление, я пополз, разрывая грудью, а порой и носом кучи дерьма. Сколько я полз? Не знаю. Может быть час, а может и минуты не прошло, но когда перед глазами вместо дерьма вдруг возникли черные лакированные сапоги, и я уткнулся в них лицом, то уже ничего не хотел и не чувствовал боли в ноге.

– Мэтлок, Мэтлок! Как не стыдно! Герцог, а лазаешь по канализации, как червь навозный, – раздался надо мной насмешливый голос Ирвинга, который сразу же утонул в громе смеха.

– Вот ты и попался, голубчик, – сказал Курт, поднимая меня за шиворот и передавая солдатам.

Что-то ласково коснулось моей щеки. Я повернул голову. Туман пеленал меня, как младенца, оборачивая своим белым покрывалом. Мышцы сковало, словно тысяча веревок оплели мои руки и ноги, крепко и навечно. Мне уже все равно, пусть будет, что будет. Я не сопротивлялся, когда все вокруг поплыло, потекло. Утопая в вате тумана, я слышал, как где-то далеко-далеко матерился Курт Ирвинг, и кричали испуганные гвардейцы. Интересно, что случилось, что они так разволновались? Я чувствовал, как тело мое становится все легче и легче, я ощущал, как растворяется оно в этой плотной дымке. Что-то упало на мостовую, послышался звон бьющегося стекла, и я понял, что это осколок выпал из моей ступни, которой уже не было, как не было уже и меня. Был только сгусток тумана, обладающий моим сознанием, стремительно летящий ввысь.

Глава X. Момент истины

О, как это было великолепно! Я лишился своего усталого, измученного и израненного брэнного тела и стал бесплотным духом, легким и сильным. Меня непреодолимо тянуло вверх, и я несея навстречу звездам, испытывая восторг от этого необыкновенного полета, от новых ощущений. Я чувствовал, как вокруг моего сознания клубится что-то теплое и влажное. Это была моя новая оболочка, новоеместилище для моей души и моего разума, с огромной скоростью летящих ввысь.

Я был не один. Каким-то непонятным образом я ощущал, что рядом со мной движутся еще несколько разумных созданий, которым так же, как и мне, плотью служил туман. Это были мои братья и сестры. Понимание этого пришло ко мне сразу, как только я потерял свое физическое тело. Флюиды нежности и любви струились от всех моих спутников, проникали в сознание и порождали во мне ответные чувства. Я был спокоен, как скала, и умиротворен. Как свежеевыпавший снег были чисты мои мысли, как горный хрусталь была прозрачна моя душа. Я был одним из них, я был Живущим-В-Тумане, и мне было приятно знать это.

Мы пролетели в большую дыру, открывшуюся в небе совершенно неожиданно, и оказались в городе неопиcуемой красоты. Призрачные дворцы возвышались вокруг. Они светились изнутри мягким таинственным светом, а шпили и башни их были увенчаны звездами. Эти сказочные строения плыли в терпком запахе, источаемом звездной плазмой, постепенно меняя свои очертания, проходя одно сквозь другое, рассеиваясь и вырастая вновь, чтобы подпереть на одно мгновение ставшие одинокими звезды. А яркие светила языками протуберанцев лизали остроконечные крыши, и эти перламутровые, багряные и изумрудные сполохи создавали величественную музыку, льющуюся отовсюду. Холодный огонь и ласковая сырость, теплая и светлая, чистый и легкий запах озона, как после грозы на рассвете, и дурманящий привкус полыни, возникающий в сознании под воздействием звездного вещества, звуки, напоминающие хрупкий резной ажурный камень и зловеший гул перегруженного трансформатора. Как все это могло сосуществовать в одном месте? Как я мог все это видеть, слышать, ощущать, оставаясь всего лишь разумом, а не человеком с глазами, ушами, способным обонять и осязать? Не знаю. Я просто смотрел на колоссальные, но изящные и прекрасные дворцы, я просто слушал тихую, но глубоко проникающую в душу музыку. Это было грандиозное полотно, отличающееся буйством красок, помпезностью сюжета, это был полет фантазии неведомого, но, несомненно, обладающего больным воображением, художника. Это была Страна Миллиона Мелких Капель.

Вокруг меня из тумана стали одна за другой материализовываться фигуры моих загадочных родственничков. Дымка стягивалась, образуя плотные области, по форме очень напоминающие человеческие тела. Как они это делают? Я попробовал сконцентрировать все свои мысли и желания и, используя разум и волю, повторить этот фокус. Я почувствовал, как слипаются капельки воды, из которых я состоял, как все теснее и теснее сжимается мое новое тело, как внешняя оболочка приобретает человеческие очертания. У меня получилось! Я обладал ментальной силой! Это возрождение части моих былых способностей подняло во мне целую бурю чувств. Я ликова, я радовался как маленький мальчик, попавший на праздник прощания с зимой. Часть Силы вернулась ко мне! Вопросы как и почему это произошло я оставил на потом, так как в тот самый момент, когда они у меня возникли, ко мне обратился один из Живущих-В-Тумане:

– Мы рады видеть тебя дома, Лерон. Отец ждет тебя.

Его голос, низкий и громкий, похожий на рык, заставил меня содрогнуться.

– Дома? Лерон? – услышал я себя, содрогнувшись вновь, но уже от своего замогильного хрипа.

– Конечно, Лерон. Здесь твой дом, здесь ты провел свое детство, – просипела женщина с прелестным молочно-белым лицом.

– У меня есть все основания сомневаться в твоих словах. Я не только ничего не помню обо всех вас, об отце, а знаю наверняка, что детство мое прошло не здесь, – прогремел я в ответ.

– Лорель! Равол! Ну что же вы медлите! Ведите скорей ко мне моего драгоценного Лерона, моего вновь обретенного сына! – разорвал пространство голос из преисподней.

И мы пошли. Странно, что у всех здесь такие мрачные и мощные голоса. Мне на ум пришла мысль, что все они могли бы сделать на Земле хорошую карьеру, потому что по сравнению с их голосами, грозное рычание вокалиста любой грайнд-коровой группы казалось шепотом.

Я был раскован и совсем не волновался, хотя все было похоже на то, что я попал в западню. Но каким-то неизвестным мне чувством я ощущал, что поводов для беспокойства нет, и поэтому, не опасаясь какой-нибудь выходки со стороны Живущих-В-Тумане, я шел за ними по прозрачным кирпичам мостовой и смотрел на разверзшуюся под ногами серую бездну. Точнее даже не шел, а скользил по воздуху сантиметра на два выше мощеной дороги, сжимая при этом в правой руке меч.

МЕЧ?!!!

Я поднес клинок ближе к лицу, чувствуя, как он разрезает пелену тумана. Схайорел. Основу меча составлял туман, но, тем не менее, это был Схайорел. Но как он мог оказаться со мной здесь, если я был туманом, если моя одежда осталась в Подлунном Море, если из призрачной ноги выпало стекло? Почему не выпал меч из призрачной руки? Вопросы, вопросы, на каждом шагу вопросы. Как мне надоели они, как я хотел, чтобы скорее закончилось это блуждание на ощупь, блуждание в потемках событий! Надо было тогда просто уйти с Земли в другие Измерения, а не торговаться с Всадниками, тогда бы не попал я в эту историю, которая уже меня конкретно достала.

Как в своем сне я видел в кромешной темноте, так и сейчас я все четко различал сквозь туманную завесу. Сон, странный и загадочный, страшный и непонятный, заставил выйти меня на улицы Тровера после недель добровольного заточения в борделе Семилианны. Это сон вновь швырнул меня в водоворот событий. Сон, ужасный, пугающий... К черту! Если постоянно думать, то высохнут мозги. В них и так уже полно тумана. Я расхохотался, а братья и сестры смотрели на меня черными дырами глаз и их лица цвета слоновой кости выражали недоумение. А я зашелся и уже не мог остановиться. Это же надо, тумана в мозгах полно! Да они сейчас и являются чистейшим туманом!

Когда я успокоился, и мы отправились дальше, то я постарался не морочить себе голову бесплодными поисками ответов на многочисленные загадки, роившиеся в ней. Мы приближались к самому величественному дворцу в этом небесном городе. Он взметнулся так высоко, что подпер луну самой далекой звезды, он был так огромен и строг, что не участвовал в хаотичном передвижении вместе с другими дворцами, а стационарно стоял посреди гигантской площади. Серебро луны покрывало его стены, витражи из цветного тумана украшали окна и двери, а некоторые башни уходили в глубины Вселенной, то закручиваясь спиралью, то изгибаясь зигзагом, то устремляясь стрелой. Мы вошли в сияющие ослепительным светом ворота и, петляя в лабиринтах коридоров и лестниц, двигались к сердцу дворца, к сердцу Страны Миллиона Мелких Капель.

И вот я в Тронном Зале стою перед тем, кто называет себя моим отцом. Простое лицо, бледное и до боли знакомое. Благородные черты, гордо вздернутый подбородок, прямой взгляд, голубоватые длинные волосы. Но больше всего поразили меня его глаза. Это была не зияющая пустота, казавшаяся родственницей самого Ничто, как у моих спутников, а карие человеческие глаза. Высокий, довольно-таки крепко сбитый. И везде пурпур: на стенах, потолке, полу, на одежде этого существа.

– Лерон! Мальчик мой, ты вернулся! – словно колокола зазвонили в зале.

Он подошел ко мне, раскинув руки, и, счастливо улыбаясь, сильно обнял меня. По-отцовски. И сразу в голову ворвались воспоминания. Они летели и летели, а я думал, что голова моя не выдержит такой стремительной информационной атаки и взорвется, и мне было жутко, так как я позабыл, что в этом не будет ничего страшного, ведь она была из тумана.

Когда все это закончилось, то в башке у меня было два вполне отчетливых и реалистичных варианта моего детства, и каждый изобилдовал такими мелкими деталями и подробностями, что мне стало плохо. Я не знал, где истина, а где ложь. Как отличить правдивые, подлинные воспоминания от специально кем-то вызванных, мнимых?

– Отец!!! Я заклинаю тебя, объясни мне, что все это значит!!! – закричал я, и задрожали стены дворца, и упали на колени Лорель, Равол и все остальные.

Только отец продолжал стоять напротив меня. Ни одна капля тумана не дернулась у него на лице. Оно было, словно белый камень, твердым и чистым. Когда стихло эхо, он сделал жест рукой, и мои братья и сестры покинули нас. И тогда он начал свой рассказ.

– Твоя мать и ее сестры всех своих детей, как только они рождались, бросали в Источник Силы. Так было до меня, так было при мне, так было после меня. Некоторые младенцы погибали, не справившись с потоками омывающей их тела Мощи, некоторые выживали, и становились величайшими из всех существ, населяющих Вселенную. Их звали Дети Силы, они обладали огромными познаниями во всех сферах бытия. Но одни бахвалились своим могуществом перед простыми смертными, выступая в Мирах в роли богов, создавая целые пантеоны, а другие...

– Зачем рассказывать все то, что мне и так известно, отец? – перебил я, но он не обращал на меня внимания и продолжал говорить.

– ... а другие использовали Силу с умом, не вмешиваясь в дела населяющих Измерения существ, предоставив тем самым им право самим вершить свою историю. Они пытались переубедить и своих братьев и сестер, жаждущих, чтобы поклонялись им люди, и некоторые сворачивали с недостойного пути. Но были и такие, что продолжали вести себя, как боги. И началась тогда война между братьями и сестрами, и те из них, кто претендовал на трон в поднебесье того или иного Мира, стали зваться Коргами, а другие, поборники справедливости, стали зваться Скайрами.

Случилось все это в то время, когда твои единокровные сестра Лорель и братья Равол и Арда уже обладали Силой, когда определились они, кто останется со мной, а кто с матерью, ибо Королева Тьмы поддерживала тех своих детей, которые звались Коргами, а я пошел за Скайрами. Лорель и Равол остались со мной, а Арду я проклял, так как примкнул он к матери. Королева Тьмы была тяжела тобой и Норелем, и, когда вы появились на свет, то сразу оказались в Источнике Силы, и пропал тогда Норель в его глубинах, а ты выплыл целым и невредимым, приобретя Силу. А Измерения десятками исчезали из Вселенной, а Миры сливались и разбивались на осколки, и Вселенная чуть было не умерла. И вовремя прекратили сражаться Корги и Скайры. Разделили они Измерения на Темные, в которых правили Корги, и Светлые, в которых жили Скайры, и выбрали они стражей, и поныне следящих, чтобы не переносились Корги в Светлые Измерения, а Скайры – в Темные, поддерживающих порядок в Мирах, и называли их Всадниками Судьбы. И уединилась твоя мать в Черном Дворце, позабыв о ребенке, вынашивая лишь планы мести отступившимся от нее детям. И забрал я тебя в Страну Миллиона Мелких Капель, которая была, есть и будет Всегда и Везде, и воспитал тебя как истинного сына Великого Отца. Но украла тебя через несколько веков Королева Тьмы и выжгла твою память черным огнем своей злобы, подарив новые воспоминания. "Чего она добивалась этим?" – спросишь меня ты. "Не знаю", – отвечу я, ибо всегда были сокрыты от меня ее помыслы, темные и непонятные. Верить мне или нет – решать тебе, но знай, сын, что поведал я чистую правду.

Я поверил ему. Не знаю почему, но поверил. Конечно, нелегко было осознавать, что все то, что я знал о своем детстве на протяжении столетий, мнимо, но я смирился с этим. Но с какого момента начинались подлинные воспоминания, как определить ту границу, которая разделяет в моей памяти ложь и истину? Я спросил об этом у отца, но он только пожал плечами, я поинтересовался об этом у Лорели и Равола, но они тоже не дали мне ответа. Я сам должен был понять это, в строгом хронологическом порядке, шаг за шагом перебирая в мозгу оба своих детства. Поэтому я позабыл о времени и целыми сутками витал среди огромных и завораживающих своей красотой дворцов, не обращая ни на кого и ни на что внимания, а все думал и думал. Порой мне казалось, что вот она — грань, разделяющая воспоминания, вызванные матерью, и реально происходившие давным-давно события, но всплывали в сознании новые подробности, и я начинал сначала. Я сравнивал детство, проведенное в Стране Миллиона Мелких Капель, и детство, якобы проходившее в Черном Дворце, пытаюсь добраться до того места, где сливались и то, и другое, и дальше все текло, как одна река, но у меня ничего не получалось. Мои вновь обретенные сестра и брат, родные и по отцу, и по матери, всячески старались помочь мне, но ни их ментальные силы, ни моя не могли справиться с этой задачей. В душе у меня все переворачивалось от осознания безысходности. В который раз после договора с Всадниками Судьбы я испытывал такое горькое отчаяние? В пятый? А может быть в десятый? Или оно было внутри меня постоянно на протяжении этих четырех месяцев? Или веков? Нет, были и радость встречи с Винсентом, и пьянящая подготовка к войне, и восторг побед, когда мне тоже казалось, что уже нет выхода. Так может и сейчас не все потеряно? Так может это очередная темная полоса моей жизни, за которой последует светлая? Да, так оно и будет, решил я и, наверное, в сотый раз плюнул на вопросы и загадки, мучавшие меня, отложив поиски ответов на потом.

Я пробыл в небесном городе около двух недель, одну из которых я потратил на бесцельные блуждания в дебрях собственной памяти, а другую — на общение с отцом, братом, сестрой и многими другими Живущими-В-Тумане. Я узнал, что тогда в степи со мной разговаривал Равол, и что его злорадный смех предназначался не мне, а приближающимся гвардейцам Скворта. Он признался, что был сильно удивлен, когда мне удалось вырваться из-под его контроля.

— Но почему тогда я не потерял одежду, как в этот раз? — спросил я как-то Равола.

Он, высокий, со щеками-смерчами тумана, с темными впадинами глазниц, с плывущими по телу разноцветными потоками водяных паров, улыбнулся тоннелем рта и ответил:

— Тогда ты подвергся насилию с моей стороны, в этот же раз ты добровольно пошел за нами.

— А как же мой меч?

— Я не знаю, Лерон, — прорычал Равол, продолжая улыбаться, обнажив ледяные кристаллы зубов.

Я думал, а было бы лучше, если бы я тогда подчинился воле брата и оказался в стране Живущих-В-Тумане? Тогда бы я не встретил Винса, но не полегло бы столько народа в войне, затеянной ним и мной против Бермандии. "Силу черпают в обмане". Неужели мать специально настраивала меня против отца? Впрочем, это вполне логично, если она украла меня и стерла все воспоминания о нем.

Я много разговаривал с Лорелью, постоянно дивясь ее красе. Я не понимал, как можно было с помощью такого непрочного материала, как туман, создать такое прекрасное лицо, правильные черты которого поражали своим совершенством. Единственное, что портило его — это черные дыры вместо глаз. Здесь не было зеркал, поэтому я не мог узнать, как выгляжу сам, но я не удивился, если увидел бы, что и у меня там провалы, черные и абсолютные.

— Почему нельзя менять свой облик, сестра? Ведь туман легок и податлив, а наши ментальные силы велики! — задал я женщине, белой, как молоко, вопрос.

– Потому что не нами этот облик заложен, а Великим Отцом Туманом и Королевой Тьмы, нашей матерью, — вырвался из ее кипящих уст ужасный хрип.

Ну что за голос у такой женщины! Просто обидно!

– А мой меч, почему он изменился и оказался здесь?

– Я не знаю, Лерон.

И все. Словно громынула стальная дверь, ударяясь о стальной косяк.

– Отец, расскажи мне о грядущей Великой Битве, — поинтересовался как-то я, когда мы с ним стояли на балконе его дворца и смотрели, как тлеет золото и фосфоресцирует изумруд звезд, по-хозяйски расположившихся на шпилях соседних зданий.

– Она состоится очень скоро, и в результате будет разрушен Подлунный Мир и прилегающие к нему Измерения. Все, кто будут находиться в это время в этих Мирах, умрут, но уцелеет моя страна, протянувшаяся через ткань Мироздания над этими Мирами и над неисчислимым количеством других Миров. Поэтому собираю я своих детей под свое крыло, дабы остались они все живы, — сказал отец в своей традиционной манере.

Меня раздражало, что он постоянно говорит возвышенно, но это был мой отец, и я не показывал того, что меня злит его величественный слог.

– А между кем будет сражение?

– Всплывает на поверхность древняя вражда между Коргами и Скайрами. Корги хотят расширить свои владения, они не смирились, они жаждут владеть всей Вселенной. Книги, которые уже рассыпались в прах, но которые я читал, когда они были только написаны, рассказали мне, что именно в Подлунном Мире произойдет первая после перемирия битва между Коргами и Скайрами.

– А кто автор этих книг? И не говорилось ли в них об исходе этой битвы? Какие-нибудь конкретные имена были на их страницах? Примут ли в ней участие Живущие-В-Тумане? — засыпал я отца атомными бомбами вопросов.

Он улыбнулся, и полились, как горная река, ответы:

– Автор их мне неизвестен, ибо никто во Вселенной не знает его. Он действительно говорит об окончании этого сражения, сообщая, что победу одержит сильнейший. Возможно, что это могли бы быть Скайры, если бы я и мои дети помогли им, но может наша помощь ничего бы им и не дала. Но это пустой разговор, ибо много передумал я за века и решил, что не будут в Великой Битве участвовать Живущие-В-Тумане.

– Но почему? Ведь ты же раньше был за Скайров? — спросил его я.

– Я уже стар, и мудрость преполняет меня. Много погибнет моих детей в этой битве, и не хочу я видеть это, ибо все вы мне очень дороги.

– Ну, а если кто-то захочет принять ту или иную сторону?

– Это их право, и я не буду препятствовать этим безумцам, хотя и почувствую печаль. Но я знаю, что не будет среди Живущих-В-Тумане таких глупцов.

– А имена, отец? Были ли в книгах имена? — не мог я никак успокоиться.

– Были там лишь намеки, неясные, туманные, как этот край. Хотя нет, постой! Было что-то там насчет ужасного оборотня, выходца из болот, возвысившегося над всеми остальными болотными тварями благодаря дарованной ему Коргами способности менять облик, воспользовавшегося этим даром для превращения в короля одного из государств Подлунного Мира и давшего толчок к Великой Битве своей жестокостью и мстительностью.

Мне стало плохо. Давно было пора самому догадаться, что вовсе не Скворт преследует меня, а чудовище, принявшее его обличье! Ведь этот вывод напрашивался сам собой из всех тех разрозненных сведений, которые я собрал о Скворте. Морроу говорил, что король лечился на болотах, погружаясь в жижу по самую шею, а однажды вернулся в замок злым, хотя никто никогда не видел раньше Скворта рассерженным. Толсон тоже акцентировал свое внимание на том, что Скворт стал непохожим на самого себя, позабыл о таланте сына такие вещи, которые

не забываются. Да и сам я не раз ломал себе голову, что же произошло с королем, ни с того, ни с сего изменившим свое отношение ко мне. А ответ был прост — это не Скворт, это его копия! Теперь все стало на свои места. Эта тварь страстно, до фанатизма, желала отомстить мне, герцогу Чистой Земли, уничтожившему почти всех его собратьев. Она из кожи вон лезла, чтобы увидеть, как я умру. Да, она боялась меня вначале, потому что не забыла о моем могуществе, с помощью которого я тогда одержал победу над монстрами, но потом, поняв, что я не обладаю Силой, стала действовать более решительно. И она не вступала в союз с болотными тварями, они составляли ее настоящую, истинную армию. Стражники, сопровождавшие тогда Скворта на болота, наверняка тоже были подменены. Я благодарил Судьбу за то, что в тот день Морроу, мой верный друг, нес караул в замке. И тут я вспомнил, что мои друзья по-прежнему находятся в Тровере и томятся под землей. Добрался ли Винсент в Аркол? Какую роль во всем этом играет Курт Ирвинг? Чтобы помочь товарищам и ответить на эти вопросы я должен вернуться в Подлунный Мир и сражаться. Сейчас я обладал ментальной мощью, поэтому мог надеяться на успех. Я буду драться с Коргами хотя бы из-за того, что они, дав Лжескворту дар оборотня, заставили меня убегать, испытывать всевозможные унижения. Я стану на сторону Скайров, потому что хочу отомстить болотному монстру, а он — и их враг. И мне плевать, что я буду сражаться против тех, с кем прошло мое детство, мнимое или даже подлинное, против тех, кто воспитывал или якобы воспитывал меня. Плевать! Обидчик должен быть наказан!

В тот же день, ни с кем не попрощавшись, я покинул Страну Миллиона Мелких Капель.

Глава XI. Вновь продолжается бой

Вентиляционное отверстие привело меня в комнату Толсона. Вытекая через отдушину, я перестал бороться с морозом, чуть не превратившим меня в лед, и увидел, что коротышка не спит, хоть уже и перевалило за полночь. Сидя в огромном кресле, он читал. Увесистый фолиант лежал у него на коленях, а Толсон, прищулив свои и без того маленькие глазки, внимательно изучал его содержание. Жарко пылал камин, отбрасывая на покрытые коврами стены желтые и красные блики, языки пламени весело плясали в его пасти. Я начал материализовываться, и, когда почувствовал, что туман в корне изменяет свою структуру, тихо опустил ноги на пол. Обрести плоть и кровь было не очень трудно, но и не очень приятно было почувствовать себя в своем старом теле, неповоротливом по сравнению с вновь обретенным. Одно меня радовало — по моим жилам текла горячая кровь, а не холодная вода. Я слышал, как бьется сердце, разгоняя по телу кровь, как струится она по артериям и венам.

– Привет, Толсон, — сказал я. Мне показалось, что я сделал это шепотом.

Однако когда я уже хотел поздороваться с парнем погромче, Толсон оторвал взгляд от страницы и посмотрел на меня.

– Мэтлок! — он вскочил, кинулся ко мне, но на полпути остановился и начал переминаясь с ноги на ногу.

– Что такое, малыш? Что-то не так? — черт, как трудно воспринимать нормальную речь после полумесяца рычания, хрипа и сипения!

– Да нет, все в порядке, — промямлил Толсон, стараясь не смотреть на меня, и пряча глаза в пол.

Я понял, в чем дело, и, сняв с его кровати шелковое покрывало, замотался в него. В Стране Миллиона Мелких Капель я совершенно не думал об одежде: она, как и все там, была из тумана, и возникала на теле сама, меняясь при перемене настроения, поэтому нет ничего удивительного в том, что, вернувшись в Подлунный Мир, я не понял сразу, что я совершенно голый.

– Мэтлок, где ты пропадал? Мы тут все за тебя сильно переживали, — сообщил мне Толсон, когда я плюхнулся на кровать, чувствуя, как стальные пружины впиваются в спину.

Да, тяжело будет отвыкать от тела-призрака, легкого как пух.

– Потом расскажу, дружище. Лучше объясни, что ты имел ввиду, когда сказал мне, что теперь у тебя нет отца? — спросил я коротышку, прочищая мизинцем ухо, тщетно надеясь, что буду после этого лучше слышать.

– А что, по-твоему, имеют в виду люди, когда говорят, что кого-то уже нет? Конечно, только то, что этот кто-то мертв, — ответил сын Скворта, явно недовольный тем, что я вернулся к этой больной для него теме.

Так и есть. Дурак, а раньше меня догадался. А я, кретин, если бы не мой отец Туман, наверное, до сих пор ломал бы себе голову над вопросом, почему я стал врагом Скворта. Отметив про себя, что впредь следует стараться буквально воспринимать слова Толсона, а не так, как я воспринимал их до этого, я продолжил наш разговор:

– Ты в этом уверен, Толсон? Может, ты ошибаешься?

– Папа никогда не вступил бы в союз с теми уродами. Я его очень хорошо знаю, он не пошел бы на это, что бы ему не предлагали, — с наворачивающимися на глаза слезами пробубнил он себе под нос.

– Ну?

– Они убили его, а потом заменили кем-то очень похожим, но злым.

– Толсон, ты сам об этом догадался? Почему ты раньше не говорил мне обо всем этом?! — заорал я, чувствуя, что слух мой уже почти полностью адаптировался к Подлунному Миру.

— Не кричи. Я говорил тебе, что отца больше нет, но ты не стал меня слушать. А догадался я в ту ночь, когда болотные твари напали на армию Винсента, — надув губы и, смахнув рукавом слезы, сказал Толсон.

Ладно, после драки кулаками не машут. Сам виноват, что, не поинтересовался тогда, что парень имеет ввиду. Да и что изменилось бы, узнай я эту страшную правду раньше на несколько недель?! Ничего, ведь в то время мы были уже затворниками в этой комфортабельной подземной тюрьме. Эти мысли заставили меня вспомнить о Курте, который чуть не поймал меня. Неужели он тоже оборотень? Или, действительно, бывший цирковой артист? Если артист, то зачем он понадобился Лжескворту? Интересно, в городе Ирвинг, или уже нет?

— Толсон, ты случайно не знаешь, что сейчас происходит в Тровере? По-прежнему патрули? — спросил я.

— Я ничего не знаю, ведь Семилианна ничего нам не рассказывает. Спроси-ка об этом лучше ее, Мэтлок, чем меня.

Кивнув Толсону, я поднялся с кровати, как мне казалось, усеянной камнями и утыканной гвоздями, и вышел из комнаты, заметив, как коротышка потянулся за потрепанной старинной книгой. "Сказания Подлунного Мира" — было золотыми буквами выдавлено у нее на обложке.

Моя комната была чисто прибрана. Ни одной складочки на покрывале, ни одной лежащей где попало вещи, ни одной пылинки на полированной поверхности стола. Семилианна поддерживала здесь идеальный порядок, не теряя надежды на мое возвращение. Бедная девушка! Она не находила себе места, когда у меня началась меланхолия, она страдала вместе со мной, когда я был в отчаянии, она сильно переживала, когда я запил, а я не обращал на это внимания. Я не мог тогда признаться себе, что боюсь сочувствия и жалости, исходящих от нее, мне было страшно, что кто-то, пусть даже женщина, которая меня любит, видит мою беспомощность и пытается утешить. Глупец! Я кричал на нее, один раз я чуть не ударил ее, а ведь ей тоже было нелегко в те дни.

Семилианны не было. Конечно, можно было зайти к Гору или Морроу, и, если их подруги были с ними, сказать девкам, чтобы они поднялись на первый этаж и позвали Семилианну. Но я отказался от этой мысли, решив, что отдых в виде сна мне сейчас не помешает. Положив меч под кровать и сорвав с нее покрывало, я нырнул под тяжелое теплое одеяло.

Утром, после того как Семилианна разбудила меня радостным возгласом, и мы с ней насладились друг другом после долгой разлуки, после того, как все обитатели подземного этажа собрались в комнате, служившей нам столовой, и мы вкусно позавтракали, я рассказал им, кем на самом деле является король Бермандии. Меня засыпали вопросами о том, откуда у меня такие сведения, где я пропадал, как мне удалось проникнуть в бордель, если дверца была закрыта, и многими другими. Я врал им, как только умел, не желая выдавать тайну своего происхождения. Потом настал мой черед спрашивать, и я узнал, что Тровер по-прежнему кишит патрулями, но людей у врагов не хватает, поэтому по улицам в основном шастают болотные твари. Население города запугано, и боится выходить из своих домов, опасаясь уродов Скворта. О Курте — ничего, от Винсента — никаких известий.

Мы сидели за большим столом, и каждый думал о чем-то своем. Поэкспериментировать, что ли, ради интереса? Я распахнул сознание и мысленно потянулся к Гору: "Слава богу, что Мэтлок жив. Теперь хоть какая-то надежда есть. Если бы быть уверенным, что и отец успешно добрался до Аркола, то можно было бы напасть на вражеский гарнизон, расположенный в Тровере." Так, теперь Морроу: "Я привык сражаться, так что если потребуется, то я опять пойду за Мэтлоком. А что мне терять?". А о чем думает малыш Толсон? "Попросить добавки или нет? Очень хочется еще пожевать чего-нибудь". Семилианна: "Если Мэтлок решит очистить город от приспешников Скворта, то я буду сражаться рядом с ним, и мне плевать на то, что я не умею обращаться с мечом. Я хочу всегда быть рядом со своим Мэтлоком". Слезы покатались по моим щекам. Кто я для них? Почему они готовы пойти за мной, отдать за меня жизнь? Я

опустил голову, стесняясь того, что плачу, но потом, решив, что поступаю неправильно, поднял ее и, глядя на своих друзей затуманенными от слез глазами, встал из-за стола. Я подходил к каждому из них и обнимал. Я говорил, как признателен им за то, что они рядом со мной, а они сидели и не понимали, что на меня нашло.

На следующий день я попросил Семилианну, чтобы она достала мне карту города. Когда эта карта оказалась у меня на столе, то сразу закипела работа. Я вымерял длины улиц, расстояния между домами, стараясь одновременно запомнить расположение зданий, узких переулков, скрытых подворотен. В это время по распоряжению Семилианны проститутки рассказывали клиентам о том, что Скворт — оборотень, преподнося это в виде жутких слухов, якобы уже блуждающих по Троверу. Вскоре по городу действительно поползли такие слухи. А я уже держал военные советы с Гором и Морроу, разрабатывая планы вылазок. Нас было мало, и Семилианна свела меня со своими телохранителями, Диком и Генри. У каждого из них был свой отряд человек в пятьдесят. Теперь над картой мы корпели впятером — я, Гор Йовирк, Морроу, Дик и Генри. Иногда к нам присоединялась Семилианна, рассказывая о только ей известных потайных лазах и ходах. Мы всю готовились к партизанской войне против вражеских отрядов, находящихся в Тровере. А недовольные жители уже объединялись в разрозненные банды и убивали чудовищ, подкарауливая их в темных углах и на тихих улочках. Дик и Генри посылали в банды своих людей, которые рассказывали горожанам, где лучше нанести следующий удар. Банды объединялись в отряды, руководимые нами из подполья. Несколько раз я сам принимал участие в дерзких вылазках, надеясь захватить в плен Курта Ирвинга, но он как сквозь землю провалился. В рядах врагов началась паника. Резко сократилось число патрулей, да и патрулируемые ими районы уже располагались только неподалеку от казарм.

Однажды, когда я вместе с Гором разрабатывал очередную операцию, а Морроу был на задании, в комнату вбежала испуганная Семилианна. Она вся дрожала от страха и судорожно прижимала к груди кулачки.

— Мэтлок! Там... там ка... какой-то человек требует, чтобы его про... пропустили к тебе. Он ска... сказал, что знает, что ты пря... прячешься на по... подземном этаже, — заикаясь, сказала она, широко раскрыв глаза.

— Успокойся, дорогая. Как он выглядит? — спросил я, вынимая из ножен, лежащих возле стола, Схайорел.

— За... заросший, в ка... каком-то рванье. О... от него еще сильно во... воняет дымом. Дик хо... хотел его убить, но он ска... сказал, что не со... собирается сда... сдаваться без боя, а ты же знаешь, Мэтлок, что на звон ме... мечей сбегутся воины Скворта.

— Пусть спустится сюда, произнес я, указывая Гору на нишу в стене, где он мог бы спрятаться, а после прийти мне на помощь. — Дику скажешь, чтоб тоже был готов в случае чего.

Все еще продолжая трястись от страха, девушка кивнула, и вышла, прикрыв дверь. Я сидел в кресле и ждал гостя, сжимая рукоять меча. Послышался звук приближающихся шагов. Растворилась дверь, и в комнату ввалился здоровенный детина, лицо которого было покрыто густой щетиной, а мускулистое тело было едва прикрыто изодранной в клочья меховой одеждой.

— Вы, что ли, герцог Мэтлок? — спросил он, недоверчиво смотря на меня из-под нахмуренных густых бровей.

— Допустим, что я.

Он двинулся ко мне, грозно держась за эфес своего меча, вложенного в телепающиеся на широком поясе ножны. Я привстал. Сильный запах гари ударил мне в ноздри. Гигант приближался, криво ухмыляясь и продолжая сжимать в руке меч. Ногой я отбросил в сторону кресло и принял боевую стойку. Великан захохотал и начал медленно вытаскивать из ножен зазубренный клинок. Пора, решил я, и сделал выпад, целя незваному гостю в сердце. Когда острое моего меча коснулось его кожи, я услышал звон, и с ужасом увидел, как Схайорел упал

на пол. Я отпрыгнул назад, а этот парень стоял шагах в двух от меня, полностью обнажив клинок. Рядом с ним стоял Гор и улыбался. В комнату влетел Дик, и как раз в этот момент гигант бросил свое оружие себе под ноги, и оно упало, громко звякнув.

– Познакомься, Мэтлок. Это лорд Носсир, друг и боевой соратник моего отца, — разрезал тишину радостный голос Гора.

– Я принес весточку от Винсента, а вы чуть не изрубили меня в капусту. Спасибо, Гор, что спас меня от смерти. Это было бы забавно, проделать такой путь и умереть у самой цели.

Гор пожал плечами и вложил свой меч, которым он отразил мой удар, в ножны. Дик опустил занесенный клинок и, в сердцах сплюнув на пол, сказал:

– Лорд, почему Вы сразу не сказали, что Вас послал Винсент?

– А что бы это изменило? — поставил его в тупик Носсир.

У меня мелькнула мысль, что Лжескворт мог подослать ко мне убийцу, принявшего облик Носсира. Ментальное поле моего мозга накрыло его сознание. "Все равно бы мне никто не поверил, а начали бы проверять. Винс теперь передо мной в большом долгу, ведь это он послал меня в самое логово врага, и я рисковал своей жизнью только ради того, чтобы сообщить этому Мэтлоку, что армии Аркола вступили в Бермандию". Прочитав мысли лорда, и удостоверившись в том, что он действительно посланник Винсента, я шагнул вперед и пожал ему руку. Моя ладошка утонула в его громадной ладони, и я приветствовал Носсира:

– Добро пожаловать, лорд Носсир. Мы вам очень рады.

Когда лорд помылся, переоделся и поел, то поведал всем о том, что я уже знал. Винсент жив, набрал новое войско и напал на Бермандию. Сейчас он ведет бои с отрядами противника в нескольких днях пути от Тровера, причем ведет успешно. Желая побыстрее сообщить нам, что помощь близка, он послал к нам Носсира, преодолевшего все преграды и доставившего нам эту радостную новость. Больше всех радовался Гор. Его отец не погиб, а успешно добрался до своего королевства и вновь повел войска на Бермандию! Я видел, как парень гордится своим отцом, и позже, когда все ушли спать, а мы остались в столовой пропустить по кружке вина, сказал ему, что Винс – действительно настоящий герой. Мы потягивали красную и густую, как кровь, жидкость, а Гор рассказывал мне, как Носсир учил его в детстве драться на мечах, стрелять из лука, метать копьё. Я узнал, что когда я находился в Арколе, лорда Носсира в стране не было. Он путешествовал по Подлунному Миру со своей сестрой Нилой. Затем Гор опять начал вспоминать свое детство, а я сидел и думал о том, что у меня их было два – одно настоящее, другое мнимое, и о том, где же они все-таки пересекаются, где же сливаются эти две реки.

Вечером следующего дня мы уже в открытую, не скрываясь и не прячась, напали на гарнизон, расположенный в Тровере. Битва была недолгой, так как весь город ополчился против болотных монстров и людей, верных королю-оборотню. Я лично внимательно осмотрел каждого поверженного, но Курта Ирвинга среди мертвых не обнаружил. Мне необходим был этот человек, или кто он там на самом деле, чтобы выяснить некоторые детали этой довольно-таки подзатянувшейся истории. И еще я хотел отомстить за Луизу, за ее отца, за своих казненных слуг. Вообще-то я уже не чувствовал той злости по отношению к Курту, которую испытывал непосредственно после рассказа Луизы о его звериной жестокости – время сглаживает все. Но оно не может сделать так, чтобы я совсем позабыл о тех унижениях, которым ежедневно подвергалась несчастная девушка, и поэтому Ирвинг еще ответит за свои поступки. Месть, возведенная в принцип, ставшая самоцелью, – вот что двигало мной, вот о чем я только и думал теперь.

Мы не остановились на достигнутом. Солнечным морозным утром ворота Тровера распахнулись, и в заснеженную степь высыпалось наше немногочисленное разношерстное войско. Впереди, на гигантском белом коне, конфискованном мною в конюшне мэра города, облаченный в собольи меха, ехал я. Морроу, Гор и Носсир мчались чуть позади, возглавляя отряд

всадников, состоящий из добровольцев-горожан. Замыкали же кавалькаду Дик и Генри, ведя за собой своих воинов. Снег ослепительно блестел на солнце, сверкал яркими искрами света. Мой конь, пробивая огромными копытами наст, летел навстречу ветру, мощной грудью разрывая колючие потоки воздуха. Зима была в самом разгаре, и холод проникал даже под теплую шубу, заставляя меня стучать зубами. Мороз кусал лицо, сжимал своими клещами легкие, но я продолжал всаживать в бока скакуна шпоры и неслись на восток, туда, где Винсент сражался с армией Лжескворта.

Семилианна и Толсон остались в городе. Они, конечно, порывались принять участие в походе, но я был категорически против и настоял на том, чтобы они ждали нашего возвращения в Тровере. Я спешил на помощь Винсенту, желая скорее вступить в бой. Клубы пара валили из ноздрей коней, их громкое фыркание в сухом зимнем воздухе летело над равниной, далеко обгоняя отряд. Скрипел под копытами снег, ветер щипал ноздри, но мне уже не было холодно – бешеная скачка и предчувствие битвы согревали меня. А белая степь уходила из-под ног вспотевших скакунов, их горячее дыхание жгло мне спину. Солнце уже клонилось к западу, а мы все мчались и мчались, неслись прочь от заходящего светила.

На ночь мы расположились под открытым небом. Вытерев коня, накормив и напоив его, я поужинал сам и стал готовиться ко сну. Расстелив у костра несколько меховых плащей, я лег, поплотнее завернулся в них и закрыл глаза. Распространив свое ментальное поле на весь наш небольшой лагерь, отдавая часть своей энергии воздуху и очищенной от снега земле, я заставил их чуть-чуть нагреться, сгладив таким образом усилившийся к ночи мороз. Как только взойшло солнце, мы, продрогшие до мозга костей, оседлали коней и вновь помчались сломя голову на восток. Местность из равнинной постепенно превращалась в холмистую. Сначала нам попадались одинокие маленькие пригорки в белых снежных шапках, потом они становились все больше и больше, сбивались в группы и, наконец, перед нами выросла целая гряда холмов. Скорость наша из-за этого резко снизилась, но до наступления темноты мы все равно добрались к месту сражения.

В долине, растянувшейся между холмов, шла битва. Дым от сотен факелов; красное на белом; снег, перемешанный с грязью; знамена, выющиеся на ветру; люди, кричащие от ярости и боли; монстры, словно светящиеся зеленые пятна; ржание коней; вопли умирающих; грохот, лязг и звон оружия. Мы врзались во фланг врагу и наши мечи, на которых плясали красные блики от факелов, смердящих и коптящих, поднимались и опускались, чтобы через мгновение вновь обрушиться на врага. Вокруг нас было так много болотных тварей, что, когда коню Морроу оторвали голову, воин продолжал раздавать удары налево и направо, оставаясь в седле на непадающем из-за тесноты труп скакуна. Иногда я видел в толпе людей в мундирах королевских гвардейцев, и тогда я прорубал себе дорогу к этим мерзавцам, предавшим свой народ, и они умирали от моего меча. Когда первый солнечный луч пробил своим острием черную дымовую завесу и упал на истерзанную стонущую землю, битва еще не окончилась. Я едва держался на коне, рука, сжимающая меч, онемела, голова раскалывалась от зловещего воя ужасных уродов из Южных болот. Солнце осветило долину, и я увидел, что впереди, гарцуя на красивом вороном коне, дерется Курт. Я рванулся туда, рубя чудовищ, ряды которых уже сильно поределели. Мой не меньше меня уставший конь топтал большими копытами этих тварей, сбивал их мускулистой грудью, дико вращая яблоками глаз.

– Курт! Я вызываю тебя! – перекрикивая шум сражения, прокричал я. – Я, Мэтлок, герцог Чистой Земли, вызываю тебя на смертный бой!

– Я готов сразиться с тобой, Мэтлок, – прокричал он в ответ, и монстры расступились передо мной.

Страшный удар его меча пришелся мне по плечу возле шеи, так как я вовремя наклонил голову. Меня спасла добротнo сработанная кольчуга, спрятанная под шубой. Разноцветные круги перед глазами, дикая боль. Мой конь подался назад, тем самым я выиграл несколько

мгновений необходимых мне для того, чтобы прийти в себя. Я нырнул под вновь занесенный над моей головой меч и набалдашником рукояти Схайорела врезал Курту по почке. На доли секунды он согнулся от боли, но когда я обрушил клинок на его голову, он быстро отразил мой удар. Мы кружились в смертельном танце битвы, а наши мечи пели песнь тому, кто одержит верх. Им оказался я. Выбрав удачный момент, я схватил меч двумя руками, и, вложив в удар все оставшиеся у меня силы, плашмя врезал Курту по уху. Гремя доспехами, он рухнул на землю. Когда через пару минут монстры, набросившиеся на меня, были изрублены мной и моими товарищами, я подъехал к Ирвингу и спрыгнул с коня. Фаворит Лжескворта все еще был без сознания. Связав его и перекинув через луку своего седла, я снова ринулся в бой.

К полудню враг дрогнул и побежал. Мы не преследовали его, так как изнурительный марафон битвы вымотал нас до предела. Когда я, совершенно обессиленный, увидел бешено скачущего к нам Винса, то улыбнулся и оглянулся назад. Удивительно, но примерно половина моего отряда уцелела! Гор, Морроу, Носсир, Дик, Генри и другие воины воодушевленно вопили:

– Победа! Победа! Слава королю Аркола Винсенту! Слава герцогу Мэтлоку!

Позже, когда позади остались крепкие дружеские объятия, слова приветствия и слезы радости, по дороге к лагерю аркольцев, расположенному в двух часах медленной езды, Винсент рассказал нам свою историю. Умело прячась от патрулей в нишах, переулках и подворотнях, незамеченным он выбрался из Тровера, потеряв, правда, при этом последние не седые волосы. Только сейчас я понял, что поступил глупо, последовав примеру Винса. Ведь если бы его схватили тогда, то гвардейцы начали бы проверять каждую женщину, вышедшую на улицы города, и юбка Семилианны не спасла бы меня. Ну да ладно, все обошлось и у Винса, и у меня.

– Без особых приключений я прибыл в Аркол, где собрал из остававшихся там резервных полков, наемников и крестьян новое войско и двинулся на Бермандию. Здесь я успешно вел против Скворта боевые действия, пробиваясь к Троверу, чтобы вызволить вас. Но как вижу, вы и сами смогли освободиться, да еще и мне помогли, – закончил свой короткий рассказ Винсент.

Держа за узду лошадь, на которую мы переложили еще не очнувшегося Курта, и вяло понукая своего жеребца, я сообщил своему другу о том, что Скворт, скорее всего, мертв, а Бермандией правит оборотень. Винс присвистнул, но откуда у меня такие сведения, спрашивать не стал. Он сказал:

– Ты знаешь, что он участвовал в сегодняшней битве? Я видел его штандарт.

– Черт! – процедил я сквозь зубы.

Такая возможность! Ведь сегодня можно было захватить в плен и Лжескворта, но теперь он, наверное, во весь опор мчится на юг, чтобы пополнить в болотах свою заметно поредевшую армию.

В лагере мы подкрепились большими кусками жареного мяса, запивая его вином и закусывая хлебом, а потом легли спать. Винс предоставил мне и Гору два места в своем теплом шатре. Я лежал и слушал, как он рассказывает сыну об Эстелле и о родившейся у нее дочери, сестре Гора.

– Отец, а как называли девочку?

– О, это очень красивое имя. Мы с твоей матерью долго спорили и, в конце концов, решили назвать ее...

Я уже ничего не слышал, я плыл через бескрайнее море черной крови, и черное солнце светило сверху. Мне опять снился странный сон.

Глава XII. Смерть пирует

Несколько дней отдохнув в Тровере, мы стали готовиться к походу на юг Бермандии, чтобы окончательно расправиться со Лжесквортом. Семилианна рыдала целыми днями, потому что я не захотел брать ее с собой. Я направлялся туда, где меня ждала Луиза, и хотя Семилианна была мне очень дорога, я решил, что будет лучше, если девушка останется в городе. Что будет с бедняжкой, если она узнает о моей свадьбе с Луизой? Она, наверное, не переживет этого. Ну надо же было ей так влюбиться в меня! Я сильно привык к Семилианне, поэтому предстоящее расставание было тяжелым испытанием и для меня. Конечно, у меня был выбор. Я мог жениться на ней, обманув Луизу, но тогда с собой могла покончить последняя. Отложив решение этой проблемы на потом, я с головой ушел в работу. Я обучал трроверцев, как обороняться, если на город нападут в наше отсутствие. Я позаботился о том, чтобы в пути нам хватило еды и вина. Я участвовал почти во всех военных советах, некоторые из которых затягивались до утра.

От Курта Ирвинга я ничего не добился. Рассказывать что-либо он отказался наотрез, и Винс хотел уже пытать его, но я остановил друга. Распахнув сознание, запустив в мозг Курта ментальные щупальца, и сразу поняв, что он не оборотень, а человек, я читал его мысли. "Черта с два вы узнаете что-нибудь от меня. Я буду молчать, как рыба, даже если вы подвергнете меня самым ужасным пыткам. Скворт спасет меня". И так далее в таком же духе. Тогда я дал Винсу знак, и он начал пытки. Дыба, огонь и иглы не смогли вытащить из уст Курта ни одного слова. Он тихо стонал, закусив нижнюю губу и зажмурив зеленые глаза, когда трещали его кости, когда горела его плоть, но так и не раскрыл рта. Мы бросили его в городскую тюрьму, надеясь, что к тому времени, когда мы вернемся из похода, лишенный на период нашего отсутствия даже крошки хлеба, он заговорит. Я думал, что тогда, правда, нам уже, наверное, не потребуются какие-либо сведения, ибо задача наша будет выполнена – я убью Лжескворта, Винсент завладеет Бермандией, но все равно решил пока оставить Ирвинга в живых.

И вот наступил день, когда мы покинули Тровер. Во главе войск ехали Винсент, Гор, Носсир и я. Морроу я оставил в городе, чтобы он всегда был рядом с Толсоном и Семилианной. Конечно, им хватило бы опеки Дика и Генри, но я перестраховался на всякий случай. Толсон, рвавшийся отомстить чудовищам за смерть отца, был польщен, когда я сказал ему, что его присутствие в Тровере важнее, так как он очень умный и мне будет спокойнее, если он будет рядом с Семилианной. А перед этим была ночь, проведенная с девушкой, ночь, полная любви и слез, был прощальный поцелуй у ворот города, обещания и снова слезы. Она все время плачет. Неужели можно так сильно любить?! Я чувствовал, что несладко придется мне, когда настанет пора выбирать между Семилианной и Луизой.

А мимо проносились деревни, разрушенные или спаленные, и крестьяне покидали родные поселения, которые чудовища сравнивали с землей, переступали тлеющие головешки и вливались в наши ряды, решительно сжимая в мозолистых руках косы, серпы, молоты и лопаты. По Бермандии медленно, но уверенно распространялся слух о том, что Скворт мертв, а вместо него страной правит король-чудовище, и люди присоединялись и присоединялись к нам. Наша армия росла, как снежный ком, обрастая добровольцами, людьми, которым больше некуда было пойти, и теми, кто рассчитывал пожить дорожными трофеями. Мы, словно лавина, катились на юг, чтобы смести с лица земли оборотня и его войско, чтобы очистить Подлунный Мир от мерзких созданий. Задуманная нами акция приобрела огромные масштабы, и мне казалось, что уже вся Бермандия, как один человек, поднялась на борьбу с тираном. В каждом городке, в каждом поселке, через который мы проходили, нас радушно встречали, отдавали свои последние запасы, формировали отряды из желающих присоединиться к нам. Но уцелевших населенных пунктов нам попадалось очень и очень мало, ибо Лжескворт, отступая, поста-

рался сделать так, чтобы наше продвижение к Южным болотам не было легким. Он сжигал все, что попадалось на его пути, и часто нам приходилось обходить стороной огромные пепелища, где над выжженной землей еще витал черный густой дым. Он вырезал весь скот и трупами животных завалил ручьи и колодцы, одновременно лишая нас таким образом и мяса, и воды. Повсюду перед нами вырастали наспех сколоченные виселицы, на которых ветер зловеще раскачивал из стороны в сторону серые тела ни в чем не повинных местных жителей. Но это не запугало никого, а, наоборот, только прибавляло людям злости, ненависти, и подтверждало, что здесь прошел не человек, а зверь, и мы шли и шли на юг.

И вот перед нами встали каменные стены принадлежавшего когда-то мне замка, за которыми меня ждала Луиза. Я думал, что придется штурмовать замок, но ошибся. Когда мы послали Лжескварту ультиматум, предполагая, что он решил укрыться за толстыми стенами, то через полчаса был опущен подвесной мост и распахнуты дубовые ворота. Я въезжал в замок, спеша поцеловать Луизу, видя перед собой ее прелестное лицо, чувствуя запах ее шелковистых волос, а во дворе меня встречал улыбающийся тесть.

– Здравствуй, Донат. Где Луиза? – спросил я управляющего, думая только о девушке.

– Она у себя, герцог, — сказал Донат и снова улыбнулся.

Я спрыгнул с коня и побежал по знакомым лестницам и коридорам в комнату Луизы. Вихрем влетел я в ее покои. Девушка мирно и безмятежно спала. Я сел на край широкой кровати и, наклонившись, нежно поцеловал Луизу в губы, а потом просто смотрел на нее, любясь. Может разбудить ее? Нет, пусть еще чуть-чуть поспит. Но почему ее не разбудил Донат, зная, что вот-вот я буду в замке? Почему здесь больше никого нет? Где воины-аркольцы, которых я оставил охранять Луизу, ее отца и замок? Я почувствовал небольшую тревогу. А Донат? Что-то показалось мне в его облике странным. Но что? А может, я излишне подозрителен? Может, ничего не произошло и все в порядке, а я паникую? Скорее всего, я переутомился за время нашего долгого перехода. Я увидел на дамском столике, стоявшем в двух шагах от кровати, распечатанную бутылку вина и потянул к ней руку. Рука! У Доната вместо культи была здоровая рука, с непонятно откуда взявшейся вполне здоровой кистью! Я хотел вскочить и бежать во двор, но чьи-то холодные цепкие пальцы схватили меня за горло. Хрипя, я нечеловеческим усилием повернул голову, и мои глаза встретились с налитыми кровью глазами Луизы. Рот ее перекосялся в презрительной ухмылке, искаженное лицо выражало ненависть. Съездив ей локтем по зубам, я резко рванулся в сторону, и, освободившись от ужасной хватки, упал на пол. Быстро поднявшись на ноги, я освободил из ножен меч. Сплюнув расквашенными губами мелкое крошево зубов, женщина с низким гортанным сипением разорвала на себе рубашку.

– Луиза! Что происходит?! — кричал я, глядя на то, как она призывно гладит свои груди, живот, бедра.

– Как я хочу убить тебя и напиться твоей крови! Тогда бы ты узнал, как это приятно, когда твоя кровь покидает вены и артерии! Но у меня нет сил встать с кровати, потому что приближается мое время. Подойди же ближе, Мэтлок, и я подарю тебе покой, которого ты так ждешь! — ревела она, захлебываясь желтой пеной.

Она грозила, описывала страшное будущее Вселенной, а я стоял чуть поодаль и не знал, что делать, ничего не понимая. Вдруг Луизу передернуло изнутри, и она замолчала. Она загадочно улыбнулась, глаза ее струили неопикуемый восторг и фанатичную радость. Я в замешательстве отступил назад, когда ее живот начал раздуваться. Через минуту он был вдвое больше своей хозяйки, которая истерично хохотала, закатив зрачки, запрокинув голову и судорожно вцепившись пальцами в простыню. Внезапно живот треснул, как твердая ореховая скорлупа, и из зияющего пролома показалась пара ужасных щупалец, склизких и багрово-красных. Эти щупальца, окончательно доломав скорлупу, и, опершись на края кровати, вытянули откуда-то из недр тела Луизы сначала желтую чешуйчатую голову, а затем туловище, ноги и хвост, покрытые белой пузырящейся массой. Существо встало на пол и задрало вверх свои конеч-

ности. Всезаглушающий рык разнесся по замку. Взглянув на меня белками огромных глаз, монстр шагнул сквозь стену. В этот момент в комнату вбежал Донат. Я стоял, парализованный страхом, а он вопросительно взглянул на дочь, и та утвердительно кивнула ему головой. Тогда Донат громко засмеялся и в мгновение ока превратился в живого мертвеца: половина лица была обпалена до такой степени, что кое-где виднелись кости черепа, щека другой половины свисала вниз, обнажая два ряда звериных клыков. Глаза его светились непоколебимой решительностью. Слегка присев и подняв вверх сморщенные когтистые пальцы, он продолжал хохотать. Его смех гремел на весь замок. Я бросился на него, но обо что-то споткнулся и грохнулся, растянувшись во весь свой рост. Звук клинка, вынимаемого из ножен, заставил меня моментально вскочить на ноги, не позабыв при этом про Схайорел. На то место, где только что находилась моя шея, громко опустился меч. Взревев от бешенства, монстр вновь поднял клинок и повернулся ко мне. Глаза мои встретились с испепеляющим взглядом Доната. Я шагнул вперед, оттолкнув при этом попытавшуюся во второй раз сделать мне подножку Луизу, и, отбив летящее на мою голову, словно молния, лезвие, проткнул гнилую плоть чудовища Схайорелом. Монстр взвыл от боли, и, испустив дух, рухнул на пол. Луиза, визжа и извергая из перекошенного рта клочья пены, кинулась ко мне, но я рубанул мечом, и ее голова покатилась в угол, а изуродованное тело упало мне под ноги. Кровь, фонтаном бьющая из шеи, заливала мои черные сапоги. Сбылось еще одно пророчество Толсона!

В комнату влетели Винсент, Гор и еще несколько воинов.

— О, боже! Что здесь произошло, Мэтлок? — спросил изумленный Винс. — Мы были во дворе, разговаривали с твоим управляющим. Потом он извинился, сказал, что ему необходимо отлучиться на несколько минут, и ушел. Мы сразу бросились в замок, когда услышали страшное рычание, но заблудились в многочисленных коридорах. Сюда нас привел чей-то жуткий смех.

— Я потом тебе все объясню, — пообещал я другу. — Извините, но сейчас мне надо побыть одному.

Все, тихо шушукаясь, покинули комнату, а я все еще стоял в луже крови, сжимая меч. Если бы я сам толком знал, что здесь произошло, Винс, то рассказал бы тебе. Я тупо смотрел на уже неподвижное тело Луизы, ничего не соображая. Рассудок мой помутился, и я уже не понимал, где нахожусь. Кровь. Везде, повсюду. Я устал от нее, мне надоело каждый день видеть, как она, липкая и густая, течет вокруг меня целыми реками, плещется у моих ног, омывает их волнами. Руки мои по локоть в крови. В чем была вина тех людей, которых я убил по пути из замка в Акресс, когда еще не знал о том, как поступит со мной Скворт? В чем вина тех воинов, которые сложили свои головы в первой битве с войсками оборотня? В чем вина погибших в недавнем сражении меж холмов людей? А тысячи крестьян, висящих на всех дорожных столбах? А солдаты Бермандии, не знавшие о том, что их король — монстр, и защищавшие свою страну от аркольцев-захватчиков? Неужели все эти смерти на мне? Неужели я натворил все это? Да, я часто поступал жестоко и жертвовал жизнями многих людей, но во всем виноваты Корги, давшие какой-то болотной твари дар, позволяющий изменять облик! И они еще поплатятся за все эти смерти, я утоплю их в море крови тех людей, которые пали жертвами в результате их загадочных игр! Конечно, это сулит новые смерти и новую кровь, но отступать уже нельзя.

Медленно переставляя ватные ноги, я вышел из комнаты, и побрел во двор по тем самым коридорам и лестницам, по которым недавно сломя голову мчался, чтобы обнять любимую девушку. Какую роль играла она и ее отец во всей этой истории? Ведь они явно не были оборотнями, иначе после смерти сразу же превратились бы в болотных чудовищ. Луиза предала меня, а я ведь любил ее, хотел жениться на ней, воспитывать вместе с ней детей! Я вышел во двор и окунулся в ночь. Мрак заполнил пространство, и все светлое отступило перед ним в ужасе. Разгоняя тьму факелами, навстречу выехали из темноты мои друзья.

– Мэтлок, воины, остававшиеся все время во дворе, видели, как в опускающихся на землю сумерках из самой высокой башни замка вырвался с жутким воем ужасный демон и умчался на север, – сообщил мне Винсент.

– На север? – предчувствие беды ледяными объятиями сжало мое сердце.

Что надо было на севере этому чудовищу, этому сыну-выродку Луизы? Там, в Тровере, я оставил Семилианну, Толсона, Морроу и Курта Ирвинга! Я не сомневался, что демон отправился туда за жизнями близких мне людей, а также, чтобы освободить Курта.

– Коня! – заорал я. – Полцарства за коня!

Вскочив в седло поспешно подведенного кем-то ко мне гнедого, я яростно пришпорил его и, оказавшись за пределами замка, бешено поскакал на север. Ветер свистел у меня в ушах, тусклые звезды чертили светящиеся дороги на черном небе, уплывала из-под копыт земля. Я несея во весь опор, полностью всаживая в бока скакуна острые шпоры. Когда конь упал, а я, перелетев через его голову, удачно приземлился в глубокий сугроб, уже наступило утро. Мне повезло, что неподалеку грязный и худой мальчик пас неизвестно каким образом уцелевших от болотных тварей коней. Породистые жеребцы жадно щипали жухлую прошлогоднюю траву, сбившись на небольшом, очищенном от снега пятачке. Я обменял свой золотой кинжал на сильного вороного коня, пастух помог мне оседлать его. И снова – свист ветра в ушах и уходящая назад дорога.

Мне казалось, что всю жизнь я вот так скакал и скакал, пытаюсь обогнать время. Я загнал вороного и еще двух коней, которых с большим трудом нашел в этих израненных войной краях. Когда же, наконец, я увидел в предрассветной дымке расплывчатые очертания Тровера, то и последний скакун уже валился от усталости.

Все ближе и ближе был я к цели. Огромный черный смерч кружил над городом, срывая с домов крыши, швыряя их о стены. В воздухе висел густой запах горелого мяса. Оставив коня у распахнутых настежь ворот исходить кровавой пеной, я побежал по усеянными трупами улицам, спотыкаясь об обугленные тела троверцев. Монотонный гул рвал барабанные перепонки, раскаленные добела камни мостовой жгли мне ноги. Подошва сапог расплавилась, и мои ступни покрылись волдырями. Кое-как охлаждая их с помощью ментальной силы, я продолжал лететь к борделю Семилианны. Поворот. Еще один. Так, теперь в этот переулок. Налево. Направо. Я ворвался в "Страстную куртизанку" и напоролся на бездыханное тело Морроу. Он ничком лежал на деревянном полу. Рядом валялись два коротких меча, принадлежавших ему. Огромная, все еще кровоточащая рваная рана была у него на левом боку. Я несея по коридору, перепрыгивая через мертвых солдат Дика и Генри. А вот и сами командиры отрядов телохранителей, разрезанные пополам. Ногой я вышиб потайную дверцу, ведущую на подземный этаж, и стремглав побежал по лестнице, крепко сжимая свой верный Схайорел. Какая-то тень метнулась из моей комнаты навстречу мне, но я на ходу полосонул ее мечом, и она пропала. Голая Семилианна лежала в залитой кровью и желтой кашицей постели, вся в страшных шрамах, ноги неестественно раскинуты. Неподдельное выражение ужаса застыло у нее на лице, она вся нервно тряслась.

– Семилианна! Это я, Мэтлок! – закричал я.

– Мэтлок, ты вернулся, — простонала она и грустно улыбнулась.

– Кто это сделал?! Где он?! – орал я.

– Демон с щупальцами вместо рук. Он исчез за секунду до твоего прихода, – задыхаясь, произнесла девушка.

Тень! Я выскочил из комнаты, держа Схайорел наготове, но коридор был пуст, и я вернулся к Семилианне.

– Мэтлок, я умираю, – прошептала она, а кровь вытекала из рваных ран у нее на теле.

– Нет!

Я протянул к ней ментальный мост и передал ей часть своей жизненной силы. Но было слишком поздно, девушке уже ничем нельзя было помочь.

– Нет! – кричал я. – Не умирай, Семилианна! Ведь я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя, Мэтлок, — сказала она и, с трудом улыбнувшись, закрыла глаза.

– Я не верю, не верю, что ты покидаешь меня, – в отчаянии говорил я, но Семилианна уже не слышала меня.

Боль утраты иглой пронзила мое сознание. Я стоял на коленях возле кровати и громко рыдал. Она как чувствовала приближение смерти, когда просила меня, чтобы я взял ее в поход, но я, последний негодяй и трус, отказал ей! И вот теперь она лежит передо мной мертвая. Я опоздал, опоздал всего на несколько минут! Если бы я побыстрее гнал коня, то она была бы сейчас жива! Если бы я не уговорил ее остаться в городе, то сейчас бы ее сердце билось! Я буду вечно проклинать себя. Я понял, что потерял самое дорогое, что у меня было. Я потерял человека, который бескорыстно и самоотверженно любил меня. Нет мне прощения, ее смерть тяжким грузом будет висеть на мне всегда. Рыдания сотрясали мою грудь, я страдал, я глубоко скорбел по Семилианне.

Когда я, словно во сне, плелся по коридору к лестнице, то краем уха уловил стон, исходящий из комнаты Толсона. Как я забыл про коротышку?! Я вернулся, и вошел в увешанные коврами покои. Толсон, согнувшись, сидел в кресле, зажав ладошкой кровоточащую рану на животе, а тоненькие красные ручейки бежали сквозь его короткие пальчики.

– Толсон, – тихо позвал его я, и он повернул ко мне голову.

Яркий свет газового фонаря осветил его бледное лицо.

– Мэтлок, это ты? – сказал он, прищуривая глаза.

– Да, это я.

– Они нашли меня, – пробормотал он.

– Кто тебя ранил?

– Не могу открыть тебе тайну. Когда нибудь ты узнаешь обо всем сам. Ты отомстишь оборотню за смерть моего отца? – спросил он с надеждой.

– Клянусь тебе в этом, – сказал я, решив, что у коротышки угасает сознание, и он бредит, говоря о какой-то тайне.

Толсон кивнул, и заплетающимся языком проговорил:

– В ящике моего стола лежит гравюра, запечатлевшая последнее мое пророчество, и несколько страниц, вырванных из "Сказаний Подлунного Мира". Ты должен обязательно забрать все это с собой. Обещаешь?

– Обещаю, малыш.

– Внимательно прочти текст и рассмотри картинку, хорошо?

– Хорошо, Толсон.

Он улыбнулся, и тихо вздохнул.

– Ну, прощай, Мэтлок. Удачи тебе, – сказал он и замолчал.

Замолчал навсегда. Я закрыл ему глаза, потом нашел в столе бумаги, о которых он рассказал мне и, подойдя поближе к фонарю, взглянул на гравюру. Курт Ирвинг сражался рядом со мной. Он яростно сверлил глазами своего врага – болотного монстра, нацелив на него острие меча, а я же, расправившийся с одним чудовищем, спешил к нему на помощь. Что за чертовщина! Ведь Курт заодно со Лжесквортом, а на картинке Толсона дерется с его воином! Но если все предыдущие пророчества Толсона сбывались, то почему бы не сбыться и этому?

Когда я отомкнул дверь камеры, в которой томился Курт Ирвинг, и вошел, то пленник, грязный и сильно отощавший, бросился ко мне и схватил обеими руками за воротник. Голосом, полным боли и ужаса, он произнес:

– Мэтлок, к чему все это? Зачем ты устроил это представление со смерчем? Тебе мало смертей? В чем провинились трOVERцы, за что ты их так жестоко наказываешь? Ведь они же не воины, они мирные жители!

– Я не имею к этому никакого отношения, – зло сказал я, отталкивая его от себя.

– А кто же, кроме тебя, заинтересован в смерти Скворта и всех его подданных? – ехидно спросил меня Курт.

Я ничего ему не ответил. Я просто прикоснулся указательными пальцами к его вискам и швырнул в его мозг все то, что видел по пути из Тровера в свой замок: черные столбы с болтающимися на них трупами, сожженные деревни, разрушенные городки, сваленные в груды тела домашних животных. Я показал ему драматические события, разыгравшиеся в моем замке, показал растерзанного Морроу, жестоко убитых Дика и Генри, смерть Семилианны, умершего от большой потери крови Толсона. Я сделал так, чтобы Ирвинга захлестнули те же чувства, которые испытывал я, глядя на Бермандию, превращенную Лжесквортом в огромное пепелище, тот же страх, который парализовал меня, когда мои глаза встретились с лишенными зрачков глазами ужасного сына Луизы, ту же боль, которая заставила меня рыдать, когда я держал на руках бездыханное тело Семилианны...

Я отнял руки от головы Курта и отошел к зарешеченному окошку, доставая из внутреннего кармана шубы сигару и закуривая ее.

– Мэтлок, что это было? – поникшим голосом спросил дрожащий Курт.

– За всем этим стоит твой приятель, болотный монстр, принявший облик короля Скворта, — сказал я и сильно затянулся, глядя на улицу через маленькое низкое окно в сырой стене камеры.

– Не понимаю. Ты сказал "болотный монстр"? Ты сказал "приятель"?

– Брось притворяться, Ирвинг, – резко осадил его я, подумав при этом, что Курт действительно мог не знать, что служит королю-оборотню.

Желая удостовериться в обратном, я прощупал его мысли, но оказалось, что Курт и на самом деле не подозревал о том, что Скворт мертв, а трон Бермандии занимает оборотень. Тогда я ввел его в курс дела. Он долго сидел на охапке прелой соломы и смотрел в пол, подперев руками голову и, покачиваясь из стороны в сторону, пытаясь переварить все факты и доводы, которые я ему привел. Наконец, он поднялся и, решительно смотря мне в глаза, твердо сказал:

– Убей меня, предавшего свою страну, свой народ!

– Нет, я не убью тебя. Ты поедешь со мной на юг и искупишь свою вину перед Бермандией в бою.

– Ты не боишься, что я обману тебя, Мэтлок? Ведь я же могу говорить одно, а думать совсем другое, – произнес удивленный моим решением Ирвинг.

– Можешь, но сейчас твои слова и мысли совпадают, — улыбнулся я. – Ну, что, пошли?

Я повернулся к нему спиной и непринужденно зашагал к двери. Я был уверен, что Курт совершенно искренен в своем раскаянии, потому что его сознание все это время было открыто для меня, и я знал, что он действительно горько сожалеет о том, что был сподвижником зверя. Не обладай я ментальной силой, то, конечно, ни за что на свете не поверил бы ему, но я мог читать мысли, и поэтому шел впереди, показывая этим, что доверяю ему. Оказавшись на улице, мы поймали двух скакунов, хозяева которых, скорее всего, были мертвы, и, усевшись в мягкие кожаные седла, двинулись к воротам Тровера. При других обстоятельствах я бы не задумываясь отрубил Курту голову, но Луиза и ее отец оказались не теми, за кого себя выдавали, а значит и рассказ девушки о том, как Курт съел руку Доната, мог быть ложью. Курт не знал о том, что служит не Скворту, а болотной твари, значит, он мог преследовать меня, считая, что делает это на благо королевства. Интересно, Луиза притворялась, что любит меня, уже во время моего первого посещения Подлунного Мира или только недавно стала на скользкий путь

обмана и предательства? Надо поговорить с Куртом, может он прольет хоть немного света на эту загадочную историю.

Когда мы встретили отряд, посланный вслед за мной Винсом, я уже знал, что Ирвинг действительно выступал в цирке, что Лжескворт действительно приблизил его к себе, пораженный нечеловеческой силой артиста. Он подарил ему мои земли и титул, а бедный циркач, никогда не державший в руках более двух золотых, одурев от свалившегося на него счастья, приняв гражданство и подданство, присягнул на верность народу Бермандии и отправился в замок. Там он должен был сколотить отряд из наемников и ждать моего появления. Лжескворт рассказал Ирвингу о моих способностях, объяснив их тем, что я – демон. Он сказал, что я хочу захватить Подлунный Мир и править ним. Он убедил Курта, что я буду жестоким и несправедливым правителем, поэтому новоиспеченный герцог согласился караулить меня в замке. Наемники были теми смертниками, которые по приказу Ирвинга должны были наброситься на меня и убить. Чтобы оправдать в глазах обреченных на гибель людей (Лжескворт тогда был уверен, что я обладаю прежней Мощью) выплату им крупного жалования, была придумана легенда о том, что в последнее время болотные твари активизировали свои действия на прилегающих к замку территориях, и отряд набирается для борьбы с ними. Лжескворт сказал Курту, что, когда настанет время, он должен объявить солдатам, что в замок явился болотный монстр, принявший облик человека, и их задача – расправиться с ним. Он пояснил Ирвингу, что, чем неправдоподобнее история, тем больше люди в нее верят, хотя история была чистой правдой, только с той разницей, что не я, а король был оборотнем. Все было продумано до мелочей, но все равно вышла промашка. Непонятно почему, но Лжескворт был убежден, что я должен объявиться в начале второго месяца осени, а я переместился с Земли в Подлунный Мир в начале первого. К этому времени Курт еще не знал, как я выгляжу, потому что мой портрет, по словам Лжескворта, нарисованный придворным художником, король собирался показать ему только в конце месяца. Как раз тогда, когда я пытался через приближенного к Ирвингу солдата передать ему свою просьбу о расчете, Курт был вызван в Акресс для обсуждения плана моего уничтожения. Портрет ему еще не был показан, поэтому он и монарх не подозревали, что я вскоре прибуду во дворец, поэтому так испугался Лжескворт, увидев меня. Позже, когда Ирвинг был оторван от игры в кости и доставлен во дворец, когда они с королем решили зарубить меня спящего, но обнаружили, что спальня моя пуста и в конюшне не хватает коня, то Лжескворт чуть не лишился рассудка от охватившего его панического страха. Он набросился на Ирвинга, обвиняя его в том, что тот упустил меня, когда я был в его руках (Курту был, наконец, показан мой портрет, и он узнал на нем наемника, недавно ним принятого в отряд смертников, то есть меня). А потом начались погони и засады, началась охота на Мэтлока. Я убегал, никак не проявляя своих сверхъестественных способностей, и Лжескворт начал подумывать, а не утратил ли я их. Когда в Тровере меня предали стражники, которым я заплатил за молчание, он был уже уверен в том, что возможности мои не превосходят человеческие, но когда я вновь ускользнул от преследователей, а позже солдаты одного из посланных в погоню отрядов рассказали ему, что я летел, окутанный облаком тумана на восток, то опять испугался. На некоторое время я пропал из поля зрения врагов, но вскоре бермандские шпионы в Арколе донесли, что я вместе с Винсентом готовлю нападение на Бермандию. Подготовку к войне начал и Лжескворт. Каждый день он ждал, что я как то проявлю свою Мощь, в отсутствии которой он засомневался после моего загадочного полета на восток, но ничего не происходило, и он вновь уверился в том, что я ее утратил. Потом было сражение и отступление бермандцев, заявление короля о том, что из двух зол надо выбирать меньшее, объявление о союзе с болотными тварями и их нападение на аркольцев. Монстр догадывался, что мы спрячемся в Тровере, и послал туда Курта, чтобы тот организовал патрулирование улиц и обыски домов. После моей встречи с Куртом Ирвингом и бегства в Страну Миллиона Мелких Капель, чудовище опять запаниковало и вызвало Курта к себе. Вскоре напал Винс, а в разгар одного

из сражений с болотными тварями, с которыми Лжескворт заключил союз якобы для борьбы со мной, "ужасным демоном", и захватчиками-аркольцами, появился и я с отрядом трOVERцев.

Когда мы с Куртом, сопровождаемые отрядом из личных телохранителей Винсента Аркольского, прибыли в мой замок, я знал еще больше. Курт поведал мне о том, что Лжескворт устроил ему свадьбу с Луизой, но запретил прикасаться к ней. Оборотень частенько навещался в гости к Ирвингу и проводил в спальне девушки целые ночи, а также о чем-то подолгу шушукался с ее отцом в своей комнате. Как лихо разжалобила меня Луиза, наврав про свою тяжкую супружескую жизнь с Куртом! А еще Курт рассказал мне, что прошлой осенью, после ужасного урагана, обрушившегося на Бермандию, ходили слухи, что в Акресс к королю, сразу после его возвращения с болот, прибыл какой-то странный человек с желтыми глазами и красными волосами, погостил несколько дней и пропал. Это была новость, заставившая меня крепко призадуматься. Если из сказанного Куртом я сразу понял, что чудовище с багровыми щупальцами – дитя Лжесворта, если теперь я знал ответы на большинство вопросов, вот уже полгода мучавших меня, то появление в Подлунном Мире моего родного, как оказалось не только по матери, но и по отцу, брата Арды, задало мне новую загадку. Неужели он был тем самым Коргом, подарившим болотному монстру способность менять обличье?! И еще меня мучил один вопрос: ПОЧЕМУ ЛЖЕСКВОРТ БЫЛ ТАК УВЕРЕН В ТОМ, ЧТО Я ДОЛЖЕН ВНОВЬ ПОЯВИТЬСЯ В БЕРМАНДИИ ПОСЛЕ ГОДА ОТСУТСТВИЯ?!

Глава XIII. Откровение святого Толсона

Зима была на исходе. Все теплее и теплее пригревало солнце, побежали ручьи, мутные, но быстрые и веселые. Снег смешался с землей, и эта серая каша громко чавкала, когда я бесцельно бродил по лагерю. Грязные сугробы, первые прогалины и подснежники. Птицы, вернувшиеся в родные края из дальних жарких стран, суетливо носились вокруг башен замка, выбирая места для своих гнезд. В воздухе витал аромат сырой земли, проснувшейся ото сна и сбросившей с себя пушистое снежное одеяло, скомкав его и измазав грязью. Птичий щебет доносился до моего слуха, солнечный свет слепил глаза. Ранняя весна вступала в свои права, с каждым днем все больше отвоевывая Подлунный Мир у зимы.

А мы бездействовали. Наша армия стояла огромным лагерем вокруг замка, ожидая. Чего? Я и сам не знал, чего мы ждем. Болота были прочесаны нашими следопытами вдоль и поперек, но болотных тварей они не обнаружили. Монстры и их вожак пропали, когда я был уже у цели, и оставалось нанести врагу последний удар. Из центральных районов страны аркольские шпионы доносили, что там все спокойно, и передвижения каких-либо войск не было. Мне все это очень не нравилось. Когда после бурных событий наступает затишье, то нет никаких сомнений, что это затишье перед очередной и более сильной бурей. Скорее всего, что в данном случае она разразится в виде Великой Битвы, о которой в последнее время я старался не думать, а вел войну со Лжесквортом, лелея тайную надежду, что мне не придется иметь дело непосредственно с Коргами. Я искал аргументы в пользу того, что все разговоры об этой Битве пусты; я, безоговорочно веривший во все пророчества Толсона, заставлял себя думать, что он ошибся в том, что касалось моего в ней участия; я, уважавший опыт и мудрость своего отца, сомневался в его словах о гибели этого Измерения. Но сейчас, когда я целыми днями шатался среди палаток и костров, лишенный всяческой возможности продолжать войну по причине исчезновения врагов, я все больше и больше склонялся к мысли о том, что болотные твари испарились не без помощи Коргов и что Подлунный Мир находится накануне Великой Битвы.

Шагая по щиколотки в грязи, подставляя лицо теплему ветерку, я часами копался у себя в голове, перебирал события и мысли, анализировал, сопоставлял, отвергал и вновь возвращался к фактам, перетасовывая их, пытаясь кое-где передернуть. Наедине со своим сознанием, один на один со своими мыслями в течение семи дней. Я успел многое передумать, обнаружил ошибки, допущенные в действиях промахи, вспомнил и свои умные ходы, и верные решения, не обойдя вниманием и мудрость врагов. Лжескворт трубил на всю Бермандию о том, что я демон, чтобы люди королевства ополчились против меня в случае провала плана с наемниками. Последних же он хотел обмануть, сказав, что я болотный монстр, тем самым он заставил бы их не бояться меня, напасть и убить. Только благодаря счастливой случайности я остался в живых и не впал в немилость у народа Бермандии. А может это была и не случайность, а просто Лжескворта неверно информировали о времени моего возвращения? Кто информировал? Кроме Коргов некому. А кто из моих родственников общался с оборотнем? Арда. На первый взгляд, очень легко складывались части этой, как еще недавно казалось, неразрешимой головоломки. Оставались лишь вопросы о целях, преследуемых Ардой, который, судя по всему, устроил мое прибытие в Подлунный Мир, где он расставил мне западню, а также старые вопросы об отражении, кровавой сфере, мече, задании Всадников. А вот тут-то ничего и не сходилось. В Подлунный Мир я попал благодаря Всадникам Судьбы, а они не подчинялись никому, никто во Вселенной не мог повлиять на них, поэтому вариант с Ардой отпадал. Вот так по кругу и шел я, то склоняясь к тому, что за всем этим стоит мой брат, то отвергая эту мысль, как лишнюю оснований. Вроде бы задача уже была решена, но, как обычно, появились неучтенные ранее данные и всплыли неизвестные факты, и вновь я зашел в тупик. Эта бесконечная история мне уже порядком поднадоела.

В очередной раз я оставил попытки выбраться из лабиринта мыслей, развязать хитро-сплетения событий, добраться до причины, выяснить подоплеку. Я вспомнил о Луизе, Толсоне, Морроу. Перед глазами возникло лицо Семилианны, и печаль опустила на мое чело свои крылья. Но, думая обо всех тех, кто был мне дорог, и погиб или предал меня, я не смог уйти от других вопросов, и, конечно, они находились в тесной связи с теми, которые ставили меня в тупик. Если мне было понятно, почему Лжескворт устроил свадьбу Ирвинга и Луизы, почему Луиза и Донат оказались во время первого нападения на Бермандию в замке без особой охраны, то я не знал и даже не догадывался о роли, которую должен был сыграть монстр с багрово-красными щупальцами в этом кем-то тщательно отрежессированном спектакле. Он превратил уже его из драмы в трагедию, и я понимал, что на этом он не остановится. Ирвинг, фиктивный муж Луизы, был ее телохранителем, рядом с ним она была в безопасности, и Лжескворт был, наверное, уверен в том, что его чадо без препятствий и трудностей появится на свет. Конечно, король допустил ошибку, когда вызвал Ирвинга под Тровер для участия в битве, оставив тем самым Луизу без присмотра. Но откуда он мог знать, что я задумал рейд по его тылам? Не мог. Луиза же, хитрая бестия, повела себя умно, и ей удалось обмануть меня. Только непонятно, почему ее отец был в подземелье. Неужели только для того, чтобы я поверил в рассказанную мне историю? Неужели они с Донатом так умны и так быстро отреагировали, узнав, что я в замке? Сумбурные мысли, паутина размышлений. Битва. Великая Битва. Она над всем этим, она за всем этим. Откуда Толсон знал о ней? Почему я не расспросил его подробнее о той гравюлке? Может, он читал о Битве в книгах? "Сказания Подлунного Мира"!

Я побежал в замок, из-под моих ног летели брызги грязи. Ворота, двор, коридор, лестница, опять коридор, моя комната. Шуба, где моя шуба?! Ага, вот она в шкафу! Я достал из внутреннего кармана смятые листки, залез с сапогами на кровать и, разгладив вырванные страницы, о которых совершенно запамятовал в водовороте страшных и удивительных событий, произошедших в Тровере, начал читать.

"...Вспомнят Боги и Демоны позабытый ими и брошенный много веков назад на произвол Судьбы Подлунный Мир, и настанет тогда Судный День, День Великой Битвы. Будет это тогда, когда Красноволосый Бог даст недостойной низкой твари из болот ужасный дар, позволяющий изменять облик, когда обратится чудовище в короля одного из государств Подлунного Мира, когда во второй раз из Глубин Вселенной придет в Мир Бог-С-Серебряным-Мечом, ранее звавшийся Бог-Победивший-Болотных-Тварей, когда Лжекороль, желая отомстить ему за смерть своих братьев, начнет преследовать его, когда станут звать Бога Беглецом, когда встретит Беглец Смертного-Из-Другого-Мира, когда вместе пойдут они войной на оборотня, когда призовет монстр своих мерзких сородичей на битву, когда приютит Потерпевшего Поражение и его друзей прекрасная девушка, когда выберет Бог-С-Серебряным-Мечом не ту, которую следует, когда родится у него на глазах страшный демон, являющийся ребенком оборотня и Той-Которую-Выбрал-Бог, когда убьет этот демон Старого Друга, Ту-Которую-Не-Выбрал-Бог и Автора-Этих-Строк..."

Что?!!! Толсон написал эту книгу?!!! Выходит, что он знал все заранее, потому что обложка фолианта была сильно потрепана, когда я видел его у Толсона в первый и последний раз, да и желтые страницы подтверждали, что книга была написана очень давно. Но почему он не дал прочесть все это мне раньше?!!! Ведь я мог избежать столько ошибок! Была бы жива Семилианна, не родился бы ужасный сын Луизы, не погиб бы и сам Толсон! Почему, почему он поступил так?! Ради чего он пожертвовал не только жизнями Семилианны, Морроу, Дика, Генри, но и своей собственной?! Это он сделал не просто так, должно быть какое-то объяснение!

"... когда враг превратится в друга, когда состоится между Красноволосым Богом и Богом-С-Серебряным-Мечом разговор, когда поймет Бог-С-Серебряным-Мечом, что представляет его меч. Но понимание сути Серебряного Меча не озарит его владельца, если хоть

одно событие, упомянутое выше, не произойдет. И тогда не состоится Великая Битва, которая должна очистить Подлунный Мир, уничтожить его и создать новые законы времени и пространства в этой части Вселенной.

На этом заканчиваются Сказания Подлунного Мира, ибо после Великой Битвы он прекратит свое существование".

И все. Что за черт! Все это сильно пахивало Библией и муркоковским "Вечным Вои-телем". Бог, Второе Пришествие, Судный День, меч сверхъестественного происхождения! А что значит "создать новые законы"? Я вскочил, схватил Схайорел и принялся крушить все, что находилось в комнате, прыгая в бешенстве из угла в угол, от стены к стене. Вопросы, вопросы, сотни вопросов, тысячи вопросов, миллионы! Где же конец этого нескончаемого потока вопросов?! И где его истоки?! Задыхаясь, обливаясь потом, я продолжал беспорядочно скакать по комнате и высекать мечом из стен, уже несколько минут назад лишившихся драпировки, искры. Бог! Я никогда не считал себя богом, я всегда был человеком! Пусть бессмертным, пусть обладающим большими, чем остальные люди способностями и возможностями, но человеком, с присущими ему недостатками, слабостями! Почему я, а не кто-то другой, должен непрерывно пускать кровь врагам и видеть, как истекают кровью друзья, решать задачи, зная, что за ними незамедлительно последуют более трудные, почему?!!!

Когда я успокоился, и устало опустил на перевернутый и растроженный шкаф, то внезапно осознал, что Толсон обладал намного большим даром, чем я подумал. Он мог не только предвидеть будущее, но и проникать в тайны мироздания. Откуда он узнал, что есть такие понятия, как Глубины Вселенной, Другой Мир, законы времени и пространства? Были ли для него это простые слова, или он понимал, что они означают? Все это он знал, именно знал, а не угадал, потому что угадать так точно невозможно. Все это надо знать, чтобы так свободно оперировать понятиями и именами, а чтобы знать, надо быть одним из нас, одним из Детей Силы, или кем-то еще более могущественным. Черт, черт и еще раз черт!

Мысли мои переключились на Арду, моего старшего брата, веселого и бесшабашного великана с красными длинными волосами и желтыми глазами. В моем мнимом детстве он был моим наставником, учителем, другом и примером во всем. Он был отличным фехтовальщиком, искусным в обращении с Силой, мастером в чтении мыслей и даже подсознательных образов, умным собеседником, азартным, ловким и умелым игроком. Я вырос под его присмотром (по крайней мере, несколько месяцев назад я был в этом уверен на все сто процентов), если не принимать во внимание опеки многочисленных дядюшек и тетюшек, братцев и сестричек, воспитавших своим поведением во мне такие присущие Детям Силы качества, как презрение к чванству, наглой лжи и высокомерию. Арда сильно повлиял на формирование моего характера, моего мировоззрения, хотя, конечно, ему не удалось сделать из меня своего двойника. Мы часто состязались с ним на мечях, соревновались в применении Силы, устраивали долгие словесные споры, и всегда победителем выходил он. После того, как я набрался достаточного опыта, и отправился на поиски приключений в Измерения, я больше не встречался с ним – я всегда возвращался в Черный Дворец, когда Арда блуждал по Мирам. Хотя... Не может быть! От волнения я чуть не потерял сознание. Неужели? Да, теперь я не мог ошибиться – это был он! Тогда я страшно испугался и, возможно, это повлияло на то, что я долго не мог вспомнить лица того парня, но сейчас те далекие события ожили в моей памяти.

Это случилось тогда, когда я после безрезультатных поисков отца решил на время прекратить свои путешествия по Измерениям и немного пожить во дворце матери. Я летел сквозь Тоннель... Нет, нет, это произошло тогда, когда я, вдоволь нагулявшись по Мирам, возвращался в Страну Миллиона Мелких Капель. Я летел сквозь Тоннель, но внезапно он круто изогнулся, и я упал в грязь. Черт, к отцу или к матери я летел тогда? Сердце забилось быстрее, я хватал, как рыба, ртом воздух, но мне не хватало его, и я разорвал ворот куртки, а затем и рубашки. Я нашел! Вот она, точка слияния двух рек моего детства в одну! Эффект был

такой, как если бы я совместил взглядом два плоских рисунка и получил стереоскопическое изображение – так ясно и отчетливо я понял все произошедшее тогда. Я возвращался к отцу, вывалился из тоннеля и оказался в местности, лишенной признаков жизни, как растительной, так и животной. Повсюду была грязь, даже не грязь, а черная вонючая жижа. Я лежал на дне глубокой ямы, своими краями касающейся серого неба. Потом, через вечность, я увидел, как по склону кто-то спускается, причем со скоростью, превосходящей скорость света, казалось, в миллион раз. Этим "кем-то" был Арда, но не добрый наставник и учитель, а проклятый отцом сын и коварный похититель. Тогда я еще не знал, что он мой брат. Он подошел ко мне и ткнул сапогом под ребра:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.